

Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви

Государственное учреждение образования
«Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла»
Белорусского государственного университета

Международное общественное объединение
«Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла»

**Жизнь человека – дар Божий.
Биоэтические проблемы современности
в свете христианского вероучения**

Сборник докладов
XIX Международных Кирилло-Мефодиевских чтений
(24 мая 2013 г.)

Минск
«Ковчег»
2014

УДК [27+008] (082)

ББК 86.37

Ж 71

Редактор-составитель М.А. Можейко.

Рецензенты:

Заведующая кафедрой философии и истории

ГУО «Белорусский государственный университет физической культуры»,

доктор философских наук Т.Н. Буйко;

Заведующий кафедрой философии культуры ГУО «Белорусский
государственный университет», кандидат философских наук А.А. Легчилин.

Ж 71 Жизнь человека – дар Божий. Биоэтические проблемы современности в свете христианского вероучения. Сборник докладов XIX Международных Кирилло-Мефодиевских чтений (24 мая 2013 г.) / редактор-составитель М.А. Можейко. – Минск : Ковчег, 2014. – 170 с.

ISBN 978-985-7121-86-1.

Кирилло-Мефодиевские чтения, которые ежегодно проводятся в Государственном учреждении образования «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета, в 2013 году были посвящены проблемам современной биоэтики и их прочтению в свете христианского вероучения.

На пленарном и секционных заседаниях были обсуждены такие вопросы, как пути взаимодействия Церкви и государства в решении медико-социальных и медико-генетических проблем современности, антропологическая размерность культуры XXI века, медико-социальные проблемы жизни до рождения, нравственные и юридические аспекты ответственности родителей и др. Специальный круглый стол был посвящен анализу феномена жизни в системе моральных императивов современности.

Сборник научных работ, посвященных перечисленным проблемам, предназначен специалистам гуманитарного и медицинского профилей, аспирантам, магистрантам и студентам гуманитарных и медицинских специальностей.

УДК [27+008] (082)

ББК 86.37

ISBN 978-985-7121-86-1

© ГУО «Институт теологии имени
св. Мефодия и Кирилла»

Белорусского государственного университета, 2014

© Оформление. ООО «Ковчег», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово Митрополита Минского и Слуцкого ФИЛАРЕТА, Патриаршего Экзарха всея Беларуси на открытии XIX Международных Кирилло-Методиевских Чтений	5
--	----------

РАЗДЕЛ I. Антропологическая размерность культуры XXI века: пути взаимодействия Церкви и государства в решении медико-генетических и медико-социальных проблем	6
--	----------

Т.П. Короткая. Человечность – моральный императив 21 века	6
О.А. Барма. Библиотека как феномен бытия человека в постмодернистской литературе (на примере романа Э. Костовой «Историк»)	11
М.М. Иваненка. Маральныя нормы ўзаемаадносін мужчыны і жанчыны ў традыцыйнай культуры беларусаў	14
А.Ю. Кислый. Состояние нравственного здоровья молодого поколения как социальная проблема современности	19
И.Е. Климова. Почему не эволюционируют школьные учебники биологии?	22
И.В. Падерова. Медико-социальные проблемы сельского сословия Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	26
А.И. Лойко. Жизнь человека: рождение и социализация	31
И.М. Макаренко. От постмодерна – к пост-постмодерну: трансформация системы ценностей	32
Р.Г. Пашко. Слово и жизнь	36
Иерей Михаил Самков. Теории коммуникации и их влияние на теорию и практику перевода	39
Ю.А. Яроцкая. Православная церковь в Японии: история отношений общества и государства	41
В.А.Можейко. Социально-философские предпосылки формирования культурной политики Республики Беларусь в условиях глобализации	45
Н.В. Самосюк. Православная благотворительность как способ решения социальных проблем (1921-1939 гг.)	47
Ю.А. Яроцкая. Отношение японского правительства к христианству	51
И.И.Терлюкевич, Н.И.Мушинский. Жизнь человека как проблема биоэтики и неорелигиозная философия	55

Раздел II. Жизнь до рождения: медико-социальные проблемы	59
---	-----------

Дорота Корнас-Беля. Жизнь до рождения: медико-социальные проблемы	59
С.В. Воробьева. Феномен ответственности в социально-конструктивном контексте ...	68
О.М. Дроздович. Напротехнология и христианский путь спасения жизни	73
Л.А. Мартынова. Из опыта экстренного психологического консультирования женщин в ситуации кризисной беременности	76
А.С. Мартысевич. Ценность жизни до рождения: Умберто Эко vs. кардинал Мартини (в продолжение диалога)	79
О.С. Павлова. Экзистенциальные ценности в православном и биоэтическом измерениях	81
Т. Тарасевич. Проекты в защиту жизни «Пролайф»	84
Н.А. Цыркун. Проблема отношения студенческой молодёжи к нежелательной беременности	88
Е.Е. Чистякова. Модель психологического консультирования женщин, находящихся	

в состоянии кризисной беременности	90
О.В. Огирко. Биоэтические проблемы аборт	93

Раздел III. Ответственность родителей: социальный, нравственный и юридический аспекты

В.А. Артёмова. Отказ от переливания крови как угроза для жизни детей, рожденных в семьях Свидетелей Иеговы	97
Протоиерей Владимир Башкиров. Родители как воспитатели и педагоги (христианский взгляд)	100
Д.О. Донченко. Развитие воспитательного потенциала семьи как основного фактора правовой социализации ребенка	111
Е.И. Зенько. Социальные, демографические и психологические аспекты подготовки молодого поколения к семейной жизни	114
Н.С. Захарук. Роль раннего онтогенеза в становлении материнской сферы современных девушек	117
С.В. Кирпич. Отцовство как проявление ответственности, любви, жертвенности: духовно-нравственный контекст	119
Е.В. Перепелица. Вспомогательные репродуктивные технологии и демографическая безопасность Республики Беларусь	120
Л.И. Петровичева, Е.Н. Богданович. Книга, несущая добро	124
Т.В. Пыка. Природа не терпит совершенства или к чему приведут нас генетические изыскания XXI века	128
Е.Н. Русанова. Ответственность родителей: социальный, юридический и нравственный аспекты	132
В.П. Старжинский, Н.П. Скляр. Авторитет родителей и школы как основа послушания и дисциплины	134
И.И. Цыркун. Мужчина и отец: гендерно-ролевые представления	141
Е.Н. Шевелева. Родители как субъекты ответственности: нравственный, социальный и юридический аспекты	142
Б. Яковлева. Нравственно этическое и эстетическое воспитание будущего семьянина	145

Раздел IV. Жизнь в системе моральных императивов современности

М.А. Можейко. Жизнь как пространство духовного творчества	149
М.В. Казмирук. Примирение теорий креационизма и генерационизма у свт. Григория Нисского	155
В.А. Латышева. Эвтаназия – дорога к убийству (путь нацистской Германии)	156
Н.С. Семенов. Об истине себя самого	158
Р.Г. Пашко, А.С. Карапетян. Феномен трансгуманизма и проблема перспектив его развития в XXI веке	159
Т. Тарасевич. Биоэтика: от онтологии власти к онтологии ответственности	163

Резолюция XIX Международных Кирилло-Мефодиевских чтений

168

Слово
Митрополита Минского и Слуцкого ФИЛАРЕТА,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси
на открытии XIX Международных
Кирилло-Мефодиевских Чтений

Дорогие отцы, братья и сестры, участники XIX Международных
Кирилло-Мефодиевских Чтений, уважаемые гости!

Сердечно приветствую всех вас в стенах Института теологии Белорусского государственного университета. В эти дни мы с вами продолжаем радоваться Пасхе Христовой, поэтому обращаю к вам наше пасхальное приветствие: Христос Воскрес! – Воистину Воскрес!

Открывая сегодня конференцию «Жизнь человека – дар Божий. Биоэтические проблемы современности в свете христианского вероучения», мне вспоминается другая встреча, которая по благословению Святейшего Патриарха Пимена проходила в Москве в мае 1982 года. Это была всемирная конференция «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы». Для того времени форум был беспрецедентным. Он не только показал возможности влияния религиозных организаций на формирование общественного мнения, но также стал свидетельством высокого авторитета Русской Православной Церкви.

Как тогда, так и теперь многим может показаться странным то, что Церковь берется обсуждать вопросы общественного характера. Если в 1982 году это было связано с господствующим атеистическим мировоззрением, то сегодня подобное удивление зиждется на представлении о религии как о частном деле.

Нам нет нужды вступать в дискуссию по этим вопросам. Достаточно вспомнить, что в этом году мы отмечаем 1150-летие создания славянской азбуки святыми равноапостольными братьями Мефодием и Кириллом. Азбука – это не только возможность транслировать духовный опыт нации. Создание письменности – это условие ясного, критического отношения к собственному настоящему и будущему.

Трезвомыслие любви – вот наследие святых Мефодия и Кирилла, которое нам необходимо преумножать, решая насущные проблемы современности. Наше обращение к проблемам биоэтики представляется вполне оправданным. Это связано как с законотворческой деятельностью в нашей стране, так и с общемировыми тенденциями в отношении к человеческой жизни.

Еще в 2000 году Русская Церковь предложила общественному вниманию документ «Основы социальной концепции», в котором, в частности, говорится: «Церковь исходит из основанных на Божественном Откровении представлений о жизни как бесценном даре Божиим, о неотъемлемой свободе и богоподобном достоинстве человеческой личности, призванной *«к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе»* (Флп. 3.14), к достижению совершенства Небесного Отца (Мф. 5. 48) и к обожению, то есть причастию Божеского естества (2 пет. 1. 4)».

Дорогие братья и сестры! Молитвенно призываю всех вас к вдумчивому осмыслению всего комплекса биотических проблем. Нам нужно понять, что решения глобального масштаба, беспечно принимаемые в погоне за выгодой, могут обернуться катастрофой.

Верю, что на нынешнем форуме, с Божией помощью, мы сможем быть внимательными друг к другу и мужественными в отношении будущего жизни на Земле! Бог в помощь!

ФИЛАРЕТ,
Митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси

РАЗДЕЛ I. Антропологическая размерность культуры XXI века: пути взаимодействия Церкви и государства в решении медико-генетических и медико-социальных проблем

Т.П. Короткая

*доктор философских наук, профессор, профессор
ГУО «Белорусский государственный экономический университет»*

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ – МОРАЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ 21 ВЕКА

Слово человечность несет в себе многочисленные смысловые коннотации. Чаще всего человечность понимается как гуманность, проявление сочувствия к людям; в содержание этого понятия включается альтруизм, подавление эгоистических стремлений. Тем самым здесь мы попадаем в своеобразную ловушку – слово человечность несет в своем содержании огромный смысловой пласт, поскольку учение о человеке и соответственно человечности является неотъемлемым составляющим философии и культуры в целом. Понятие человечность широко начинает употребляться в эпоху ренессанса, здесь оно связано с понятием гуманизм. В этот период слово гуманист обозначает по преимуществу преподавателей и учителей грамматики, риторики, поэзии и философии, появляется корпус гуманитарных дисциплин, которые обозначают соответственно поэзию, риторику, философию. Термин Humanitas синонимичен греческому слову *paideia*, т.е. воспитание и образование человека. У Платона и Аристотеля пайдейя употребляется в тесной связи с такими понятиями как этос, калокагатия и арете. Иногда в античности этот термин понимается как «культивация», окультуривание. Следуя за античной традицией и развивая ее, ренессансные гуманисты определяют человечность через понятия *humanitas*, *paideia*. Усвоение определенной суммы знаний тесным образом связано с развитием нравственности, определенных добродетелей. Понятая таким образом человечность типологически связана прежде всего со стремлением развития человеческой природы через воспитание и образование. Очевидно, что в процессе воспитания и образования человека, формирования человечности, важнейшая роль отводилась гуманитарному знанию.

Вопрос о человечности связан еще с одной смысловой коннотацией-противопоставлением человечности и варварства. Противопоставление это было зафиксировано уже в Древнем Риме как соотношение образованности и необразованности. Человечность здесь понимается как усвоение определенной суммы знаний в противопоставлении необразованному дикому варварству. Эта дихотомия образование(пайдейя)-варварство характерна и для эпохи Возрождения. Об этом хорошо говорит Э.Жильсон в своих работах по философии средневековья. В частности, говоря о Петрарке, Жильсон раскрывает противопоставление им итальянской культуры как наследнице Рима и его культурных достижений, варварскому, т.е. культуре других народов – испанцев, французов и т.п. В конечном счете дилемма человечность- варварство конституируется как противопоставление возрожденческой культуры как человеческой культуре средневековья как варварской. «Когда идеи Петрарки, - пишет Жильсон, - найдут сторонников вне Италии, антитеза между варварством и «итализмом» должна будет непременно расширяться. Уже не место рождения, а культура разделит две группы. Одну из них составят придерживающиеся варварской схоластики, опозоренной Петраркой, другую – все любители вновь обретенных латинского красноречия и античной литературы».[1,с.551.]. В последующее время слова схоластика, средневековье, варварство становятся синонимами. В этой оценке явственно прослеживается редукционизм и тесно связанная с этим недооценка эпохи средневековья, ее очевидных достижений.

В современной философии человечность человека связывается с трактовкой его сущности. Существует различие мнений, классификаторских моделей, в которых

тематизируются различные подходы в понимании сущности человека и, соответственно, его человечности. В этой связи обратим внимание лишь на некоторые из них.

Натуралистическая программа или натуралистический подход к человеку акцент делает на единстве человека и природы. В рамках этого подхода человек понимается прежде всего как часть природы. Опираясь на достижения современной биологии, представители т.н. социобиологии переносят на человека и общество представления о живых природных системах. Тогда альтруизм, человеколюбие, солидарность предстают как природные качества, представленные во всех живых системах на генном уровне, а человек предстает в качестве высшего развития природной цепи качеств.

В рамках этого подхода человек трактуется, однако, не только как венец природы. Ряд философов говорят о человеке как о ущербном животном. Здесь повторяется мысль Ницше о человеке «как еще неопределившемся животном». Например, по А. Гелену, человек - «биологически недостаточное» существо. Человек уступает животному в Физическом развитии, и, чтобы восполнить эту ущербность, он развивает свой мозг, интеллект, превосходя тем самым животное. В понимании Гелена культура есть восполнение исходной биологической ущербности человека. Нравственное поведение, по его мнению, должно пониматься не как абстрактный гуманизм, а как развитие исходных витальных оснований, программ жизни, генетически заложенных в человеке как биологическом существе. Можно сказать, что здесь человечность понимается как неотъемлемая составляющая животного мира вообще, а человек лишь эти качества либо развивает, либо подавляет.

Развитие современной зоопсихологии ставит вопрос о том, чем же человек отличается от животного? Человек логически мыслит, но и животные решают логические задачи определенного уровня; человек имеет нравственные и социальные нормы и предписания; но и животное способно демонстрировать и определенные социальные навыки и проявления морального чувства. Вряд ли люди, у которых живут их любимые кошки и собаки, согласятся с механистической трактовкой Декартом животных. Животные также демонстрируют альтруизм, самопожертвование и другие качества. Здесь различие скорее количественного порядка. В чем же тогда качественное отличие человека от животного? Можно согласиться с теми учеными, которые утверждают, что человек воспринимает мир целостно, а животное – фрагментарно. Поэтому понимание мира как космоса, как гармонического единства, присущалишь человеку, поэтому, например, человек, в отличие от животных, обладает религиозной верой, философской интуицией и т.п.

В рационалистической метафизике, идущей от Платона, упор делается на разумность человека. Благодаря разуму человек способен познать закономерные связи и отношения окружающего мира. Человечность человека в данном случае – это его разумность. Безусловно, наличие у человека разума является одним из самых очевидных признаков человека. Философы Нового времени (Декарт, Лейбниц, Спиноза) считали, что в разуме находятся начала познания, которые не нуждаются в дополнительном обосновании. Разум становится всеобъемлющим принципом. Вера в разум доминирует, он понимается как основной принцип, универсальная способность человека и человечества. Философия Нового времени заявляет в лице Декарта тезис «*cogito ergo sum*», т.е. мышление и существование приравнены, в центре философского дискурса – человеческое я, цель философии – метод, умение правильно мыслить. Задача философии замыкается пределами научной рациональности.

В современной философии чрезвычайно актуален вопрос о критериях разума, основаниях разумного как такового. Ряд философов 20 века (Адорно, Хоркхаймер и др.) рассматривая проблему оснований рациональности, подчеркивают тот момент, что разум в современную эпоху становится инструментальным разумом, его задача – не достижение истины, а обслуживание социальной системы. Рациональность, лежащая в основе современной цивилизации, не только разум превращает в инструмент господства над природой, но и человека делает урезанным, одномерным, винтиком бюрократической машины. Вопрос об

основаниях разумного в те или иные эпохи освещался по-разному. Характерной особенностью сегодняшней ситуации является то, что сегодня можно фиксировать разрыв между целями и результатами, внешне разумное приводит зачастую к противоположным результатам – к неразумию. Сегодня гуманитарии говорят об очень тонкой грани, которая отделяет нашу цивилизацию от окончательного краха. Именно поэтому сегодня такую остроту приобрели глобальные проблемы современности, т.е. те, которые затрагивают самые основы современной цивилизации (ядерная угроза, экологические проблемы, проблемы биоэтики).

В 20 веке складывается ряд направлений, которые ставят в центр своего анализа проблему человека. Среди многоликих течений этико-гуманистической направленности складывается парадигма персонализма. Понятие персонализм является многозначным. Чаще всего под это понятие подводятся течения философии и психологии, которые в основу кладут понятие личность. Персонализм – философия личностная. В широком понимании персонализм – целый огромный пласт философии и культуры, в центре внимания которого – личность, человек. В таком широком понимании персонализм представляет собой этико-гуманистическую традицию европейской философии в целом. Истоки его восходят к христианству. Христианство говорит о человеке и человечности в плане его спасения, оно делает упор на взаимоотношение человека и бога. Человек есть образ и подобие Бога, следовательно, подлинная человечность есть богочеловечность. Типичным, характерным для христианства является представление о ничтожестве и слабости человека (его бездуховности) в отрыве от бога, утверждение о том, что обрести себя (и духовные характеристики) человек может лишь обратившись от мира к богу. Персонализм в философии 20 века объединяет ряд мыслителей, который чаще всего тематизируется регионально – русский, французский, немецкий персонализм и т.п. Мы будем в своем анализе опираться на идеи французского персонализма (Э. Мунье и движение, консолидировавшееся вокруг журнала «Esprit»), и русского персонализма (Н.Бердяев, Н.Лосский и др.) Не касаясь анализа этого течения в целом, обратим внимание на несколько проблем. Прежде всего, персоналисты ставят в центр тему свободы, а не тему самосознания. По мнению персоналистов, человек – своеобразный разрыв в цепи причинно-следственных связей и отношений, которым подчиняется мир природы. Эта инаковость человека проявляется в его свободе. Исходя из этого, персоналисты выстраивают тему самосозидания человека: на основе свободы возможно творчество человека. Творчество здесь понимается широко: как созидание уникальных материальных и духовных ценностей, и как созидание человеком самого себя. Персоналисты критикуют рационалистическую философию Нового времени за то, что эта философская традиция, начало которой положил Декарт, акцентирует внимание на самосознании, *cogito*. Здесь сущность человека понимается как мышление, разум. Для персоналистов же сущностью человека является духовность, творчество, свобода. Взамен ориентации классической философии на субъект – объектное отношение как базовое в познавательной деятельности, персоналисты кладут в основание философии личность как духовную ценность. При этом личность понимается не как атрибутивная характеристика человека, а как то, чего следует достичь, что требует волевого усилия, духовной работы над собой. Духовный опыт, его разные срезы (исторический, религиозный, мистический и др.) призваны описывать этапы личностного становления человека. При этом диалектика духовного опыта описывается по-разному. Эта духовная диалектика описывается через понятия экстерииоризации – ориентации человека во внешнем мире; интериоризации – сосредоточенности человека, понимании себя как духовного существа, и наконец, через понятие трансценденции.

Персонализм восстанавливает идею трансцендентного бытия, обнаруживая свою религиозную направленность, полагая при этом, что трактовка личности, человечности неотделима от трансцендентного начала. Как известно, человек представляет собой реальность особого рода. С одной стороны, эта реальность формируется в процессе интериоризации духовного опыта человечества, человек как бы «вбирает» в себя внешний

мир. С другой стороны, человек способен выходить за пределы своего наличного бытия, он тем самым превосходит себя и, изменяя себя, способен изменять окружающую действительность. Человек живет как бы в двух мирах, двух проекциях своего бытия – во-первых, в мире физической и социальной данности, которая всегда ценностно окрашена, во-вторых, он выступает как проект, незавершенность, трансценденция. Трансцендентность относится к числу фундаментальных характеристик человека. Человек может делать себя иным, он воплощает в себе вечное созидательно-преобразующее начало. Однако, преобразуя себя, он тем самым способен преобразовывать окружающий природный мир. Описывая диалектику духовного становления человека, персоналисты подчеркивают открытость человека трансцендентному, они полагают трансцендентное базовым условием духовного опыта человека и его личностного развития. У ряда философов – персоналистов христианство выступает не как строгое догматическое учение, а как общий принцип, направленность мысли, которая исходит из того, что личность, духовность возможны только при наличии трансцендентного бытия. При этом это трансцендентное бытие понимается не как Абсолют, не как абстракция, а как личная встреча открытой и свободной личности с Богом. Личность, открытая трансцендентному, есть нечто большее, чем простая часть целого. Личность вырабатывается длительным процессом, работой над собой. Такие персоналисты как Бердяев, Мунье настаивали на диалогическом характере личности. Другой, Ты описывается ими как самодостаточное нередуцируемое, как то, что трудно выразить через логические понятия. Диалог является конституирующим началом личности. При помощи экзистенциальных понятий Я, Ты, Мы описываются фундаментальные характеристики личности. Изначальный опыт личности - это опыт другой личности", "Ты". Личность, по мнению персоналистов, существует только в движении к другому, познает себя только через другого, обретает себя только в другом. По Мунье, именно эта открытость другому, понятая как способность стать на точку зрения другого человека, сопричастность судьбе другого, не имеет аналогий в природном мире.

Персоналисты противопоставляют понятия личность и индивид. Индивида можно охарактеризовать как чисто биологическое существо, он выступает как часть целого, у него нет глубокого духовного опыта. Личность, хотя и не может быть логически и понятийно строго определена, есть духовное бытие, она принимает внутрь себя моральные ценности и творит себя, будучи свободным и независимым моральным существом. Индивид же является порождением того порядка бытия, где из поля зрения элиминированы дух, свобода, творчество. В отличие от диалогического характера личности, существенной характеристикой индивида является его эгоцентризм, замкнутость на себе. На основе диалогического понимания личности выстраивается в персонализме понимание важнейших социологических проблем. Противопоставляя понятия личность и индивид, они подчеркивают тот момент, что, как правило, социологические теории исходят из индивида, из понимания человека как части общества, одного из равновеликих составляющих социального организма. Персонализм противостоит как индивидуализму, так и коллективизму тоталитарного типа. Для них две эти на первый взгляд крайние концепции на самом деле исходят из понимания человека как индивида. В первом случае, индивид противопоставляет себя коллективу, во втором – он подавляется коллективом. Ложность этих подходов состоит в том, что они исключают духовную природу личности. По этой причине вместо внутреннего духовного общения социальные отношения предстают как отношения безличностные, человек здесь не может реализовать себя как личность. Человек не может соединиться с другими, «Мы», внутренне, духовно, ибо «Ты» становится «не-я», или объектом, индивидом. Для персоналистов важным является описание подлинной социальности как общества взаимопонимания, творческого взаимообогащения. Они не просто описывают отчужденного человека в отчужденном обществе, но утверждают возможность достижения подлинного человеческого общения. Подлинные социальные отношения, подлинная социальная структура должна строиться на основе диалога, где социальные структуры предстают как открытость «Я» «Мы». Реализация личностного

персоналистического общения и в этом смысле подлинной социальности возможна лишь на основе любви.

Быть личностью означает любить. Любовь здесь понимается не в смысле эмоционально-психологическом. Она предстает как новая подлинная форма бытия. Именно на основе любви возможно преобразование современной цивилизации в сторону подлинного гуманизма. Любовь понимается как модель подлинных социальных отношений, подлинного бытия человечества, где человек может реализоваться как свободное творческое существо. Мунье перефразирует известное декартовское «*cogito ergo sum*» (мыслью, следовательно – существую) – в тезис «я люблю, следовательно – существую». Благодаря любви – к другим людям, природе – человек начинает ощущать внутреннюю глубинную связь с другими людьми, природой. Он переживает чувство родственности, вовлеченности, включенности в этот мир. Это формирует чувство подлинной ответственности человека – «свой родственный» мир и «свои» другие люди не могут рассматриваться как вещи, они уникальны, неповторимы. В опыте любви происходит выход, трансцендирование к другому как к личности. Здесь нет подчинения другому, здесь происходит открытие другого как равного, самоценного, обладающего собственным бытием. Здесь открывается другая личность как имеющая ценность и значимость в своем собственном бытии. Здесь я обладаю подлинным бытием, но также другой, ты понимается как значимый, обладающий онтологической реальностью. Точно также и окружающий мир становится благодаря этому духовному опыту любви нашим миром, но миром, который имеет свою самоценность, он не противостоит нам как чуждый, он является родственным, родным. Таким образом, мы ощущаем свою родственность миру и другим людям, или, следуя Мунье, свою вовлеченность в этот мир и свою ответственность за него.

Таким образом, понятие человечность является сложным и многозначным. В современной культуре происходят процессы, которые обозначают дилемму: или человек, опирающийся на нравственные ценности, или человек, стоящий перед бездной небытия. Современная социокультурная ситуация характеризуется сложностью, ускоренным ритмом жизни, новыми вызовами и угрозами обществу. Зачастую можно фиксировать наличие у современного человека «вероятностной» моральной позиции: поведение индивида ситуативно, важнейшим является достижение успеха как такового. Прагматизация жизненных установок, которую мы наблюдаем в последнее время, когда в основу взаимоотношений людей кладется голый расчет, голая «экономическая выгода», имеет опасную направленность. Она приводит к забвению человеком человечности. Для того, чтобы преодолеть негативные моменты, обозначившиеся в современной культуре, необходимо еще раз вспомнить о том, что в основе подлинно человеческих взаимоотношений лежат такие духовные ценности как взаимопомощь, справедливость, правда, красота. Об этом говорят не только философы, но представители других гуманитарных дисциплин. Например, в этой связи несомненный интерес представляют наработки т.н. гуманистической психологии, которая вновь остро поставила вопрос о психически и нравственно здоровой личности, условиях и возможностях ее формирования. Один из основоположников этого направления А. Маслоу связывает развитие человека, его самоактуализацию с проблемой трансценденции. В своей работе «Дальние пределы человеческой психики» он выделяет около 20 видов трансценденции. [2,с.281]. Одним из важнейших аспектов этого понятия является понятие трансценденции базовых потребностей. По его мнению, существует определенная иерархия мотивов. Нижний слой составляют такие потребности, как еда, сон и т.п. Далее идут уровни, связанные с такими потребностями как потребность в любви, уважении, безопасности. И, наконец, метапотребности, по Маслоу, включают в себя потребности в совершенстве, красоте, правде. Если человек становится метамотивированным, он становится тем самым психически здоровой личностью, или по-другому, говоря, «дочеловеченным» человеком. Таким образом, если мотивация ограничена лишь нижним слоем потребностей, а другие уровни исключаются, происходит «урезание» человека, его духовное опустошение. По-другому говоря, дегуманизация человека.

«Дочеловеченность» человека может быть развита лишь на основе нравственно ориентированного образования и воспитания. Забвение высших моральных ценностей, «метафизического» удивления перед тайной бытия, приводит к забвению человека, культуры в целом. Однако, очевидно, что и каждая культура и конкретный человек, лишаясь духовных ценностей, теряют в конце концов и смысл своего существования.

Литература.

1. Жильсон Э. Философия в средние века. М., 2010.
2. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб. 1999.

О.А. Барма

магистр педагогических наук, аспирант ГУО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

БИБЛИОТЕКА КАК ФЕНОМЕН БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. КОСТОВОЙ «ИСТОРИК»)

Художественное воплощение постмодернистских теорий, предложенных представителями джентельменского клуба эпохи культуры постмодерна в лице уже канонизированных «отцов-основателей» постмодернизма – Ж. Деррида и Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, М. Фуко и Ж.-Ф. Лиотара, в рефлексии сегодняшнего дня, несмотря на их массовое тиражирование и повсеместное использование в различных вариациях, получают новый виток своего развития в творчестве писателей-постмодернистов. Благодаря литературным приемам исторического, детективного жанра, преобладающих в постмодернистской литературе, теоретические концепции постмодернизма были перенесены из академической среды. Заметим, что в последней они развивались весьма интенсивно, но при этом не имели «массовой аудитории», в сферу художественной культуры, где были представлены массовому читателю посредством художественных текстов, впоследствии отнесенных к категории «bestseller».

По мнению И. С. Скоропановой, концепции постмодернизма, реализуемые в художественной литературе, направлены на вскрытие созидющего потенциала самоорганизующегося хаоса, неприятия линейности, тотальности, догматизма, утверждение игрового сознания, множественность инакового, альтернативной природы бытия [см.: 3, с. 42], где элементы, являющиеся частью авторского художественного мира, как бы сдвигаются со своего места, приходят в движения, утрачивают стабильность, обнаруживают ранее не известные измерения, становятся самоорганизующимся хаосом [см.: 3, с. 70]. Следует сказать, что ключевыми элементами, способствующими становлению самоорганизующегося хаоса в философии постмодернизма и выражающими концептуальные основы теорий деконструкции, децентрации, ризоморфности, которые применяются для создания постмодернистского художественного произведения, являются ризоморфные объекты, к которым авторы-постмодернисты часто относят книгу и библиотеку.

Использование книги и библиотеки для организации сюжетного пространства в постмодернистской литературе приобрело в конце XX – начале XXI столетия массовый характер, более того, постмодернизм узаконил правила воплощение библиотеки как антикварного, запутанного, пугающего пространства, в котором книга воспринимается как элемент мистики, содержащий в себе загадочный смысл.

Понятно, что традиции изображения библиотеки и книги как ризоморфных объектов, заложенные на заре становления постмодернизма, не потеряли своей актуальности и по сей день. Так, в 2005 году Э. Костова публикует свой дебютный роман «Историк», который

благодаря не только занимательному сюжету, но и составленным идейным и стилистическим находкам, оказался весьма популярным в читательской среде, отвечая всем канонам постмодернистской литературы.

Основной характеристикой, позволяющей нам отнести данный роман к постмодернистской литературе, является *принцип ризоморфного построения сюжетного пространства* и *выделение множества центров*, не связанных между собой, но составляющих единство сюжетного повествования. Рассказ ведется от лица трех и более персонажей, каждый из которых моделирует свое представление о событиях, используя одни и те же качественные и количественные предпосылки и, создавая тем самым разнородные картины повествования, образует сюжетные разрывы, отличающиеся неясностью, туманностью, многозначностью. К сюжетным разрывам можно отнести несоблюдение временных и хронологических рамок, появление второстепенных сюжетов. Однако, в то же время, они способствуют раскрытию авторского замысла, являются хронометражем всего повествования, помогая читателю ориентироваться в нем.

Как уже было нами отмечено, не только сюжетные линии объединены *принципом ризомы*. Ризома подчинила себе основные смыслопорождающие центры. Таких центров много, и они отличаются гетерогенностью, что говорит об отсутствии классической композиционной структуры. Смысловыми центрами в романе являются: книга, библиотека, монастырь, да и сами мысли и действие, высказываемые и совершаемые главными героями, не конкретизируют сложившуюся обстановку, а наоборот – делают ее более абстрактной для читательского понимания. Целостность произведения нарушается благодаря множественности центров: она двоится, множится, рождая новые и новые варианты понимания. В связи с этим роман «Историк» оброс большим количеством разнообразных и совершенно противоположных интерпретаций: его видят как мистический роман; как роман, поднимающий актуальные проблемы современности; как готический; как роман-фэнтези.

«Историк» – это продолжения традиций литературных воплощений научных теорий постмодернизма заложенных еще в начале 80-х гг. XX столетия итальянским семиотиком и медиевистом У. Эко в своем романе «Имя розы». Так, главным местом действия как в романе «Имя розы» и узловыми, для развития сюжета, пространственными точками романа Э. Костовой является библиотека как хранилище текстов, концентрирующих, по мнению Г.В. Заломкиной, «информационную значимость и материальный интерес этих текстов, суммарно – их экзистенциальную первостепенность» [1, с. 120].

Роман повествует о захватывающем, растянутом на пять веков и девять стран, поиске информации об исторической личности – валахском князе Владе Тепеше, оставшимся в памяти людей как Влад Дракула и дожившим до 70-х гг. XX столетия, благодаря вампирическим свойствам «вечной жизни».

Главным средством в поиске становятся многочисленные тексты – письма, дневники, старинные книги и манускрипты, библиографические списки и инвентарные перечни, в большинстве своем хранящиеся в фондах крупных библиотек мира и в фондах монастырских библиотек европейского континента.

Именно здесь и проявляется *ризоморфность* произведения: интересующие героев документы разбросаны по библиотекам двух континентов, более того – документы разделены на части, которые необходимо собрать вместе, чтобы составить общую картину или, вернее сказать, карту, по которой можно найти укрытие Дракулы. Интеллектуальная игра, в которую предлагает сыграть Дракула, заставляет героев углубиться в фонды библиотек, изучить их структуру, чтобы найти необходимую информацию. Однако, отыскав ее, нужно правильно интерпретировать, что нереализуемо по канонам ризомы: возможна лишь догадка, которая может привести к конечной цели, однако она всегда может мгновенно разрушиться, приводя этим к новой догадке.

Хронотоп роковой книги вводится через образ книги, передаваемой Дракулой в качестве своего расположения людям, которых он считал достойными вечной жизни. Дракула ищет помощника в управлении собственной библиотекой, собранной им за пятьсот лет своего

существования и скрытой от мира. Эта библиотека хранит тысячи драгоценных томов информации со всего света, среди которых – манускрипты из Александрийской библиотеки, труды Оригена и Фомы Аквинского, считавшиеся навсегда утраченными [см.: 1, с.123]. Книга – это приглашение, шанс для смертного узреть величие библиотеки Дракулы.

Тайное обширное собрание книг и документов – библиотека Дракулы, высшая точка разработки образа библиотеки как ризоморфного пространства, определяющего все сюжетные линии произведения: аккумулярованное знание, информация, которая обладает ключевой, мистической всезначимой ролью для человечества: «Рядом с томом Фомы Аквинского я нашел раннего Шекспира *in quarto* – исторические хроники. Здесь были тяжелые труды алхимиков шестнадцатого столетия и целый шкаф, отданный иллюстрированным свиткам на арабском, рассуждения пуритан о ведовстве, и миниатюрные томики поэзии девятнадцатого века, и толстые монографии философов и криминалистов нашего века» [2, с. 620].

Пространство библиотеки у Э. Костовой – замкнутое, запутанное, загадочное, связанное со страхом и тайной, грозящее столкновением со сверхъестественным. В библиотеке нет входа и выхода, есть только пространство познания, которое требует своего исследователя, согласившегося проститься с мирской жизнью и отдать себя в ее распоряжения. Строения, в которых библиотеки располагаются, могут быть древними или сравнительно новыми, но пространство с обязательностью оказывается запутанным не имеющим явных координат: «В этой громадной комнате были десятки тысяч книг – если не сотни, считая свитки и другие манускрипты. Не все лежали на столах: груды книг заполняли тяжелые старинные шкафы вдоль стен. Средневековые тома вперемешку с изящными фолиантами времен Ренессанса и современными изданиями» [2, с. 619].

Личная библиотека князя Дракулы, описанная Э. Костовой, относит нас к уже известным нам образам «Вавилонской библиотеки» Х. Л. Борхеса и аббатской библиотеки У. Эко. Как и в библиотеках упомянутых авторов, так и в библиотеке писательницы, нет идеального, единого порядка, есть только хаос, претендующий на звание нового порядка: «Разобрать книги в порядке, принятом в обычных библиотеках, заняло бы недели, если не месяцы, но, поскольку Дракула, несомненно, разложил их в соответствии со своими интересами, я имел право оставить все как есть и только разобраться в системе их расположения» [2, с. 621].

Роман Э. Костовой – это замкнутая на себе бесконечность многочисленных вариаций событий. Сам текст не имеет единого, структурированного пространства и обладает множественными центрами. Он как бы соткан из множества историй, объединенных единым сюжетом, но рассказанных разными персонажами, не имеющих временных и пространственных границ. Библиотека – ризоморфный объект, способствующий воплощению постмодернистских теорий, где человек, вовлеченный в ее ризоматический хаос, с трудом ориентируясь в ее пространстве, чувствует себя заблудившимися в чаще ветвящихся и, неожиданно меняющих свое направления, ведущих во все концы переходов, как физических, так и интеллектуальных.

Литература.

1. Заломкина, Г. В. Смыслы библиотеки в романе Э. Костовой «Историк» / Г.В. Заломкина // Библиотекословедение. – 2008. – № 3. – С. 119–124.
2. Костова, Э. Историк / Э. Костова; пер. с англ. Г. Соловьевой. – М.: АСТ, 2008. – 701 с.
3. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – Изд. второе, доп. – СПб.: Невский Простор, 2002. – 414 с.

М.М. Іваненка

намеснік дырэктара па вучэбнай рабоце ДУА “Вілейская гімназія №2”

МАРАЛЬНЫЯ НОРМЫ ЎЗАЕМААДНОСІН МУЖЧЫНЫ І ЖАНЧЫНЫ Ў ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ

Ад першых людзей на Зямлі і да нашага часу тэма ўзаемаадносін мужчыны і жанчыны чырвонай стужкай праходзіць праз усё жыццё. Гэтая тэма вельмі вялікая і шматбакая. Мы можам разглядаць яе ў многіх плоскасцях: узаемаадносіны ў жыццёвых абставінах зусім чужых знаёмых і малазнаёмых людзей, або блізкіх сяброў (сусед і суседка, калегі па працы, начальнік і падначаленая, начальніца і падначалены, спадарожнікі і г.д.); людзей, звязаных родавымі сувязямі (муж і жонка, бацька і дачка, маці і сын, брат і сястра, бабуля і ўнук, свацця і сват і г.д.); людзей, звязаных нейкімі сацыяльнымі ці рэлігійнымі сувязямі (кум і кума, святар і прыхаджанка, жонка святара і прыхаджанін, бабуля-павітуха і бацька дзіцяці, або ўнук і г.д.). Але напэўна самую вялікую цікаўнасць уяўляюць узаемаадносіны мужчыны і жанчыны як прадаўжальнікаў чалавечага роду. Традыцыйная культура беларусаў дае нам багаты матэрыял – мноства занатаваных фальклорных твораў сямейна-бытавой абраднасці, святаў, звычаяў і традыцый, народнай педагогікі, дзе мы знаходзім сапраўдныя ўзоры маральна-этычных нормаў узаемаадносін мужчыны і жанчыны, якія паспяхова можна выкарыстоўваць у практыцы выхаваўчай работы сучаснай школы.

Адна з галоўных задач выхавання, якая сёння стаіць перад грамадствам, – падрыхтоўка дзяцей, падлеткаў і моладзі да сямейнага жыцця, выхаванне будучых мужа і жонкі, годных да нараджэння і выхавання фізічна і духоўна здаровых дзяцей – дастойных грамадзян сваёй краіны.

«Моцная сям’я – моцная дзяржава». Гэта не проста выказванне, гэта бясспрэчная ісціна. Моц сям’і, яе энергетыка, узнаўленчы і выхаваўчы патэнцыял цалкам залежыць ад узаемаадносін мужчыны і жанчыны – мужа і жонкі, ад іх кахання і ўзаемапаразумення. А сіла кахання, шчырасць і згода залежаць ад духоўнага стану, выхаванасці і ўнутранай культуры кожнага. З гадамі на дапамогу прыходзіць жыццёвая мудрасць, але калі ёй не папярэднічалі належнае выхаванне, то нават самая вялікая мудрасць можа не паправіць становішча.

Чаму сёння так востра ставіцца пытанне падрыхтоўкі дзяцей і моладзі да сямейнага жыцця? Таму, што мы бачым як хутка ідзе працэс разбурэння сям’і. Высокія хрысціянскія ідэалы мужнасці і высакароднасці мужчыны, цяплення, дабрыні і спагады жанчыны, стрыманасці і цнатлівасці абоіх, падмяняюцца ідэаламі гламурных попзораў, якія падаюць прыклады разбэшчанасці і вольнасці ў паводзінах. Іх вобразы настолькі моцна ўздзейнічаюць на сучасную моладзь і падлеткаў, што мы назіраем зараз працэсы разбурэння міжпалавых адрозненняў, не толькі ў адзенні, прычосках і ўпрыгожаннях, але і ў тых жа паводзінах. Многія тэлеперадачы, сайты інтэрнэта, газеты і часопісы, паразітуючы на нізкіх пачуццях чалавека, груба і цынічна разглядаюць адносіны паміж мужчынам і жанчынай толькі як сексуальных партнёраў, больш таго, настойліва прапагандуюць аднаполае «каханне».

Ці знойдуць, як вырастуць, сваё шчасце ў сямейных адносінах і стануць добрымі бацькамі тыя хлопчыкі і дзяўчынкі, якія зараз з малалейства не толькі кураць і ўжываюць спіртныя напоі, але і стараюцца ўсё перапрабаваць у жыцці? Цяжка сказаць. Але адно дакладна вядома – з разарванага да часу бутона ніколі не выйдзе прыгожай кветкі. Чым большая палавая дасведчанасць, тым менш шанцаў зведаць сапраўднае каханне. Падзенне вялікіх народаў і іх выміранне пачыналася з падзення маральных нормаў.

Чаму такія вялікі працэнт разводаў? Чаму так многа сем’яў, дзе муж і жонка жывуць без згоды? Чаму столькі дзяцей–сірот пры жывых бацьках? Чаму столькі старых людзей карыстаюцца доглядам дзяржаўных устаноў, а не сваіх дзяцей? А ўсё гэта таму, што ідзе страшэнная знявага любові ва ўсіх яе праявах. Горда і дзёрзка скінуты покрыв з граху і,

больш таго, грэх, недастойны годнасці чалавека, пачалі называць «каханнем». Замест высакародных, цнатлівых мужчыны і жанчыны прапагандуюцца ідэал часовага «партнёра», замест асвечанага Богам шлюбу – «гражданский брак», дзе ніхто ні перад кім і нічым не абавязаны. Вакол разбэшчаных людзей штучна ствараецца арэол «сучаснасці» і «прадзвінутасці». Псіхічныя зрухі ў паводзінах прапагандуюцца як норма, дастойная пераймання.

Сапраўднае каханне можа ўзрасці толькі ў чыстым сэрцы. Яно там, дзе адказнасць за ўсё, што робіш, гаворыш і нават думаеш, дзе ўзаемная самаахвярнасць, дзе цяпленне, дзе свабода, але не свабода паводзін, а свабода ад граху. Толькі таму, хто зберажэ сябе ў чысціні, усе страты і цяжкасці жыцця, усе затрачаныя сілы і ахвяраванні акупяцца ў сямейным жыцці ў тысячы разоў – павагай людзей, шчасцем высокага кахання і прыгожых узаемаадносін, радасцю бачыць такіх жа шчаслівых, годных дзяцей і ўнукаў, адчуваннем выкананага абавязку на зямлі і «мірнага, непастыднага» адыходу ў вечнасць. Менавіта ў гэтым бачылі сэнс чалавечага жыцця нашы бацькі, дзяды і прадзеды.

Нават традыцыйнае адзенне беларусаў можа сведчыць аб маральных нормах людзей, якія яго насілі, бо знешні выгляд – люстэрка ўнутранага стану чалавека (як бы добра было, каб і сёння людзі памяталі пра гэта!). Адзенне было не толькі зручным у выкарыстанні, яно павінна было як мага больш закрываць усе часткі цела. Асобныя дэталі касцюма, асабліва жаночага, былі прадуманы так, што ні пры якіх абставінах не магла агаліцца ні нага, ні рука, не кажучы пра больш інтымныя месцы. Жанчына ў такім касцюме здавалася недасягальнай, яна была загадкай і ўжо знешнім выглядам выклікала павагу. Гэта быў вобраз, чысты і ўзнёслы, амаль святы, пра які нават у думках нельга было б дапусціць штосьці дрэннае.

Маральныя прынцыпы беларусаў, іх высокія патрабаванні да чысціні ў адносінах паміж хлопцам і дзяўчынай да шлюбу больш за ўсё засведчаны ў вясельных абрадах. Так падчас пасаду – абрад блашавання жаніха і нявесты на шлюб – маладых садзілі на хлебную дзяжу, якая сімвалізавала багацце і шчасце. Той, хто не збярог цнатлівасці, не мог садзіцца на дзяжу, бо баяўся наклікаць бяду на будучую сям'ю. Вельмі рэдкімі былі такія выпадкі, калі нехта з маладых адмаўляўся ад пасаду. Гэта становілася прычынай страшэнных перажыванняў не толькі тых, хто не збярог цнатлівасці, але і іх бацькоў і родных. Адзін з такіх выпадкаў апісваецца М. В. Доўнар-Запольскім: «...жаніх падняўся, перахрысціўся і зноў прыпаў да зямлі. Мёртвае маўчанне працягвалася. Я перавёў позірк з жаніха на яго бацьку. Твар яго быў белы, ён увесь тросся, як у ліхаманцы, але не рухаўся з месца, скіраваўшы гнеўны позірк на сына, які ўжо трэці раз апускаўся на зямлю. Маці жаніха глядзела на сына вачамі, поўнымі жалю. Не ўстаючы з зямлі і нікуды не глядзячы, жаніх павярнуўся ў бок бацькі і прыпаў да яго ног, абліваючыся слязамі і ўздрыгваючы ад глухіх рыданняў. Бацька нагамі пачаў біць сына, але той не ўставаў... Многія пачалі прасіць бацьку дараваць сыну і блаславіць яго. «Не, – сказаў той, – хоць я бласлаўлю, але Бог яго не блаславіць, калі ён гэтак зрабіў; гэтакае тваё будзе жыццё... » З вялікай цяжкасцю ўпрасілі бацьку блаславіць сына... » [5, с. 21-22]. Усё гэта адбывалася на вачах многіх родзічаў і аднавяскоўцаў. Сорам перад людзьмі, а найбольш страх Бога гнева надзейна стрымлівалі людзей ад спакусаў жыцця.

У традыцыйнай культуры беларусаў мы можам знайсці асновы моцнай сям'і, умоў сямейнага выхавання і ўзаемаадносін мужа і жонкі, Бацькі і Маці. Увесь народны этыкет прасякнуты павагай да іншага, нават зусім чужога, чалавека, а пра пяшчотныя адносіны ў сям'і нам сведчаць безліч тэкстаў сямейна-абрадавай паэзіі: «...Жонка – пакрыса мая, дзеткі – пацеха мая... » [9, с. 213].

«Нявесту шукае чалавек, а жонку дае Бог», – так заўсёды гаварылі ў народзе з верай, што шлюбы адбываюцца на нябёсах. Вялікае каханне – гэта дар Божы за вялікае цяпленне і за вялікую працу над сабой. Нашы продкі добра ведалі гэта. Можа, таму і плакалі, спяваючы абрадавыя вясельныя песні.

Нягледзячы на сапраўды высокі ўзровень чысціні і цнатлівасці, дзяцей беларусы не знаходзілі ў капусце, яны з'яўляліся на свет самым натуральным шляхам. Узаемаадносіны

мужа і жонкі ў шлюбе наша традыцыйная культура ніколі не разглядала як нешта брыдкае, чаго трэба саромецца. Гэтая тэма мала абмяркоўваецца публічна і ў сям’і не таму, што яна прыніжаная, а наадварот – таму, што занадта ўзвышаная. Яна з вымярэння, якое вышэй чалавечага разумення, яна з вобласці Божлага промыслу. Царква таксама ставіцца да шлюбу як да вялікай таямніцы, што вышэй узроўню плоці. Інтымныя адносіны паміж мужам і жонкай – свяшчэннадзейства працягу жыцця і абарона ад разбуральнай блуднай пошасці.

Свяшчэннае Пісанне дае строгія маральныя правілы паводзін і ўзаемаадносін мужчыны і жанчыны ў шлюбе і па за ім. Так апостал Павел у сваіх пасланнях гаворыць: «Пакіне чалавек бацьку свайго і маці і прылепіцца да жонкі сваёй, і будуць двое адным целам» [Еф. 5: 31]. «Жонка не ўладарыць над сваім целам, а муж; аднолькава і муж не ўладарыць над сваім целам, а жонка» [Кар. 7: 4]. «Жонкі, падпарадкоўвайцеся сваім мужам, як Госпаду. Мужы, любіце сваіх жонак, як і Хрыстос палюбіў Царкву і аддаў сябе за яе, каб асвятліць яе...» [Еф. 5: 22-26]. Евангелле ад Лукі гаворыць нам: «Усякі, хто разводзіцца з жонкаю сваёю і жэніцца з другой – пралюбадзейнічае; і ўсякі, хто жэніцца на разведзенай з мужам, пралюбадзейнічае» [Лк. 16: 18]. Па хрысціянскіх канонах пралюбадзеянне – адзін з сямі «смяротных» грахоў, а значыць хрысціянін павінен утрымліваць сябе не толькі ад фізіялагічнага акту, а нават ад грахоўнай думкі. І Евангелле канкрэтна сцвярджае нам словамі самога Хрыста: «Вы чулі, што сказана продкам: «Не пралюбадзейнічай». А я кажу вам, што ўсякі, хто глядзіць на жанчыну з пахаценнем, ужо пралюбадзейнічаў з ёю ў сэрцы сваім» [Мф. 5: 27-28].

Народная мудрасць дакладна дэманструе нам не толькі добрае разуменне беларусамі хрысціянскіх прынцыпаў жыцця, але і згоду з імі. Так у прыказках і прымаўках сцвярджаецца: «Не паглядай на чужых жонак: ці скасееш, ці здурнееш», «Не дай, доля, два разы жаніцца...» [2, с. 137], «Калі любіш – ажаніся, а не любіш – адкасніся» [2, с. 134]. Апошняя прымаўка якраз і гаворыць нам аб недапушчальнасці пазашлюбных адносін. Нават у шлюбе муж і жонка вялі сябе стрымана, асабліва на людзях. «Каханне – гэта адносіны паміж двума, і афішыраваць іх лічылася ў народзе непрыстойным. Муж не цалаваў і не абдымаў жонку пры людзях» [4, с. 28]. А наколькі сур’ёзна ўспрымаўся шлюб, адназначна сведчаць нам многія вясельныя песні, што вучылі раней маладых: пасля вяселля зваротнай дарогі няма!

– Пайду я замуж ды даведаюся –

Калі добра будзе, дык я нажывуся,

А калі пагана, дык назад вярнуся.

Я ў свайго татачкі служыць наймуся:

Прымі мяне, татачка, да хаця і з хлебам.

– Ты ж міне, дзіцятка, цяпер не трэба [5, с. 449].

Не родным дзіцям у хату бацькі, а толькі наймічкай збіралася вярнуцца дачка пасля няўдалага шлюбу і нават у гэтым прыніжаным статусе бацька не прымае яе.

Шлюб, дзе трэба нараджаць і выходзіць дзяцей, жыць у пастаянным клопаце аб бліжніх, або манастыр, дзе таксама самаахвярнае служэнне Богу, паўсядзённая праца і стрыманасць ва ўсім. Іншага шляху не было. Калі нехта не жаніўся ці не ішоў замуж і пры гэтым не жадаў ісці ў манастыр (а такія прыклады былі ў нашай гісторыі), то заставаўся пры жанатых братах ці замужніх сёстрах і, дапамагаючы ім расціць дзяцей, таксама жыў у працы і чысціні.

Вялікае мноства малітваў, якімі карысталіся беларусы (і не толькі складзеныя святарамі ці манахамі, а і простыя, народныя), сведчаць нам праз вякі аб шчырасці веры, душэўнай чысціні і жаданні нашых дзядоў жыць у праўдзе і ісціне: «Стоячы перад Табою, Госпадзі, я прыношу ўсе свае справы жыцця майго, і Ты благаславі маю сям’ю, маю шчырую працу, мае добрыя намеры і вядзі мяне па жыцці, каб не пахіснуліся ногі мае...» [3]. Гэта вытрымка з малітвы за бацькоў і родных, у якой маецца на ўвазе не фізічная моц ног, а сіла духоўная, якая б дапамагла ўтрымацца на сцежцы да Бога. «Усяшчодры Ойча, Ты ў Сваёй дабрыні памятаеш пра ўсе стварэнні; Ты дбаеш і пра гняздо кожнае птушкі з птушанятамі, і нішто ў

свеце не дзеецца без Твайго ведама...» [3]. А гэтыя словы з малітвы на ўваход у Царкву, дзе вобразы птушкі з птушанятамі асацыіруюцца з сям'ёй і з дзецьмі.

Калі ж гаварыць пра каханне як пра пачуццё годнае чалавека, які жыве ў суладдзі з Богам, то і тут апостальскае пасланне дае нам канкрэтную фармуліроўку: «Любоў доўгацярплівая, міласэрная, любоў не зайздросціць, любоў не ўзвышаецца, не ганарыцца, любоў не бясчынствуе, не шукае свайго, не раздражняецца, не думае злога, не радуецца няпраўдзе, а радуецца ісціне; Усё пакрывае, усяму верыць, на ўсё спадзяецца, усё зносіць» [1 Кар. 13: 4-7]. Вось якой павінна быць любоў у хрысціянскім светапоглядзе, носьбітамі якога многія вякі былі нашы продкі і трэба было б, каб з'яўляліся мы.

У каханні чалавек падымаецца на новую, больш высокую ступень духоўнасці, дзе не можа быць грубай паказной эротыкі, бо там пераплятаецца цэлая гама высокіх паэтычных пачуццяў: сапраўднага рыцарства і пяшчоты, адданасці і вернасці, прыстойнасці і гонару быць маці і бацькам. Праз гэты Богам створаны саюз, дзе двое становяцца адным цэлым, нараджаецца новае жыццё. «Тайна гэтая вялікая» [Еф. 5: 32], – зноў жа нагадвае нам Свяшчэннае Пісанне.

Раней у багатых шляхетных сем'ях дзецям забаранялася без дазволу заходзіць у спальню бацькоў нават днём, калі там нікога не было. У спальні нельга было проста гуляць ці шумець. Гэта незвычайны пакой, да яго ставіліся, як да святога месца, дзе адбываецца амаль не падуладная зямному розуму тайна дваіх, сведкам якой быў толькі Бог. Без тэлекамер, рэжысёраў і гледачоў.

На жаль, сёння людзі разам з чысцінёй сэрца страчваюць і разуменне велічы і прыгажосці ўзаемаадносін мужчыны і жанчыны як прадаўжальнікаў чалавечага роду.

У Маскоўскім выдавецтве «Ладамір» у 2006 годзе выйшла ў свет кніга «Беларускі эратычны фальклор», якая даволі смела дэманструе нам зусім іншыя каштоўнасці. Не ўсё так проста, як здаецца ўкладальніцы гэтага абсалютна непатрэбнага выдання Таццяне Валодзінай. Далёка не ўсе творы яе кнігі можна назваць эратычнымі, а сапраўды эратычныя – не ўсе можна аднесці да традыцыйнай культуры беларусаў. Трэба нагадаць, што «эратычны» – значыць «празмерна пачуццёвы» [1, с. 400] менавіта, празмерна. Старадаўнія фальклорныя тэксты такой празмернасці не дапускаюць, нават самыя адкрытыя з іх – вясельнай і радзіннай абраднасці: «Дайце маладым сыра, што б да году радзілі сына... », «Дарую бульбы падполле і дзяцей застолле» [5, с. 241]. Якая ў гэтых пажаданнях эротыка? Другая справа – фальклор савецкага часу, там сапраўды эротыка, але занадта брудная. Асабліва дасталася куму з кумою. Фрывольны фальклор прадстаўляе іх як эратычна заклапочаных асоб, якім «адно» толькі трэба. Тым не менш мы павінны памятаць, што ў традыцыі беларусаў кума і кум заўсёды мелі падкрэслена паважлівыя адносіны. Калі за кумоў бралі хлопца і дзяўчыну, то абавязкова пыталіся ці няма паміж імі закаханасці, каб не перабіць кумаўствам магчымага шлюбу, бо пасля хрысціян кум і кума не маглі жаніцца і ўсё жыццё яны звярталіся адзін да аднаго на «вы».

Канешне, прадстаўленыя ў кнізе Таццяны Валодзінай творы – гэта таксама нейкая частка культуры, але культуры нізоў, не абцяжараных правіламі прыстойнасці. «Знявечаны дух нараджае знявечаныя формы» [7]. Плады сведчаць аб дрэве, а плады творчасці – аб іх творцы. У народзе такія «шэдэўрамі» карысталіся не так часта, і не надта паважаныя людзі.

На кнігу, выдадзеную ў Маскве, можна было б не звяртаць увагі, бо кніга, па словах аўтара, – навуковае выданне, і сама Таццяна Валодзіна не ставіла мэты распаўсюджання і прапаганды эратычнага фальклору. Тым не менш, прапаганда ідзе, а разам з ёй ідзе і знявага адвечных высакародных характарыстык нацыі. Так, Анастасія Зелянкова ў артыкуле «Голая праўда пра беларусаў» піша: «Міф пра залішнюю цнатлівасць беларусаў адразу ж знікае, калі пачынаеш больш пільна прыглядацца да зместу самых, здавалася б, бяскрыўдных узораў вуснай паэтычнай творчасці. Галоўнае – умець расчытаць іх сэнс. Згадзіцеся, не кожны зможа ўбачыць у вядомай песні «Ясю коніка паіў, Кася ваду чэрпала» апісанне палавых стасункаў?...» [10].

Канешне, выхаванае на тэлеперадачах Ксеніі Сабчак і Сяргея Зверава пакаленне «расчытае» свой сэнс у любым тэксце. А вось што пра тую ж самую песню гаворыць нам чалавек з іншым выхаваннем. Ніл Гілевіч –заслужаны дзеяч навукі, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі імя Янкі Купалы піша: «Змест беларускіх песень пра каханне вызначаецца высакароднасцю і чысцінёй пачуццяў, для яго зусім не ўласцівыя элементы эротыкі і натуралізму. Пра пачуццё кахання ў любоўнай народнай лірыцы гаворыцца непасрэдна і адкрыта, толькі ў рэдкіх выпадках прыбгаючы да іншасказання або намёкаў, і то зусім празрыстых, як, напрыклад, у вядомай песні пра рэчаньку, з якой «Янка коніка паіў, Маня ваду чэрпала»... » [6, с. 6-7]. Намёк на чыстае каханне паміж хлопцам і дзяўчынай бачыць у гэтай песні Ніл Гілевіч, а не тое, пра што піша спадарыня Зелянкова... Вось ужо сапраўды «ад купіны да Казбека – у залежнасці ад чалавека»!

Яркую калекцыю фрывольнага фальклору не толькі сабраў, але і выдаў прыгожай кніжкай Рыгор Барадулін. Шкада, што такія паважаны чалавек звярнуў увагу і прылажыў столькі намаганняў для зберажэння менавіта гэтага набытку «культуры» роднай Ушаччыны.

Тую ж праблему эратычнасці беларускага фальклору падымае ў сваім даследаванні «Секс і эротыка ў беларускай традыцыйнай культуры» дацэнт кафедры гісторыі і сацыялогіі ПДУ Уладзімір Лобач, скардзячыся на дыскрымінацыю «вясковага інтыму» з боку хрысціянскай царквы і абвінавачваючы этнографію 19–20 стагоддзяў, што тыя «апускалі» абрад «пакладання маладых», ці «каморы», у апісанні традыцыйнага вяселля [8].

Паганскія эратычныя абрады можна адносіць да культуры беларусаў прыкладна так, як людоедства да культуры некаторых плямёнаў, якія даўно жывуць цывілізаваным жыццём. Але ж дзеля справядлівасці трэба адзначыць, што і ў язычніцкія часы цнатлівасць таксама была ў пашане, а пахатлівая дзеўка ці хлопец неслі знявагу бацькам і ўсяму свайму роду.

Як нельга рускую мову характарызаваць на аснове турэмнага жаргону, так жа нельга па падплотнай паэзіі, у большасці сваёй савецкага часу, або па абрадах паганскага часу, рабіць высновы аб празмернай эратычнасці беларускага фальклору і разбэшчанасці ўсёй нацыі. Няхай сабе і робіцца гэта як камплімент.

Шмат у фальклору разумных і добрых твораў, менавіта іх і трэба ўключаць у выхаваўчую практыку. Багатая і разнастайная народная лірыка кахання проста, цудоўнай мовай перадае нам пачуцці невымернай глыбіні. Закаханыя хлопец і дзяўчына ў свядомасці народа вызначаюцца не толькі чалавечай прывабнасцю, але і высакароднасцю духу. Прыгожы і паэтычны вобраз, чулы і спагадлівы, шчыры і даверлівы, для якога цнатлівасць і вернасць – аснова жыцця, можа быць сапраўдным прыкладам для выхавання сучаснай моладзі.

У Вілейскай гімназіі № 2 мы стараемся выкарыстоўваць такія фальклор, які б не падштурхоўваў вучня–падлетка ці амаль дарослага старшакласніка да грахоўных думак і памкненняў, а выводзіў бы яго на ўзровень правільнага разумення ўзаемаадносін мужчыны і жанчыны, жадання дасягнуць і перажыць самому ўзнёслыя і чыстыя пачуцці, якія ўзбагачаюць душу, даюць ёй стваральную энергію і жыццёвую моц.

Літаратура.

1. Баханькоў, А. Я. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / А. Я. Баханькоў, І. М. Гайдукевіч, П. П. Шуба. – 5-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Нар. асвета, 1996.
2. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі; Прадм. Д. Бугаёва. – Мінск : Бел. навука, 2004.
3. Беларускі праваслаўны малітоўнік. – Беласток, 1996.
4. Беларусы. Т. 5. Сям'я / В. К. Бандарчык, Г. М. Курыловіч, Т. І. Кухаронак [і інш.]; Рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск : Бел. навука, 2001.
5. Вяселле: Абрад / Уклад., уступ. артыкул і камент. К. А. Цвіркі; муз. дадатак З. Я. Мажэйка; рэд. тома В. К. Бандарчык, А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978.
6. Гілевіч, Н. Песні пра бясцэнны дар жыцця / Н. Гілевіч // Купалінка. – Мінск : Беларусь, 1986. – С. 6–7.

7. Осипов, А. И. Культура и христианство / А. И. Осипов // Аудиолекции. Сайт профессора Московской духовной семинарии Осипова А. И. [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.aosipov.ru/audio>. – Дата доступа: 20.12.2012.
8. Лобач, У. А. Секс і эротыка ў беларускай традыцыйнай культуры / У.А. Лобач // Пачатак. – 2004. - № 3.
9. Грымаць, А. А. Народная педагогіка беларусаў / А. А. Грымаць, Л. М. Варанецкая [і інш.]; пад агульнай рэд. А. А. Грымаця. – Мінск : Выд. У. М. Скакун, 1999.
10. Сайт газеты “Салідарнасць” [Электронный ресурс] А. Зелянкова. Голая праўда пра беларусаў. – Режим доступа: <http://www.gazetaby.com>. – Дата доступа: 19.12.2012.

А.Ю. Кислый

студент Витебской Духовной Семинарии

СОСТОЯНИЕ НРАВСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Здоровье – это база, на которой построены образование, культура и вся полноценная жизнь человека. Мы все в современном мире находимся в агрессивной среде, подвержены активному влиянию извне, как физическому, так и духовному. Всем психологам известен знаменитый тест Люшера, когда испытуемому предлагается выбрать какие-то цвета, – по подбору цветовой гаммы делается вывод о психоэмоциональном состоянии испытуемого. Таким же образом открывается возможность обратного влияния на человека: посредством специального подбора цветовых факторов. А при помощи современного компьютера не представляет никакой проблемы управлять и звуковыми частотами, связанными с естественными частотами различных отделов мозга, организуя их работу по определенной схеме.

Все это вместе взятое оказывает комплексное воздействие на человека. Создавая на экране в строго определенных местах различные цветовые, звуковые, графические стимулы, добавляя к этому разные околопороговые словесные команды, синхронно модулируемый стереозвук, можно сделать так, что человек незаметно для себя погрузится в измененное состояние сознания. Такой человек представляет собой совершенно открытую систему, «открытую личность». Она открыта для воздействий, ничем не защищена. А то, что на человека можно воздействовать на уровне подсознания, влиять на его поведение, образ мыслей, мировоззрение и т.п., в настоящее время не вызывает никаких сомнений. Это реальность наших дней.

И вот, молодые люди, даже регулярно посещающие храм, часто без особого оптимизма относятся к призывам Церкви не увлекаться телевизором, интернетом... Как, мол, современному человеку можно жить без этих, уже привычных вещей.

Однако, не сам телевизор или компьютер являются препятствием для общения между Богом и человеком. У древних было такое понятие – «ничего сверх», а святой Исаак Сирин говорил, что «всё красит мера»: ножом можно отрезать хлеб или почистить картошку, а можно отрезать палец, по неосторожности свой, а специально – чужой. Мы живем в информационном поле и важно не превратить его в болото. И трезвый человек, и человек управляющий, а не управляемый найдет время и возможность грамотного использования технических средств, чтобы не компьютер или телевизор управляли им, а наоборот. Верующий человек всеми средствами старается управлять своим временем, телевизором и компьютером. Мне нужна информация, к примеру, новости – и я её получаю, но всецелого погружения в мир, скажем, социальных сетей у меня нет. Я делаю свой выбор – либо я раб, либо я свободный человек. Христос сказал: «Я пришел для того, чтобы вы стали

свободными». От чего? От греха. А любая привязанность сверх меры есть грех, и всякий творящий грех, есть раб греха.

Молодежи понять это, конечно, намного сложнее, чем взрослым людям. Как однажды сказал знаменитый философ и ученый Блез Паскаль: «Если бы Бог по временам не укладывал нас на лопатки, нам бы некогда было посмотреть на небо». В силу присущей многим некоторой эмоционально-чувствительной незрелости, пусть даже физической, о горнем трудно размышлять, вроде бы и надобности нет: «Бог пока на лопатки не уложил». Время за сериалами, время бесконечного общения в социальных сетях – это безвозвратно потерянные моменты жизни – отрадно, что кое-кому это, всё же, бывает понятно. Мы теряем этот день, потому, что обсуждение жизни есть, а нет самой жизни. Можно ведь утонуть в компьютере и никогда не увидеть не то, что бы Бога, а вообще ничего хорошего в принципе, и добровольно отдать себя в рабство. Что объединяет такие формы рабства, как зависимость от виртуальных компьютерных игр, интернета, табакокурения, наркомании, пьянства? Прежде всего, наличие в сердце человека идола, будь то привязанность к табаку, компьютеру или «однорукому бандиту». Во-вторых, механизма, с помощью которого данные страсти оккупируют душу и тело. И, наконец, финал – медленное самоубийство, причём не только физическое, но и духовное.

А как часто, к примеру, девушки считают, что если они не будут придерживаться принципов, которые сегодня навязывает светское общество, то они будут никому не нужны. Но, как говорится, был бы огонёк, а мотыльки налетят. Будешь иметь огонёк чистоты, веры, любви и целомудрия – и мотыльки налетят соответствующие. Подобное прилепляется к подобному.

Бывает так же, что люди лишь делают вид, что им близка церковная жизнь. И всё это только для того, чтобы удовлетворить какой-то свой корыстный интерес. Но всегда есть надежда, что, так называемый, «ген христианства», носящий в себе духовную информацию, всё-таки сильнее, чем гены, несущие информацию поверхностную. Человек, имеющий христианскую веру и христианское мировоззрение, знает всё то же, что и человек неверующий или невоцерковлённый, но он также знает ещё что-то. И вот это самое «что-то» – его шанс заполнить пустоту, царящую в душе человека без Бога.

А для этого необходимо сегодня особое внимание уделить воспитательному процессу подрастающего поколения – воспитать Человека. Стоит обратиться к Константину Ушинскому. У него есть прекрасная работа «Человек, как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии». В ней утверждается представление о человеке, как о творении Божиим, наделенном способностью мыслить и свободной волей. Восстановлению и усовершенствованию человеческой природы должен быть посвящен труд педагога, его творчество, основанное на глубоком знании христианской антропологии. По словам Ушинского, нужно видеть задачу образования не в том, чтобы дать сумму знаний, а в том, чтобы помочь человеку приобрести «правильное мировоззрение», которое есть компас, указатель для жизни человека. И именно оно делает человека культурным и является смыслом его жизни. Там, где этого нет, невозможно говорить о становлении человека. Основа из основ в образовании – это мировоззрение, он первично! Без него нет ни культуры, ни здоровья – по словам А.И. Осипова.

К.Ушинский свою работу делит на три части:

- 1) образование тела,
- 2) образование души,
- 3) образование духа.

Как отмечает А.И.Осипов: «Образование тела – это и есть здоровье ребенка». Но тут нужно помнить: ведь и злой человек, преступник, может быть весьма здоров и продолжать свое дело. Не о том здоровье говорит К.Ушинский, а о здоровье тела, как об образовании тела. То есть человека нужно научить относиться к своему телу как к вместилищу духа и души. Первичен в человеке дух и его надо воспитывать, тогда дух будет влиять на тело. Какой наш нравственный уровень, какая культура нашего быта, таково будет и тело.

Есть мнение, что наши греховные нравственные проявления действуют по третьему закону Ньютона – действие равно противодействию, т.е., чем сильнее я нарушу закон, тем хуже будет мне, а не закону. К примеру, закону тяготения все равно, с какого этажа я прыгну. Я упаду на землю и что с моим телом будет – закону тяготения опять все равно, а мне-то больно будет или смерть.

Значит, если не хотим себе вреда, то не надо грешить. Бог не сказал, что бы ты не употреблял наркотики или пиво, или сигареты, или блуд и т.д. Но Бог сказал, что если ты это делать будешь – тебе, твоему телу, худо будет. Бог просто предупреждает: «Человек, что хочешь, то и делай, но все, что ты делаешь плохого, отразится на твоём теле и ты умрешь». Потому-то Он и дал заповеди. Эти заповеди – не запрет, а предупреждение. Предупреждают они человека и охраняют от болезней. Бог ведь подобен родителям нашим. Родители добрые говорят своему ребенку: «Не садись на горячую сковородку, а то сожжешься». А ребенок не знает еще, что это такое. Взял, да и сел. Ой, сколько слез и стенаний тогда у ребенка! Кто его наказал? Родитель или он сам? Конечно, он сам себя наказал, а теперь плачет. И Господь, как родитель. Он только предупреждает и все. А выбор за нами. Это и есть – не греши! Вот так здоровье нравственное, да и телесное приобретается.

Для этой цели нужно знакомить детей уже в первом классе с основами православной культуры, чтобы дети знали, что такое грех и удерживались от посягательства наркомании и секса на их личность, не принимали на себя через это тлетворное посягательство образ зверя, а сохраняли в себе образ Божий.

Очевидно, что само по себе православие навредить не может. Но в XXI веке навредить может другое – не правильно поданная информация о православии.

Самое главное в такой подаче – личность преподавателя. Если учитель математики, к примеру, окажется плохим преподавателем и скучным человеком, дважды два не перестанет быть четыре, и ребенок, по крайней мере, собственными усилиями сможет чего-то достичь в усвоении материала. Преподавать основы Православия, его культуру – это значит помочь молодому человеку сделать нравственный выбор, научиться различать добро и зло в современном мире, в котором, к сожалению, моральные критерии давно перестали определять общественную жизнь. А история показывает, что нравственные критерии в обществе и государстве способна устанавливать только религия и вести предмет, связанный с нравственным, а, соответственно, с религиозным воспитанием, должен не просто хороший преподаватель, но человек с определенным житейским опытом, может даже и не молодой, или священник, которому говорить об этих вещах проще уже в силу его служения.

Однако многих родителей как раз и тревожит перспектива появления в школе священника. Что тут можно сказать? Беда нашей современной школы, что в ней вообще не решаются воспитательные проблемы. Забыт классический триединый педагогический принцип: воспитание, развитие, обучение. Воспитательная тема связана лишь с формированием толерантной позиции молодого человека к общественным проблемам. Но откуда может появиться сознательная толерантность, если у молодого человека вообще нет никаких нравственных принципов? Дети, как правило, получают некую информацию (это в большей степени касается гуманитарных предметов) без определенной нравственной оценки. При отсутствии нравственной составляющей, школа способна порождать лишь интеллектуальных монстров, которые строят карьеру и зарабатывают деньги, но не задумываются о конечном смысле своей жизни. Ничего плохого нет в том, что в школу придет священник и будет говорить о том, что нельзя воровать, обманывать, убивать, что каждый молодой человек должен создать законную семью и иметь детей, о том что девушка – будущая мама – не должна делать аборт. Чтобы это все имело место, полем совместной деятельности Церкви государства могут и должны стать: социальное и молодежное служение, наука и образование, СМИ и интернет.

В заключение хотелось бы привести некоторые тезисы доклада Святейшего Патриарха Кирилла, прозвучавшего на освященном Архиерейском Соборе РПЦ в храме Христа Спасителя в Москве 02.02.2013г.:

— социальное служение и церковная благотворительность должны оставаться предметом неизменной заботы всех священнослужителей: от приходского диакона до Патриарха. Работа «для галочки» здесь, как, впрочем, и в любой другой области совершенно недопустима;

— важными направлениями социальной деятельности остаются: противодействие наркомании, алкоголизму, помощь бездомным, причем речь идет не только о материальной помощи, но и о лечении и реабилитации страдающих от алкогольной и наркотической зависимостей, восстановлении их социальных связей и трудовых навыков;

— не стоит забывать и о поддержке инвалидов, в том числе через создание для них доступа в храмы, помощь в получении православного образования, предоставление возможности трудоустраиваться при храмах и монастырях.

По молодежному служению: молодежные организации должны выбирать методы: если мы будем ориентироваться преимущественно на светскую методологию работы с молодежью, мы поставим себя в один ряд с нецерковными молодежными организациями, превращаясь в их конкурентов. Достойным основанием для объединения молодежи может стать развитие на уровне благочиний и приходов молодежного добровольческого движения, имеющего своей целью помощь пожилым прихожанам, многодетным семьям, инвалидам.

В сфере науки и образования необходимо совершенствовать диалог Церкви и светской науки. Развитие богословской науки сегодня невозможно без соответствия лучшим мировым стандартам и без взаимодействия с ведущими отечественными и зарубежными образовательными учреждениями.

СМИ и интернет: миссия в виртуальном пространстве не может подменять собой приходскую работу. Блоги, социальные сети – все это дает новые возможности для христианского свидетельства. Не присутствовать там – значит расписаться в собственной беспомощности и нерадении о спасении братьев. Вместе с тем, Церковь живет не в виртуальном, а в реальном мире, в котором творятся добрые дела, проявляется пастырское участие и любовь, в котором, наконец, совершается Божественная Литургия. Образ человека, который живет преимущественно в медийном пространстве, далек от христианского идеала. Искусственно созданное людьми пространство для коммуникаций никогда не сможет заменить красоту Божиего мира. Перефразируя одно мудрое выражение: если мы захотим ее сохранить, мы будем искать средства, а если нет – будем искать оправдания.

И.Е. Климова

*приход в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»,
община в честь святых мучеников младенцев Вифлеемских,
волонтерский отряд «Элейсон»*

ПОЧЕМУ НЕ ЭВОЛЮЦИОНИРУЮТ ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ БИОЛОГИИ?

Человек, имеющий религиозное мировоззрение и стремящийся воспитать своих детей с верой в Бога, неизбежно столкнется с проблемой: как доказать ребенку, что он создан по образу и подобию Божию, а не является потомком обезьяны, что мир вокруг нас – Творение Божие, а не результат игры слепого случая? Ведь все школьные учебники биологии пронизаны духом эволюционизма, а учебник за 11 класс с особенной тщательностью доказывает животное происхождение выпускника средней школы. И, если ребенок, который, как известно, в подростковом и юношеском возрасте не особенно слышит своих родителей, встанет на позицию школьного учебника биологии, что тогда изменится в его отношении к самому себе и к окружающему миру? Какими будут возможные плоды его материалистического мировоззрения?

Если Бога нет, то многое позволено. Жить исключительно для себя, для получения максимального количества удовольствий – вполне логично, так как жизнь заканчивается за крышкой гроба.

Если согласиться с обезьяньим прошлым, то придется признать, что убийство нерожденного ребенка – удаление из организма матери всего лишь какого-то эволюционирующего эмбриона, зверька, а вовсе не человека. И тогда аборт вполне оправдан.

Также и неизлечимо больным людям нет никакого смысла оставаться в плачевном состоянии. Если вечной жизни нет, а временная не приносит удовольствий, то эвтаназия вполне закономерна. Если у человека нет вечной души, то в самоубийстве вообще нет ничего страшного...

Но неужели наука не шагнула вперед, неужели теория эволюции до сих пор актуальна? Если же все-таки накоплены современные знания о сотворении мира и человека, то почему до сих пор не изменены школьные учебники биологии? Почему они не эволюционируют?

Итак, попробуем проанализировать, противоречит ли современная наука религиозным представлениям о происхождении мира и человека. Можно ли найти в научных исследованиях данные, не согласующиеся с теорией эволюции и допускающие возможность сотворения мира?

Второе начало термодинамики гласит о том, что все во Вселенной стремится к хаосу, к беспорядку. Энтропия (мера беспорядка) в замкнутых системах нарастает.

Но ведь жизнь – процесс сопротивления энтропии и всякая эволюция предполагает самопроизвольное усложнение живых систем, повышение упорядоченности в них, что противоречит второму началу термодинамики.

Согласно второму началу термодинамики, со временем в системах уменьшается упорядоченность. Поэтому живые существа не могли эволюционировать из неживого вещества, а многоклеточные организмы – от простейших. (1, 123)

Антропный принцип Вселенной – необычайная гармония мироздания, удивительная подогнанность друг к другу всех физических констант, позволяющих существовать жизни на нашей планете – очень трудно согласуется с теорией так называемого «Большого взрыва», утверждающего о том, что в основе гармонии лежит хаос...

Соотношение между константами ядерного и электромагнитного взаимодействий не может отличаться более, чем на одну миллиардную долю, - иначе не смогут существовать звезды. (6, 338)

Современная структура Вселенной очень жестко обусловлена разницей в массах нейтрона и протона. Разность очень мала и составляет всего около 10^{-3} от массы протона. Однако, если бы она была в три раза больше, то во Вселенной не мог бы происходить нуклеосинтез и в ней не было бы сложных элементов. (4, 20)

Реакции матричного синтеза (синтез сложных биологических молекул – белков, нуклеиновых кислот по образцу – матрице), как фундаментальное свойство всех живых систем, не могли возникнуть на основе случайных процессов («полезных» мутаций, отобранных естественным отбором), так как для того, чтобы запустилась самая простая реакция матричного синтеза, необходимо, чтобы все необходимые для этого компоненты появились одновременно. Например, информация о белках-ферментах, катализирующих удвоение ДНК, записана на самой же молекуле ДНК, т.е. и белки-ферменты, и ДНК должны были возникнуть одновременно, что абсолютно невероятно с точки зрения теории вероятностей.

Мутации, являющиеся, с точки зрения теории эволюции, основным поставщиком материала для естественного отбора, почти всегда вредны, а те немногие «полезные», являются следствием не усложнения, а потери информации, так как не приводят к усложнению живых организмов (бескрылость, безглазость...)

Регистрируемые учеными мутации происходят в среднем с вероятностью 10^{-9} - 10^{-11} , заметно реже – 10^{-6} - 10^{-8} ... Для конструктивного преобразования гена одного вида существ в

ген другого вида в нем должно произойти в среднем около пяти независимых точечных мутаций; для появления простейшего признака требуется изменение в среднем пяти генов. Обычно за признак отвечает не меньше десятка генов... Таким образом, вероятность появления простейшего нового признака составляет всего 10^{-250} ... За все предполагаемое время существования жизни на Земле не смог бы появиться ни один сложный признак.(10,195)

Абиогенный синтез органических молекул(опыты Миллера) производит смесь оптических изомеров молекул органических веществ, в которой правые и левые изомеры аминокислот, сахаров и др. появляются в равных количествах, а в реальных живых организмах аминокислоты всегда левые, а сахара нуклеиновых кислот (рибоза и дезоксирибоза) всегда правые.

В 1953 году американский химик Миллер пропустил разряд электричества в 60000 вольт через кипящую смесь метана, воды, водорода и аммония... Ему удалось выделить из продукта простейшие аминокислоты, глицин и аланин. Более сложные аминокислоты, необходимые для образования белков, получены не были.(8, 21)

В огромном количестве экспериментов, подобных миллеровскому, не образовалось сколь-либо существенных количеств аминокислот(5,238).

Вероятность появления функциональной белковой молекулы в случайном наборе аминокислот всего

10^{-325} (2, 77). Во всей видимой части Вселенной около 10^{80} электронов.

Вероятность самосборки живой клетки из приготовленных атомов составляет

$10^{-1000000000000}$ (2,81).

Возраст Земли значительно завышен, тех миллиардов лет, за которые, как предполагается, могли бы накопиться полезные изменения в живых системах, просто не было. Земля относительно молода.

За миллиарды лет образования свинца и гелия из урана, в верхних слоях атмосферы должно было накопиться гелия в сотни тысяч раз больше, чем его есть на самом деле. А на самом деле его в атмосфере столько, что он мог накопиться не более чем за несколько десятков тысяч лет (при условии, что сначала его там вовсе не было).(9,115)

Зарегистрированная современными учеными скорость разрушения материков такова, что уже за несколько миллионов лет эрозия должна была бы выровнять все горы, смыть с континентов все отложения, а океанические бассейны давно уже заполнились бы обломочным материалом.(2,9)

Промежуточные ископаемые формы живых организмов (полурыбы-полу земноводные, полужемноводные-полу пресмыкающиеся...) почти отсутствуют, а все останки полуобезьян-полулюдей, весьма сомнительные на научную достоверность, можно поместить в один небольшой гробик.

Палеонтология обнаружила и изучила миллионы окаменелых остатков древних организмов и не обнаружила ни одного примера переходных форм развития видов.(3, 10)

Археоптерикс – летающая птица. У археоптерикса было полностью сформированное оперение(1,128)Хотя археоптерикс и имел наряду с типично птичьими чертами необычные для современных птиц зубастый клюв и хвост с позвонками...он не может считаться переходной формой – лишь диковинной мозаикой.(2,42)

Перья археоптерикса, утиный нос и шерстяной покров утконоса, зубы и челюстные суставы зверозубого ящера имеют ...вполне законченную форму, а отнюдь не промежуточную. Огромные «скачки» в устройстве частей этих редких животных также невозможно объяснить эволюцией, как и происхождение видов друг от друга. (2,44)

Биогенетический закон Геккеля, гласящий о том, что каждый организм в период эмбрионального развития повторяет стадии, которые его вид должен был пройти в процессе эволюции – звучит довольно впечатляюще. В доказательство Геккель приводил изображения эмбриона человека, на которых видны жаберы, хвост. Но на самом деле,кожные складки шейно-челюстной области человеческого зародыша не имеют ничего общего с жаберными

щелями. Это складки тканей гортани, в которых расположено несколько желез, существование таких складок в месте сгиба вполне естественно. А нижняя часть эмбриона – это не хвост: просто она из-за меньшей скорости роста всегда тоньше остального тельца.

Известный эмбриолог, академик К. Бэр писал, что у всех позвоночных действительно существует некая единая идея построения организма и поэтому наблюдается некоторое сходство эмбрионов, наиболее четко проявляющаяся на начальных стадиях развития. Но К. Бэр также писал, что биогенетический закон не может выполняться по причине наличия в развитии эмбрионов образований, сохраняющихся навсегда только у вышестоящих форм. Так, у всех млекопитающих в начале эмбриогенеза челюсти такие же короткие, как у человека. Мозг зародышей птиц в первой трети эмбриогенеза похож на мозг млекопитающих существенней, чем у взрослых особей.

Доказательством происхождения кита от наземных млекопитающих кроме "рудиментов" задних конечностей считаются также эмбриональные зачатки зубов, которые никогда не становятся настоящими зубами. Однако более тщательные исследования показали, что и эти части эмбриона вполне функциональны: они играют важную роль в формировании челюстных костей.

Нередко положения теории эволюции взаимно исключают друг друга. Так, например, оказалось, что "утраченные в процессе эволюции" пальцы лошади редуцированы уже на ранних эмбриональных стадиях, вопреки биогенетическому закону.

В зарубежной научной литературе биогенетический закон уже почти не обсуждается. Большинство зарубежных ученых определенно полагают, что он вообще не может осуществляться в эмбрионах, поскольку противоречит ряду положений теоретической биологии. Многие выявленные недавно закономерности развития эмбрионов не согласуются с биогенетическим законом. Неудивительно, что и среди соотечественников скептическое отношение к нему становится преобладающим. Авторитетный современный эмбриолог С. Гильберт высказывается весьма категорично: "Гибельный союз эмбриологии и эволюционной биологии был сфабрикован во второй половине XIX века немецким эмбриологом и философом Эрнстом Геккелем".

Знаменитый ученый-эволюционист Джордж Симпсон писал еще в 1965 году следующее: «В наше время достоверно установлено, что онтогенез не повторяет филогенез». Два других ученых-эволюциониста с мировым именем – Р. Рэфф и Т. Кофмен – поясняют, что несостоятельность «закона эмбриональной рекапитуляции» вытекает из трех фундаментальных положений современной биологии – менделевской генетики, обособленности клеток зародышевой линии и важности морфологических признаков на протяжении всего зародышевого развития. По словам этих ученых, эти три фундаментальные положения современной биологии «положили конец рекапитуляции».

Основоположник школы российской гистологии академик А.А. Заварзин пришел в свое время к отрицанию возможности приложения «биогенетического закона» к гистологической организации живых организмов.

Атавизмы – появление у данной особи признаков, свойственных отдаленным предкам, но отсутствующих у ближайших не всегда достоверны. Хвостовидный придаток – лишь кожная складка на теле, не имеющая внутри позвонков, а, следовательно, и не являющаяся хвостом. Сплошной волосной покров на теле человека почему-то всегда представлен в учебниках в виде рисунков, а не фотографий. Добавочные пары молочных желез (многососковость) – следствие мутирования генов (ведь две головы у теленка не означает, что его предком был змей-горыныч).

Рудименты – органы, утратившие своё основное значение в процессе эволюционного развития организма, являются на самом деле весьма важными в функционировании организма современного человека. Хвостовые позвонки (копчик) – место прикрепления многочисленных связок, имеющих важное значение в биомеханике движений. Червеобразный отросток слепой кишки (аппендикс) – важный компонент иммунитета человека.

Статистика показала, что удаление аппендикса увеличивает риск злокачественных образований (2,49).

Эпикантус (третье веко) – полулунная складка, расположенная во внутреннем углу глаза, позволяет главному яблоку легко поворачиваться в любую сторону, без нее угол поворота был бы резко ограничен. Она является поддерживающей и направляющей структурой, увлажняет глаз, участвует в сборе попавшего в глаз инородного материала... Полулунную складку нельзя считать остатком мигательной перепонки животных еще и по той причине, что эти органы обслуживаются разными нервами.(2, 49)

Таким образом, мы видим, что некоторые данные современной науки позволяют хотя бы усомниться в абсолютной истинности теории, а, точнее, гипотезы эволюции. Но именно об этих фактах почему-то молчат все учебники биологии. Почему? Ведь плоды материалистического мировоззрения зачастую весьма неприглядны.

Если и в человеке, и в природе существует собственный источник улучшения, то человек имеет право по-своему планировать общественную и частную жизнь, не взирая на Заповеди Божии, значит, человеку разрешаются любые операции с жизнью (аборты, эвтаназия, ЭКО, клонирование), значит, допускается утилитарное и бездумное отношение к таинству зачатия, в котором на самом деле создается не только тело, но и бессмертная душа. А игнорирование святости жизни приводит человеческое общество к неизбежному самоуничтожению.

Так что хочется надеяться на то, что наши учебники биологии все-таки когда-нибудь прогрессивно изменятся, эволюционируют и начнут шагать в ногу со временем. А наши отечественные выпускники средних школ возьмут с собой во взрослую жизнь только возвышенное мировоззрение, наполненное Божественным смыслом.

Литература.

1. Божественное откровение и современная наука. Альманах. Выпуск 2. – Москва, 2005.
2. Вертьянов. С. Происхождение жизни: факты, гипотезы, доказательства. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.
3. Головин Сергей. Всемирный потоп. Миф, легенда или реальность? – Москва, 1999.
4. Доказательства существования Бога. Аргументы науки в пользу сотворения мира. – Москва, 2005.
5. Морозова Елена. Введение в естествознание. – Москва, 2001.
6. Неделько В.И., Хунджуа А.Г. Основы современного естествознания. Православный взгляд. – Москва, 2006.
7. Священник Даниил Сысоев. Летопись начала. – Москва, 2003.
8. Священник Тимофей. Наука о сотворении мира. – Москва, 1996.
9. Священник Тимофей. Православное мировоззрение и современное естествознание. – Москва, 2004.
10. Общая биология (10-11). – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005.

И.В. Падерова

магистр педагогических наук, аспирантка ГУО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО СОСЛОВИЯ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Главным фактором развития любого региона является здоровье населения. Основными показателями при его исследовании являются демографические, которые включают в себя возраст вступления в брак, среднюю ожидаемую продолжительность жизни, уровень половозрастной и младенческой смертности, причины и показатели смертности.

В этнографической литературе второй половины XIX в. отмечалось, что в Беларуси в сельской местности женятся довольно рано, как только мальчик начинают подрастать, так уже с 12-15 лет родители начинают искать ему невесту. Как только он достигнет брачного возраста – посылают сватов. Девушки же выходили замуж еще раньше. В пяти западных губерниях удельный вес женихов до 20 лет составлял 22%, невест – 45, 6%. [3, с.156]. Удельный вес ранних браков в сельской местности среди православных мужчин составлял 23,8%, среди католиков – только около 10%, у женщин – соответственно 46,0% и 39,7% [3, с.157]. Очевидно, что доля ранних браков среди женщин была довольно высокой, особенно среди православных.

Врачи второй половины XIX в. считали, что вступление в брак до 20 лет преждевременно, так как во многих случаях полное физическое и половое созревание у супругов еще не наступало. Б.Н. Миронов отмечает, что 8% новобранцев старше 21 года, призванных в армию в 1874-1901 гг., получили отсрочки по невозмужалости и слабосилию. У 10-17% девушек, вступавших в брак до 21 года, еще не было даже менструаций. Таким образом, распространенное среди крестьян раннее вступление в брак было преждевременным и отрицательно сказывалось на женском здоровье [2, с.168].

Однако крестьяне в вопросах семьи и брака руководствовались, в первую очередь, экономическими соображениями. Главной была необходимость иметь в доме жениха работницу или хозяйку. Кроме того, только семейные имели право на земельный надел.

С введением в 1874 году всеобщей воинской повинности возраст вступления в брак мужчин значительно повысился. Теперь стали жениться после службы в армии, то есть после 24 лет. В связи с этим повысился и возраст невест. С 1867 по 1874 г. доля ранних браков (до 20 лет) среди мужчин сократилась в деревнях: с 22 до 18,5%, среди православных с 23, 9 до 22%, среди католиков – с 9,9 до 5,3%. Удельный вес невест до 20 лет также сократился: с 45,6 до 43%, среди православных – с 46,0 до 43,6%, католичек – с 39,7 до 39,4% [3, с.157].

В первые два года после отмены крепостного права виден значительный рост количества заключенных браков: в 1861 г. - на 20%, в 1862 г. – на 25,5%. С 1864 г. положение стабилизировалось на уровне 1860 г. Снижение количества браков было связано с голодом и неурожаем 1867, 1872, 1891-1893 гг., а также русско-турецкой (1877-1878) и российско-японской (1904-1905) войнами [3, с.164].

Заключение браков имело еще один важный демографический аспект – их периодичность на протяжении года. В течение года браки распределялись неравномерно. Это было связано как с сезонностью работ крестьянина, так и с церковными канонами. Например, по христианскому закону нельзя было венчаться в дни постов. Церковь запрещала венчания на протяжении четырех постов – Великого (48 дней), Рождественского (40 дней), Петрова (20 дней) и Успенского (15 дней); существовали также другие дни, когда венчание не проводилось: с 25 декабря до 6 января, во все дни масленицы (неделя перед Великим постом) и пасхальной недели, в кануны и в самые дни церковных и государственных праздников, а также накануне среды, пятницы и воскресенья в течение всего года. Эта традиция сохранялась в дореволюционный период. Кроме того, крестьянство, которое составляло основную массу населения Беларуси, проводило свадьбы обычно после завершения полевых работ. Метрические данные показывают, что у православных ни один брак в рассматриваемый период не был заключен в марте и декабре. Очень мало свадеб приходилось на февраль и август (1-3%), на июнь и сентябрь (4-5%). Большинство молодых венчалось в январе (22-25%), октябре (18-20%) и ноябре (10-14%). У католиков распределение браков на протяжении года было более ровным. Максимум наблюдался в ноябре (15-17%). Каждый год заключались браки в марте и декабре, но их было немного. Таким образом, наибольшее количество православных крестьянских браков приходившееся на январь и ноябрь вызывало пик рождаемости в июле и сентябре. В результате в условиях жаркой погоды в июле и августе в деревне наблюдалась катастрофическая смертность детей первого года жизни [3, с.163]. Одним из важнейших демографических показателей является средняя продолжительность жизни. На среднюю продолжительность жизни населения влиял,

как уже было отмечено выше, такой показатель как детская смертность. Высокий уровень младенческой (до 1 года) и детской (до 5 лет) смертности повсеместно. В Памятной книжке Могилевской губернии на 1863 год отмечается, что в 1861 г. «младенцы, умершие от рождения до пятилетнего возраста, составляют почти половину всех умерших. Итого младенцев обоего пола, умерших до пятилетнего возраста, составляет 13880, а итог всех прочих возрастов – 14121» [10, с.86-87]. Отмечается также, что в Витебской губернии в 1861 году смертность преобладала между возрастом 1 и 5 лет [7, с.143]. Одним из важнейших демографических показателей является средняя продолжительность жизни. На среднюю продолжительность жизни населения влиял, как уже было отмечено выше, такой показатель как детская смертность. Высокий уровень младенческой (до 1 года) и детской (до 5 лет) смертности повсеместно фиксируется по данным церковных метрических книг.

Высокий уровень брачности при преобладании среди сельского населения многодетных семей предполагал высокую рождаемость в Беларуси. В период с 70-х гг. до конца XIX в. крестьянское сословие приспособилось к новым экономическим условиям. Изменения социально-экономической ситуации нашли отражение в динамике сельского населения. С 1866 по 1897 г. численность увеличилась на 1866819 человек или на 72, 7% (для сравнения: с 1858 по 1866 г. – на 7,6%) [11, с.133], что можно констатировать как демографический взрыв. Практически все исследователи социально-экономического развития белорусского крестьянства второй половины XIX – начала XX в. считают, что темпы прироста крестьянского населения были обусловлены пореформенными изменениями: перевод бывших частновладельческих, государственных, удельных крестьян на обязательный выкуп уже в 1863 г., успехи медицинской науки, повышение общего культурного уровня в деревне и сокращение смертности от эпидемических заболеваний [11, с.134].

Демографическое поведение крестьянина обуславливалось, главным образом, его воззрениями на брак, семью, детей. Своим происхождением и существованием эти взгляды обязаны комплексу социально-экономических факторов, в ряду которых невозможность существования крестьянского хозяйства вне семейной нормы, высокая смертность, не обеспеченная государством и слабо обеспеченная сельской общиной старость. Представления о ценности семьи и детей, о священности и нерасторжимости брака нашли свое воплощение в нормах обычного права и крестьянской этики.

Однако Б.Н. Миронов отмечает, что начиная с XIX в. среди замужних женщин всех сословий, включая крестьянок, обнаружилось явное желание уменьшить число детей. Появляются свидетельства современников о том, что матери желают избежать зачатия и беременности, и их число со временем увеличивается. Такой взгляд находит свое оправдание в материальной обстановке, так как одному работнику очень трудно прокормить семью из 7-8 неработников при настоящем плохом положении крестьянского хозяйства. Если же дети рождаются через 1-2 года, то становятся обузой для женщины, не получают надлежащего ухода и часто умирают. В 1907 год в Минской губернии число детоубийств составляло 15,23% (32 ребенка) [8, с.110], в 1911 году – 17% (35 детей) [9, с.98].

Причинами смертности взрослого населения главным образом являлись болезни. Как свидетельствуют данные, самыми распространенными заболеваниями являлись: дизентерия, брюшной тиф, которые принимали иногда эпидемический характер. Причин высокой заболеваемости населения было отсутствие элементарных санитарно-гигиенических условий жизни и быта: сама примитивная система выгребов в населенных пунктах, отсутствие канализации, мусор на улицах

Резкое ухудшение эпидемической ситуации являлось одной из последствий неурожайных лет. Отток населения в города, появление большого количества маргинального элемента (нищих, бродяг) являлось причиной распространения инфекционных заболеваний. На места рассылали брошюры о мерах предупреждения болезней, описании внешних признаков, предохранительных мерах, первой помощи при эпидемических заболеваниях, однако, крестьяне, даже грамотные, их просто не читали, во всем полагаясь на жизненный опыт.

Основополагающим фактором демографических изменений во все времена являлись жилищно-бытовые условия проживания крестьян, их санитарное состояние. Так в «Памятной книжке Минской губернии на 1909 год» отмечается, что распространенными заболеваниями в данный период были грипп, скарлатина, дизентерия, оспа, сифилис и др., что носило характер эпидемий [8, с.110]. Эпидемия представляла собой массовое распространение инфекционного заболевания человека в какой-либо местности, значительно превышающее обычный уровень заболеваемости. Массовые эпидемии 60-х гг. XIX в. ускорили принятие Государственным Советом 24.12.1868 г. положения об упорядочении сельской медицинской части в губерниях, где не были введены земские учреждения. Согласно данному положению на каждый уезд предусматривалось по одному сельскому врачу, 7-9 фельдшеров из расчета 1 фельдшер на 7 тысяч населения и по 3 акушерки. Врач жил, как правило, в уездном городе и иногда делал выезды, принимая больных [12, с. 300].

Организация медицинской помощи крестьянам требовала изменений. В конце XIX в. проводились меры по улучшению медицинского обслуживания крестьянского населения. В большинстве уездов белорусских губерний медицинская помощь была организована на основе стационарной системы. Ведущим медицинским учреждением на селе стала участковая больница. В ее ведении находились фельдшерские и фельдшерско-акушерские пункты. Более квалифицированную помощь в начале XX в. сельское население могло получить в уездных и губернских амбулаториях и больницах. В газете Витебский листок за 12 января 1899 года опубликованы правительственные известия «Отъ Высочайше учрежденной комиссии о мѣрахъ предупрежденія и борьбы с чумною заразою» [13, с.1].

В связи с нехваткой образованных акушерок создавались курсы повивальных бабок [1, л. 3]. Стало уделяться внимание женскому медицинскому образованию.

Несмотря на некоторые меры по развитию медицинского обслуживания, такая помощь была малодоступной. Наглядным свидетельством тому является величина сельского участка. В 1913 году в Виленской губернии среднее число жителей на одном сельском участке составляло 79 тыс., в Гродненской – 51,8 тыс., в Минской – 45,5 тыс., в Могилевской – 43,9 тыс., в Витебской – 27,6 тыс. человек. Средний радиус обслуживания на участке колебался от 14,7 до 23,6 верст. Одному врачу (в ряде мест фельдшеру) обеспечить всех нуждающихся медицинской помощью, при высокой потребности в ней, было не под силу. Деятельность медицинского персонала имела преимущественно лечебную направленность. Профилактика ограничивалась отдельными санитарно-противоэпидемическими мерами [12, с.77-78].

Крестьянское самоуправление играло значительную роль в организации и финансировании медицинской помощи населению, живущему на территории волости. Сельские больницы края содержались на мирские средства. Кроме того, крестьяне платили и губернские сборы, часть которых шла на финансирование больниц приказа общественного призрения. При этом в последних лечились бесплатно только больные сифилисом, а остальные – за отдельную плату. Могилевский губернатор отмечал, что требование платы в этих больницах приводило к тому, что крестьяне из пригорода вынуждены были лечить своих пациентов в больницах приказа общественного призрения и платить за их содержание либо везти их за 50-10 верст в сельские больницы, а в результате не делали ни того, ни другого [14, с.59].

В 1881 году на медицину и народное образование (статистика не разделяла данные расходы) крестьяне пяти белорусских губерний выделили около 309 тысяч рублей (по 450 рублей в среднем в каждой волости). Наибольшими были расходы в Минской и Могилевской губерниях – в среднем по 678,7 и 581,1 рублей в волости соответственно, а одновременно в Гродненской губернии – по 175,1 рублей в волости. За 10 лет расходы на означенные нужды в белорусских губерниях возросли в среднем на 15 %, при этом в Виленской губернии они сократились на 40,8%, а в Минской возросли на 6,7%, в Гродненской и Могилевской – на 77,9 и 70,1% соответственно [14, с.60].

Например, в Виленской губернии за период с 1885 по 1912 год количество сельских аптек увеличилось с 11 до 44 [5, с.16], [6, с.71], количество же сельских участковых фельдшеров за

период с 1883 до 1912 год осталось практически неизменным (увеличилось с 60 до 64) [4, с.14], [6, с.67]. Тем не менее, количество населения, среди которого была проведено оспопрививание, включая младенцев и ревакцинацию взрослых, возросло в три раза: в 1883 году составило 21478, а в 1912 году – 64648. [4, с.14], [6, с.72]

Таким образом, раннее вступление в брак юношей и девушек в сельской местности по экономическим причинам негативно сказывалось на их здоровье. Религиозные причины обуславливали периодичность заключения браков на протяжении года, что вызывало пик рождаемости летом и, вследствие неблагоприятных условий, высокую детскую смертность. Жилищно-бытовые условия, медицинское обслуживание играли первостепенную роль в демографическом развитии сельского сословия. Крестьянское самоуправление в белорусских губерниях выполняло большую роль в организации медицинской помощи сельскому сословию. Однако, медицинская помощь была явно недостаточной, а сельские больницы и аптеки на рубеже XIX и XX веков чаще находились в состоянии формирования.

Литература.

1. Дело Могилевской губернии об отправлении крестьянских девочек для обучения акушерству в Могилевскую повивальную школу// Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). – Фонд 242. – Оп.1. – Д. 1490.
2. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): в 2 т. / Б.Н. Миронов. – 2-е изд. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – Т.1 – 548 с.
3. Насытка, Я.П. Шлюб і шлюбная структура насельніцтва Беларусі ў 60-х гг. XIX ст. – 1914 г. / Я.П. Насытка // Гістарычны альманах. – Гародня, 2002. – Т. 6. – С. 152 – 164.
4. Обзор Виленской губернии за 1883 год. – [1890]. – Вильна: Губернская типография, 1883. – [2],20,[37] с.
5. Обзор Виленской губернии за 1883 год. – Вильна: Губернская типография, 1885. – [2],29,[36] с.
6. Обзор Виленской губернии за 1883 год. – Вильна: Губернская типография, 1912. – 100 с., 12 л.
7. Памятная книжка Витебской губернии на 1862 год. – СПб.: Типография К. Вульфа, 1862. – [378] с., [6] л.
8. Памятная книжка Минской губернии на 1909 год. – Минск: Губернская типография, 1908. – 208, 189, [3] с.
9. Памятная книжка Минской губернии на 1913 год. – Минск: Губернская типография, 1912. – [532] с.
10. Памятная книжка Могилевской губернии на 1863 год. – Могилев: Губернская типография, 1862. – 236,96, XI с.
11. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. У 3 т. / Пад рэд. В.П.Панюціча. – Мінск: Беларуская навука, 2002. – Т.2. Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З.Е.Абезгауз, Х.Ю.Бейлькін, А.Р.Бухавец і інш. – 550 с.
12. Пилипцевич, Н.Н., Павлович Т.П., Пилипцевич, А.Н. Развитие здравоохранения Беларуси в IX – начале XX веков/ Н.Н. Пилипцевич, Т.П. Павлович, А.Н. Пилипцевич // Вопросы организации и информатизации здравоохранения – 2009. – №2. – С. 77 – 78.
13. Правительственные известия «Отъ Высочайше учрежденной комиссии о мѣрах предупреждения и борьбы с чумною заразою / Витебский листок. – 1899. – 12 янв. – С.1.
14. Толмачёва, С.А. Крестьянское самоуправление и медицинская помощь на селе (1861-1914) / С.А. Толмачёва // Сацыяльна-педагагічная работа. – Мінск, 1997. – С. 57-61.

А.И. Лойко

*доктор философских наук, профессор заведующий кафедрой философских учений ГУО
«Белорусский национальный технический университет»*

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА: РОЖДЕНИЕ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ

В свое время Ж. П. Сартр отметил особенность рождения человека в форме брошенности его в мир. Эта возможность означает наличие свободы, что положительно оценивалось мыслителем. Но весьма важным представляется вопрос о том, в каком возрасте у человека формируется потребность свободы и возможность реального пользования ею, хочет ли он этой брошенности.

Потребность свободы определяется в первоначальном ее виде в рамках семьи как стремление подростка быть независимым от обязательств внутри семьи. При этом он не отказывается от материальной основы его существования, которую обеспечивают родители. Постепенно желание самостоятельной жизни начинает доминировать над взаимоотношениями с родителями. В результате свобода приобретает через брак, создание собственной семьи.

В ситуации брошенности в мир оказываются в основном дети, родители которых находятся в алкогольной, наркотической зависимости. В свете этой зависимости все ресурсы рассматриваются как возможность ее культивирования. Подобным ресурсом становятся собственные дети через механизмы работорговли. В Беларуси государство пресекает правовыми механизмами ситуацию брошенности детей в мир. Родители с алкогольной и наркотической зависимостью санируются трудовыми обязанностями, спецучетом и контролем. Благодаря этому многим из них возвращаются родительские права.

Наличие детей вне кровнородственной семьи создало механизмы брошенности в мир в виде рынка социальных услуг, связанных с приемными детьми. В этот рынок активно вовлеченными оказались российские дети. Они стали жертвами бытового насилия в американских семьях. Новый аспект опасности для детей формируют тенденции эволюции права в сфере однополых браков. Речь идет о ситуации имитации полноценной моногамной семьи, в которой будут только родители, но не будет матери и отца.

За внешне привлекательными понятиями планирования семьи, заботы о больных детях, их социализации активно маскируются технологии дегуманизации общества в вопросе жизни человека. Одни тщательно планируют и тем самым фактически отказываются от права детей на жизнь, другие в состоянии алкогольной и наркотической зависимости делают жизнь ребенка волею случая. В результате генетическими родителями становятся наименее ответственные мужчины и женщины. В результате государство вынуждено уделять детям и несознательным родителям пристальное правовое внимание и внимание, связанное с социальной опекой.

В результате кризиса традиционного института семьи в христианской Европе резко ухудшились демографические показатели эпохи охвата аутентичного населения, выросла преступность, насилие над детьми. На философском уровне рефлексии ключевой становится тема дегуманизации кровнородственных отношений, в рамках которых частыми стали случаи брошенности детей, пожилых родителей. Эти тенденции создают угрозу духовной безопасности общества, его демографической самодостаточности и сбалансированности, идентичности. Тревожно то, что гуманная атмосфера социализации личности заменяется утилитарной, акцентированной на высоких потребительских ожиданиях комфортного образа жизни. В границах этих ожиданий замедляются темпы социализации личности. Люди в возрасте тридцати лет маркируются как дети. Их психика не адаптирована к решению вопросов социальной ответственности. Вместо ценностей семьи их интересует секс в большом городе. В результате резко снижается возможность для жизни. Нарциссизм стал доминирующим явлением. Детям придется подождать эпохи гуманного общества, основанного на солидарности поколений.

И.М. Макаренко
*магистр искусствоведения,
аспирант ГУО «Белорусский государственный университет
культуры и искусств»*

ОТ ПОСТМОДЕРНА – К ПОСТ-ПОСТМОДЕРНУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ

Современный мир достиг небывалой коммуникативной цельности, что открыло перед человеком беспрецедентные возможности в области информационного сотрудничества. Общемировой масштаб транслирования и восприятия идей создал условия для возникновения культурного резонанса, способного затронуть как положительные, так и отрицательные аспекты жизни общества. Вместе с тем, критический взгляд на современную культуру позволяет заключить, что человек постмодерна крайне небрежен относительно идей и образов, которые циркулируют в его медиасреде: в информационном пространстве презентуются различные, – вплоть до полностью противоположных, – модели поведения и личностной идентичности, как правило, не получающие никакой моральной оценки. Подобная идейная индифферентность укоренена в методологии постмодерна с его отрицанием достоверности знания и легитимности смысловых систем. Логическим следствием такой установки являются кризис личностной идентификации (отсутствуют предпочтительные модели идентичности) и кризис морального сознания (отсутствуют основания для вынесения этического суждения). Вне четких критериев, позволяющих разделять истинное и неистинное, – и различные модификации этой универсальной дихотомии, – человеческая личность подвержена дезориентации. Для осмысленного же существования человеку необходимо наличие стабильной ценностной системы, в рамках которой возможно дать ответы на такие фундаментальные вопросы, как «Кто я?» (идентификация) и «Как я должен действовать?» (этика). В силу этой необходимости возникает пост-постмодернизм (коммуникативный проект К.-О. Апеля, неоклассицизм М. Готдинера) с его стремлением заложить ценностные основания для построения личностной идентификации и этической системы.

Центральной опорой концепции К.-О. Апеля является понятие коммуникативного сообщества, к которому он приходит путем трансформирования триадической схемы семиозиса (субъект – знак – объект). Рассматривая интерпретатора знаков не как изолированную систему, но как конституируемого в языковой среде корпоративного субъекта (интерсубъекта) К.-О. Апель постулирует коммуникативное сообщество интерпретаторов в качестве трансцендентального априори познания. В результате схема семиозиса приобретает следующий вид: [субъект-язык-субъект] – знак – объект. Тем самым проблема ограниченности человеческого познания решается за счет суммирования познавательных ресурсов в сообществе субъектов, консенсус которых относительно структур бытия позволит максимально приблизить понимание мира к истинному положению вещей.

При этом К.-О. Апель, руководствуясь пониманием необходимости существования абсолютной структуры, придающей смысл коммуникативному сообществу, а также необходимости наличия телеологического аттрактора, задающего вектор развития и указывающего цель сообществу субъектов познания, вводит понятие идеального коммуникативного сообщества. В рамках последнего предполагается идеальная ситуация абсолютного познания и безошибочного понимания – как эталон и возможный предел развития реального коммуникативного сообщества. Вхождение в реальное коммуникативное сообщество происходит в ходе социализации, в то время как идеальное коммуникативное сообщество антиципируется в процессе аргументации коммуникативных партнеров. По К.-О. Апелю, «идеальное коммуникативное сообщество, <...> должно быть в состоянии

адекватно понимать смысл <...> аргументов (стр.330) и окончательно выносить суждения об их истинности» [1, с. 329-330].

Таким образом смысл в понимании К.-О. Апеля перестает ограничиваться областью безличностной метафизической онтологии и дополняется сферой экзистенции Другого, то есть коммуникативного партнера. Если текст в допостмодернистской традиции было принято соотносить с внетекстовой реальностью, а в постмодернистской традиции – текст утрачивает связь вообще с каким-либо означаемым, то пост-постмодернистская традиция в лице К.-О. Апеля предлагает соотносить языковые высказывания не только с внетекстовым референтом, но также сверять свою интерпретацию с толкованием данного текста другим/ми субъектом/ами. Тем самым в качестве гаранта онтологической обеспеченности языковых единиц выступает консенсус коммуникативного сообщества. При этом иначе видится роль языка. Последний, как отмечает М.А. Можейко, преимущественно рассматривается «не в контексте субъект-объектных процедур праксеологического или когнитивного порядка, но в контексте субъект-субъектных коммуникаций», то есть «язык выступает в этом контексте не столько механизмом объективации информации или экспрессивным средством (что означало бы – соответственно – объективистскую или субъективистскую его акцентировку), сколько медиатором понимания в контексте языковых игр» [3, с. 69]. А это означает, что понятие истины переносится с внеположенной человеку системы значений и смыслов и вводится в самую сердцевину человеческого взаимодействия. Как отмечает К.-О. Апель, «до “абстрактных ошибочных умозаключений” дело доходит лишь тогда, когда мы хотим считать истину предикатом *предложений* некоей *семантической системы*, а не *высказываний*, *утверждаемых* в *речевых актах* аргументирующих субъектов» [1, с. 310].

Решение фундаментальных проблем, связанных с процессом познания, позволяет К.-О. Апелю сформулировать принципы, на основании которых возможно построение рационально обоснованной этической системы. В частности, он предлагает рассматривать данные человеку правила не как диктат обезличенной абстрактной идеологической системы, но как антропо-личностные границы экзистенции партнеров коммуникативной практики, выраженные посредством лексических единиц языковой системы. Так, по К.-О. Апелю, «в качестве постулируемой контрольной инстанции следования людей правилам вообще может рассматриваться только *идеальная* (в нормативном смысле) *языковая игра идеального коммуникативного сообщества*» [2, с. 212]. По его мнению, подобная языковая игра способна выступать в качестве абсолютного метауровня, выполняющего роль инстанции контроля. Более того, К.-О. Апель считает, что именно феномен языковой игры представляет собой рубеж между пространством смысла и сферой утраты всякого различия вообще: «различные языковые игры или жизненные формы <...> являются предельными трансцендентальными горизонтами и мерилами возможных норм и их нарушений» и «за пределами этих горизонтов нет *критериев* истинного и ложного или же хорошего и дурного» [1, с. 225]. Следовательно, решение проблемы нахождения инстанции нравственного регулирования К.-О. Апель видит в том, чтобы «в рефлексивном стремлении к самопониманию выявлять возможную критику со стороны коммуникативного сообщества»: в этом, по К.-О. Апелю, «состоит принцип возможной моральной самотрансценденции» [1, с. 335]. В конечном итоге К.-О. Апель предлагает «*два основополагающих регулятивных принципа*», которые, по его мнению, могут служить ориентирами для построения вектора «долгосрочной моральной стратегии поведения каждого человека»: прежде всего, «во всем его поведении речь должна идти о том, чтобы обеспечить *выживание* рода человеческого как *реального* коммуникативного сообщества», и затем «о том, чтобы воплотить в реальном коммуникативном сообществе *идеальное*» [1, с. 331]. Разъясняя внутренние отношения позиционируемых принципов, К.-О. Апель отмечает: «первая цель является необходимым условием для второй; а вторая цель придает первой ее смысл» [1, с. 331]. Именно направленность на «обеспечение выживания рода», по мнению К.-О. Апеля, способна «дать ответ» на угрозу современности, заключающуюся «в том, что в эпоху научной технологии любая человеческая деятельность имеет *макропоследствия*, которые могут угрожать

выживанию рода»; и вместе с тем «стратегия выживания в целом <...> обретает смысл лишь благодаря (требуемой аргументацией) стратегии общественной реализации идеального коммуникативного сообщества, где можно достигнуть истины» [1, с. 331-332]. Тем самым К.-О. Апель связывает в единое целое реальное и идеальное коммуникативные сообщества, признавая их антитетическую противоположность и вместе с тем диалектическую неразрывность, и показывая при этом потенциал этих понятий в решении проблемы этического регулирования.

Еще одним культурным проектом преодоления кризиса, возникшего в результате широкого распространения гносеологически скептических идей постмодернизма, является программа неоклассицизма М. Готдинера. По его мнению, одним из основных недостатков постмодернистской культурной критики является то, что «постмодернизм дает аналитику право независимой интерпретации знаковой ценности и часто пренебрегает социальным контекстом»¹ [5, Р. 186]. И это приводит к тому, что «согласно постмодернистским культурным аналитикам <...> означаемых больше не существует, потому что вся культура – только симуляция и гиперреальное воспроизведение посредством клонирования» [5, Р. 194]. М. Готдинер же считает, что «миф и гиперреальный комплекс потребительского общества, которое <...> управляется властью <...>, не могут стереть повседневную жизнь», которая, по его мнению, «все еще сохраняет достаточно многие степени свободы» [5, Р. 25].

Тем самым М. Готдинер стремится вернуть сектор означаемых, утраченных в результате постмодернистской критики, постулирующей тотальную погруженность социальной реальности в мир коннотаций и симулякров. Он призывает не забывать о том, что, несмотря на способность материальных объектов выполнять роль выразительных средств определенной идеологии, – то есть быть носителями коннотативных значений, – предметы все равно не утрачивают своих прямых функций, осуществляемых ими в реальности повседневной жизни и относящихся к сфере их денотативного значения. Так, одежда может быть выразительным средством определенного статуса и положения в социальном пространстве, но при этом она «также обладает ценностью использования» как средство, способное «защитить от непогоды» и «помочь в физической деятельности, такой как работа или отдых» [4, Р. 27].

Большое внимание М. Готдинер уделяет проблеме кризиса личностной идентификации. Он признает частичную правоту постмодернистской точки зрения, поскольку «есть достаточные доказательства для того, чтобы можно было говорить о том, что управляемая изображением культура затрагивает личностное самовыражение и основы значения в повседневной жизни»; это происходит в силу того, что «индустрия массовой культуры отклоняет нашу способность установить глубоководное понимание изображений, которые эта промышленность постоянно валоризирует для нас» [5, Р. 234]. Однако М. Готдинер уверен, что в культуре содержатся ресурсы, с помощью которых возможно противостояние вызовам времени и, в частности кризису идентификации. Так, отреагировать на проблему деконструирования значений и опустошение означаемых культура может «восстановлением утраченного означаемого и повторным обретением значения вещей», что предполагает «реконтекстуализацию и возвращение к подлинным культурным формам через открытие потерянного означаемого, которое противодействует поверхностной потребительской культуре постмодернизма, отдающей предпочтение образу, видимости и свободно плавающим означаемым» [5, Р. 234]. Он убежден, что, несмотря на наличие в современной культуре такой особенности как «тенденция подрезать основания подлинности (аутентичности), человек способен к повторному открытию потерянных означаемых и реинтеграции аспектов личностного Я»; при этом он не согласен с аналитиками культуры, которые воспринимают «управляемую образами массовую культуру в качестве *главного виновника*, который затрудняет самоинтеграцию», но считает, что «поиску (стр.242) оснований для самоидентификации могут больше препятствовать крупные исторические

¹ Выдержки из работ М. Готдинера приводятся в переводе автора – И.М.Макаренко.

события и передвижение населения по всему миру, чем эффекты средств массовой информации» [5, Р. 241-242].

Согласно точке зрения М. Готдинера, «идентичность зависит во многом от истоков, таких как семья, религия, раса и этническая принадлежность», а в свою очередь «истоки зависят от определенных материальных контекстов, главным образом пространственной среды обитания и культурного окружения, включающих в себя локализованные артефакты»; при этом, по его мнению, именно «разрушительные события», затрагивающие судьбу отдельного человека либо всего общества, существенным образом «вливают на ресурсы, которые связывают личность с его/ее происхождением, включая материальные объекты культурного наследия, которые воплощают определенные практики выражения» [5, Р. 242]. Отстаивание личной аутентичности сталкивается с такими серьезными препятствиями, как «масштабные исторические силы перемен, включая войны, принудительные преобразования, и перемещения значительной части населения, которые изменили гео-культурный пейзаж (стр.243) земного шара»; при этом сопротивление обезличивающим процессам, «реконтекстуализация, как и фрагментация, детерриториализация и симуляция, никогда не достигают стадии завершения или доминирования», а «поиски аутентичности (подлинности) вынуждены соперничать с ироничным и несовершенным миром, зависящим от случая, локальных конфликтов, как и других форм опыта» [5, Р. 242-243].

Таким образом, можно сделать вывод, что в пост-постмодернизме проблема идентичности и этического регулирования решается путем построения на основе переосмысления классической аксиологии новой системы ценностей, фундаментом которой является направленность на коммуникацию. Соответственно возникает и новый человек – человек, основанием бытия которого является коммуникативное взаимодействие. При этом человек пост-постмодернизма обретает свою идентичность, вступая в диалог не только с актуальным коммуникативным партнером (методология К.-О. Апеля), но и со своим историческим прошлым, следы которого зафиксированы в материальном наследии как носители особенностей той или иной культурной общности (методология М. Готдинера).

Литература.

1. Апель, К.-О. Трансформация философии: сборник / К.-О. Апель. – Москва: Логос, 2001. – 338 с.
2. Апель, К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск : Минск, 1997. – С. 202-222.
3. Можейко, М.А. Современные социокультурные трансформации и философия языка пост-постмодернизма: новейшие тенденции / М.А. Можейко // Культура: открытый формат – 2011 (библиотекосведение, библиографосведение и книговосведение, искусствосведение, культурология, социокультурная деятельность): сб. науч. работ / науч. ред. М.А. Можейко. – Минск: Беларус. гос. ун-т культуры и искусств, 2011. – С. 61-71.
4. Gottdiener, M. Approaches to Consumption: Classical and Contemporary Perspectives / M. Gottdiener // New forms of consumption consumers, culture, and commodification / edited by M. Gottdiener. – Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2000. – P. 3-31.
5. Gottdiener, M. Postmodern semiotics: material culture and the forms of postmodern life / M. Gottdiener. – Oxford: Blackwell, 1998. – 262 p.

Р.Г. Пашко
кандидат философских наук
заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин
ЧУО «Институт предпринимательской деятельности»

СЛОВО И ЖИЗНЬ

*«От века был бесплотен Ты, но срок пришел,
И плотьюотягчилось Слово Божие»
Прп. Иоанн Дамаскин.
Ямбический
на Рождество Христово
[8, с. 214].*

Знаменательное событие 1150-й годовщины со дня начала миссии святых равноапостольных Кирилла и Мефодия в землях Великой Моравии заставляет задуматься о единстве слова и жизни. Подвижничество солунских братьев состояло в просвещении славян словом, которое было делом всей их жизни, а затем и жизни их учеников. Слово и его жизненное воплощение неразделимы. Об этом свидетельствует вся история человечества. Можно сказать, что слово – это корень жизни, ее первооснова.

Сегодня как никогда ранее актуальна новая апологетика слова и связанная с ним обновленная идея жизни. С.И. Фудель, С.С. Аверинцев, О.А. Седакова, прот. В. Зелинский и многие другие мыслители XX – начала XXI века формируют «новое христианское сознание» современного человека, его кредо, возрождая в культуре лучшие традиции и идеалы эпохи Серебряного века. Идея «нового аскетизма» акцентирует обращение к теме Творения, Исцеления, Жизни, или заботу о *живом как живом*. Российская поэтесса О.А. Седакова описывает новый аскетизм как “воздержание от омертвевшего и омертвляющего” [9, с. 139]. Новое христианское сознание связано не с отрешенностью, а участием, духовно-культурным конструктивным созиданием жизни и даже мечтой о счастье. С.И. Фудель уверен в том, что реальное творческое действие угодно Богу, а не изображение из себя благочестивой машины. В годы репрессий из далекой сибирской ссылки С.И. Фудель предельно ясно раскрывает духовную взаимосвязь любви к жизни и счастья: «Легче всего умереть, труднее всего полюбить нескончаемость жизни. Зато те, кто действительно полюбил, вкушают от «Древа жизни», т. е. возвращаются в первоначальное состояние человека, в состояние блаженства духа и тела, и уже не понимают просто, что такое слово «трудно», ибо когда человек счастлив, ему все легко». И призывает в письме, обращаясь к сыну: «Ищи Церковь! Ищи счастливое человечество...» [10, с. 69].

Сегодня поиски счастья и благополучия чаще всего рассматриваются в социально-экономическом ключе, через призму такого показателя как «качество жизни». Доктор богословия, Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси справедливо предлагает при рассмотрении основополагающего критерия качества жизни общества ориентироваться на нравственную свободу личности. Белорусский мыслитель настаивает на решающем факторе религиозно-нравственной мотивации и высших ценностей, их влиянии на результаты принимаемых ответственных решений, указывает на конструктивные социальные последствия этой безусловной мотивации в поведении человека. «Ведь только тогда, – считает известный богослов, – когда человек видит зависимость общественного благополучия от собственного нравственного поведения, когда он осознает себя источником формирования качества жизни, можно надеяться на положительные изменения в качестве общественной жизни» [7, с. 31]. Критическое осмысление общепринятой трактовки понятия «качество жизни» ведется через призму базового документа Русской Православной Церкви «Основы социальной концепции». Митрополит Филарет более подробно останавливается на религиозно-философской

концепции служения, духовном смысле богатства, труде как основной форме общественной деятельности человека, о потенциале образования в духовно-нравственном возрастании личности и качества его жизни [там же, с. 29-32]. Таким образом, качество жизни, как и сама жизнь человека, зависят от духовно-нравственных ценностей и критериев, от желания человека отдавать и благодарно принимать, трудиться на благо общества и самого себя, от умения ответственно распоряжаться полученным богатством как даром.

Митрополит Филарет напоминает о том, что в 2009 году при Патриархе Московском и всея Руси был создан Экспертный совет «Экономика и этика», одной из задач которого является формирование ответственных оценок и решений относительно достойного уровня жизни человека. Данный подход крайне актуален для современного экономического знания и вполне согласуется с такими известными философско-социологическими учениями, как например, философия денег Г. Зиммеля, социология менеджмента Э. Мэйо, теория благосостояния Дж. М. Кейнса, П. Самуэльсона и др. В конце XX – начале XXI века в этико-экономических учениях Э. Аткинсона, Б. Фридмана, Р. Дж. Шиллера и В.М. Шиллер, К.Л. Пората, К.М. Пирсона и др. доказывается наличие фундаментальной связи между экономикой и этическо-моральным сознанием человека, экономикой и религиозным мышлением. Отмечается непрерывное изменение самого человека, его природы и положения человека в системе социально-общественных отношений, базовых систем ценностей. Все это приводит к мысли об основополагающей зависимости экономики от этического и духовно-культурного компонента и, в конечно счете, от жизненного мироощущения человека, его мировоззрения. Как справедливо подчеркивает современный российский философ Б.В. Марков, то, что разделено по разным «ведомствам», например бизнес и мораль, встречается и взаимодействует в сознании человека. Именно человек и есть тот «единственный медиум, согласующий реальный и идеальный порядки», неизбежные конфликты ценностей, возникающие в экономике и обществе. Причем, в постиндустриальном коммуникативном обществе внутренний конфликт личности обостряется, так как высшие моральные ценности и идеалы редко согласуются с принятыми в обществе нормами, ориентирующимися на критерии успеха [6, с. 386].

За философией и психологией успеха чаще всего скрывается всего лишь новый кумир, ложный божок современного менеджмента, поскольку за представлениями об успехе скрывается желание быстрого обогащения, получения прибыли любой ценой. При этом успех становится единственной целью, той «скорлупой», в которой незаметно для самого себя оказывается человек. Возникает эффект своеобразного «гетто успеха», когда не успех предназначен для человека и его духовно-культурного «домостроения», а человек становится жертвой своего стремления к успеху. На самом деле, естественно, успех необходим в любом деле. Однако для настоящего жизненного созидания и «домостроения» также необходима и добродетель, о чем нередко забывают как о некой малой величине, как о «ничто». И это «ничто» на самом деле есть «нечто», без него невозможно получить желаемого и добиться настоящего успеха в жизни. Со времен античности, как известно, добродетель недоступна профанному сознанию, она понимается как таинство для посвященных, а способность к домостроительству на началах добродетели – это дар и милость свыше [см., напр., у Ксенофонта, 5, с. 262]. В XX веке добродетель прежде всего понимается как проявление инициативы творческой личности, скорее как «жаркая работа» в момент строительства своего «дома», требующая всей отдачи физических и духовных сил, преодоления вековых заблуждений, страхов и предрассудков. Как отмечал С.И. Фудель, «к этому добро-деланию относится прежде всего не то, чтобы что-нибудь не «есть» или не «пить», но то, чтобы не нарушать каких-то законов отношений с людьми: не завидовать им, не ожесточаться на них, не сердиться на них, не замышлять против них ничего того, чего не желаешь себе, сострадать им в их страдании и помогать им по мере своих сил. Это основное» [10, с. 84-85].

Признаниями в любви к жизни наполнены письма С.И. Фуделя: «...Я люблю жизнь очень... Жизнь для меня - сокровище, данное мне навеки...» [там же, с. 74]. Оглушенность заботами и невзгодами приводит к потере чувства жизни, что для мыслителя означает

потерю чувства вечности. С.И. Фудель требователен к себе в земной жизни, поскольку сказано, что «узок путь, ведущий в Жизнь», «и немногие находят его». Отсюда мудрые советы отца к своему сыну Н. Фуделю, среди которых, например: «...никогда не снимай плаща терпения», «забывай о себе», «больше всего на свете бойся равнодушия или презрения к людям» и т.д. [там же, с.68, 76, 77].

Рефреном в письмах проходит мысль о необходимости сочетания мудрости со смирением, сохранением детского восприятия жизни, с чистотою не только сердца, но и ума. С.И. Фудель считает, что ум современного человека самонадеян, ничему не удивляется, все подвергает сомнению, что он отравлен больше сердца. Фудель призывает руководствоваться известным изречением Христа: «если не будете, как дети, – не войдете в Царство Божие». – И подчеркивает: «Это закон!» [там же, с. 76]. Стоит вспомнить о том, что С.С. Аверинцев в «Молитве о словах» возвышает «немошь детскую» как единственное условие для возвращения утраченных (блуждающих, «как псы одичалые») слов в святыню Слова-Логоса: «Отче, как в немоши детской, / у самого истока глагола, / да будут слова наши тяжки, / до краев безмолвием исполнясь» [2, с. 8].

То значительное внимание, которое С.С. Аверинцев уделял слову в современной культуре, свидетельствует, как подчеркивает российская поэтесса О.А. Седакова, о необходимости защиты слова перед новыми вызовами времени, – «неверием в слово как таковое, вражда к Логосу» [4, с. 74]. Теологическая концепция культуры слова С.С.Аверинцева раскрывается как необходимость адекватной включенности личности в построение культуры через приближение к “самому истоку глагола”, в глубине молчания, “именно того молчания, в котором каждый человек может лучше всего услышать, понять и принять другого” [3, с. 22]. Аверинцев выработал совершенно особый язык, новую риторику, в ответ на кризис языка и полное крушение бездоказательного слова, слова-лозунга. «Слово, которое он предлагал, – пишет О.Седакова, – всегда имело в виду возможное возражение себе – и не пыталось просто перекричать сомнение слушателя». По законам риторики Аверинцева, правильно построенное утверждение – это утверждение, которое предполагает, что говорящего можно спросить, переспросить о сказанном. «Автор должен ожидать вопроса и возражения и первым ставить вопросы к собственным утверждениям. Это, – подчеркивает российская поэтесса, – один из основных принципов Аверинцева» [4, с. 73]. Седакова раскрыла секрет парадоксального качества аверинцевской мудрости: одновременно глубокой, сердечной вовлеченности в происходящее и одновременно трезвой отрешенности от него [там же].

Аверинцев выявляет бинарную оппозицию культур: 1) культура проповеди, диспута, экзегезы, то есть толкования, т.е. культура словесная, словесно-логическая, которая отвечает опыту вездесущности Бога и 2) культура молчания, образа, иконы и священнодействия, которая отвечает в конечном счете присутствию Бога вот здесь, тому, что обозначается словом “Шехина”. Он определяет основное движение культуры – от благовестия, слова к таинству; от парадигмы вездесущности к окончательному осуществлению парадигмы присутствия; от пресуществления сакрального слова в контексте культуры тождества в священное и освящающее тело [1, с. 376-377]. Аверинцев противопоставляет методологии схоластической речи, исходящей от дискурса различия, нетождества, институции диспута, словопрения, аллегорического толкования, методологию слова, которому свойственно пространство тождества, тавтология таинства (в отличие от аллегоризма экзегезы), когда «сама речь как бы претворяется в говорящее молчание». Аверинцев говорит о том, что сакральное повторение одних и тех же слов Иисусовой молитвы чисто внешне можно сравнить с практикой восточных мантр. Он отмечает, что в Иисусовой молитве, в библейской семантике Имени Божия, особенно в практике иудаизма «Имя Божие – это всегда не имя в привычном смысле, но реальное присутствие Божие и Сам Бог» [там же, с. 368, 377; см. его же «Стих о Имени Иисусовом», 2, с. 11].

Прот. В.Зелинский усматривает в творчестве Аверинцева воплощение идеала служения Имени в безмолвии. Он пишет: «Существенно отражение и безмолвие Имени в нас...

Именно в этом умении собирать и передавать тишину знаниями, пусть даже и многими, – один из секретов Аверинцева» [3, с. 22]. Просвещение, которое нес с собой Аверинцев, было одновременно просвещением культурным и просвещением духовным. Прот. В. Зелинский определяет методологию слова С.С. Аверинцева, как «говорящее молчание», когда энциклопедизм и широчайшая эрудиция не являются самоцелью, а культура слова заключена в «про-свещенности изнутри, идущей от безмолвия глагола». «...Безмолвием поем и славим / воли Твоей благоволение», – говорится в одном из духовных стихов С.С. Аверинцева. В «Молитве о последнем часе» мыслитель возлагает надежду на соединение со Словом в вечной жизни: «...когда речам скончанье настанет / и язык глаголавший много / закоснеет в бессловесности гроба / Твое да будет со мною Слово... пустоту мою исполни Тобою» [2, с. 121]. В перспективе будущего века, по мнению христианских мыслителей, и состоит жизнеутверждающее начало: вызов тлению, путь к Саду Божию, достижение единства со Словом в вечной жизни [10, с. 73].

Литература.

1. Аверинцев С.С. Присутствие Вездесущего как парадигма христианской культуры // Личность и традиция: Аверинцевские чтения / Сост. К.Б. Сигов. – К.: Дух и літера, 2005. – 400 с.
2. Аверинцев, С.С. Стихи духовные / С.С. Аверинцев. – Киев: Дух і Літера, 2001. – 138 с.
3. Зелинский В., свящ. «У самого истока глагола». Сергей Аверинцев: опыт построения культуры // Истина и жизнь. Человек. Духовность. Культура. – М., 2004. – № 4. – С. 17-22.
4. Кафоликия: Сборник научных статей. Вып.2/ Под ред.А.В.Данилова. – Таганрог.: Издатель Е.А.Сухова, 2005. – 86 с.
5. Ксенофонт. Домострой / Ксенофонт // Воспоминания о Сократе. – М.: Издательство “Наука”, 1993. – С. 197–262.
6. Марков, Б.В. Знаки бытия / Б.В. Марков. – СПб.: «Наука», 2001. – 568 с.
7. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Нравственная свобода личности как критерий качества жизни общества / Филарет (К.В. Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси // Проблемы управления. – Минск, 2010. – № 1(34). – С. 29-32.
8. Многоценная жемчужина: Лит. творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии / Пер. с сир. и греч. яз., сост., предисл. и коммент. С.С. Аверинцева. – Киев: Дух і Літера, 2003. – 600 с.
9. Наше положение: Образ настоящего/ О.А.Седакова, В.В.Бибихин, А.И.Шмаина-Великанова, А.В.Ахутин и др. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000. – 304.
10. Фудель, С.И. Вернуться в свой дом / С.И. Фудель // Новая Европа. Международное обозрение культуры и религии. – М., 1993. – № 3. – С. 63-85.

Иерей Михаил Самков

старший преподаватель

*ГУО «Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла» Белорусского
государственного университета*

ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ПЕРЕВОДА

Перевод является одним из видов вербальной коммуникации. За каждой теорией перевода стоят те или иные представления о природе коммуникации. В зависимости от того, как понимается процесс коммуникации в целом, формируется и наше представление о том, что такое перевод, а также то, как его осуществлять. В данном докладе рассматриваются основные положения двух моделей коммуникации и то, каким образом они повлияли на

основные теории перевода. Поскольку исследовательские интересы автора работы лежат в области теории библейского перевода, то основное внимание мы сосредоточим на двух современных теориях библейского перевода: теории функциональной эквивалентности и теории релевантности Гутта.

В 20-м веке практически все теоретические модели перевода основывались на структурно-функциональных лингвистических теориях и на кодовой модели коммуникации. Согласно последней, коммуникацию можно представить как процесс зашифровки и дешифровки информации. Язык – лишь механизм, своего рода контейнер, в который вкладывается и из которого извлекается информация. Значение, будучи однажды закодированным, пребывает в *тексте*. Главный недостаток кодовой модели состоял в том, что в ней не было места для контекста.

Кодовая модель коммуникации оказала сильное влияние теорию функциональной (динамической) эквивалентности Ю. Найды, которая была доминирующей в области библейского перевода на протяжении всего 20 столетия. Язык для него – средство кодировки; значение, закодированное средствами одного языка, может быть без потерь и существенных изменений перекодировано средствами другого языка. Поэтому задача переводчика – поиск ближайшего эквивалента в языке перевода, который бы передавал всю динамику высказывания в языке оригинала. При этом значение высказывания пребывает в нем самом. В ранних работах контекст у Найды сводится к контексту – текстуальному окружению высказывания. В более поздних его трудах о контексте говорится в более широком смысле и более подробно, но все же он не играл там ключевого значения.

1980-е годы появляется инференционная модель коммуникации (Грайс), которая затем была преобразована в теорию релевантности (Спербер, Уилсон). Эта теоретическая модель была применена к теории перевода Гуттом (Gutt).

Теория релевантности обнажает серьёзный недостаток кодовой модели коммуникации. Коммуникация не может быть представлена в виде процесса кодирования и декодирования информации. Иными словами, то, что сказано (лингвистически закодировано) не тождественно тому, что подразумевается. Ключевым фактором, определяющим процесс коммуникации, является контекст. Значение высказывания не остается неизменным, независимо от условий. Значение высказывания определяется контекстом и зависит от того, кем, когда, где и для кого оно сделано. В теории релевантности контекст относится не только к внешним условиям, в которых происходит общение. Контекст высказывания определяется как комплекс тех предпосылок, который используется для интерпретации высказывания и относится, прежде всего, к общей (как для отправителя, так и для получателя высказывания) когнитивной среде, когнитивному окружению.

Отправитель высказывания предоставляет своей аудитории вербальные и невербальные ключи (стимулы), которые свидетельствуют об определенной интенции своего отправителя. На основании полученных свидетельств, получатель высказывания должен сделать заключение о коммуникативных намерениях говорящего. Проблема заключается в том, что на самом деле любое высказывание (вербальный стимул), как правило, допускает существование более чем одной интерпретации. Высказывание, рассматриваемое в изоляции от других факторов, само по себе, допускает множество толкований. Но высказывание никогда не производится в вакууме, оно всегда существует в контексте. Сказанный в конкретных обстоятельствах и конкретной аудитории, вербальный стимул становится ясным и недвусмысленным свидетельством об интенции говорящего.

Понятие релевантности определяет общение между людьми, каждый говорящий гарантирует: то, что он пытается сказать – является релевантным, значимым для его аудитории, это достойно их внимания в данный конкретный момент. Релевантным будет то высказывание, которое потребует минимальных затрат усилий для своего понимания и при этом сообщит максимальное количество информации.

Первым, кто указал на значимость теории релевантности для перевода был Э. Гутт. Перевод является частным случаем вербальной коммуникации. Для того, чтобы человек мог

интерпретировать утверждение или текст таким же образом, как и оригинальный слушатель или читатель могли интерпретировать его – они должны иметь то же самое когнитивное окружение, что и оригинальный слушатель/читатель.

Гутт представляет перевод как межъязыковую косвенную речь. Соответственно двум типам межъязыковых цитат, он предлагает два типа перевода: 1) прямой перевод, цель которого – передать все сообщение оригинала и 2) не прямой перевод, который стремится к тому, чтобы передать только части оригинального сообщения, которые кажутся релевантными принимающей аудитории.

Прямой перевод пытается в точности воспроизвести то, что было сказано автором оригинала. Как прямое цитирование пытается сохранить в точности то, что сказано другим человеком, так и прямой перевод стремится к достижению полного интерпретивного сходства. При этом переводчик исходит из того, что читатель будет читать перевод, с учетом когнитивного контекста, в котором создавался оригинал. При этом перевод должен сохранять все те же коммуникативные ключи, которые есть в оригинальном тексте. Как следствие – читатели должны прийти к тем же заключениям, к той же интерпретации, к которой пришли первые читатели оригинала. Если сказать иначе, то цель прямого перевода Библии – дать современному читателю достигнуть той же самой интерпретации, какой они могли бы достигнуть при чтении Ветхого Завета на еврейском языке или Нового Завета на греческом языке.

Непрямой перевод не стремится к полному интерпретивному сходству с оригиналом. Как не прямое цитирование может либо слегка модифицировать оригинальное высказывание, либо значительно трансформировать его, точно так непрямой перевод может делать либо небольшие изменения ради предполагаемой аудитории, либо сделать эти изменения значительными. Непрямой перевод передает те части сообщения, которые в данный момент являются наиболее значимыми и понятными целевой аудитории. Это подходящий подход к переводу в тех ситуациях, в которых переводчик не имеет нужды сообщить читателям все значения оригинала.

Теория релевантности была существенным шагом вперед в нашем понимании природы коммуникации и перевода – как одной из разновидностей коммуникации. Теория Найды по-прежнему оказывает большое влияние на практику библейского перевода во всем мире. Теоретические построения Гутта существенно не оказались востребованными в практике перевода. Тем не менее, основные положения теории релевантности в целом становятся все более востребованными, поскольку призывают переводчиков быть более внимательными к когнитивному миру оригинальных текстов. Это позволяет более адекватно интерпретировать древние тексты, не навязывая им своих современных представлений.

Ю.А. Яроцкая

аспирантка Белорусского Государственного Университета культуры и искусств

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЯПОНИИ: ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Японская Православная церковь занимает особое место в истории миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, поскольку под руководством святого равноапостольного Николая (Касаткина) она стала национальной автономной Православной Церковью Японии.

В России хорошо знали о неудачах католиков в Японии в XVII веке. Об этом свидетельствует письмо Петра I об открытии Русской Духовной Миссии в Китае: «...Только для Бога поступайте там опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу... К чему там надобеть попы не так ученые, как разумные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не пришло в злейшее падение, как учинилось в Епании» [2, с. 25].

Петром I было отправлено первое российское посольство в Японию в 1702 году, но переговоры оказались безрезультатными [1, с. 120].

В 1855 году в северояпонском городе Хакодате было открыто первое русское консульство, которое возглавил белорус Иосиф Антонович Гошкевич. При содействии консула в 1859 году в Хакодате была построена консульская церковь Воскресения, а ее настоятелем стал протоиерей Василий Махов. Однако из-за болезни сердца он был вынужден вернуться в Россию [1, с. 129–130].

Святитель Николай (Касаткин, 1836–1912), основатель Японской Православной церкви, прибыл в Японию в 1861 году в трудное время. Христианская проповедь была запрещена законом под угрозой смертной казни. По словам отца Николая, «японцы смотрели на христиан, как на зверей, а на само христианство, как на злодейскую секту, к которой могли принадлежать лишь отъявленные чародеи и злодеи» [8, с. 194–195].

Первым обращенным в православие японцем стал Такума Савабе (1835–1913), бывший самурай клана Тоса, жрец старой синтоистской кумирни в Хакодате. Некогда он странствовал по Японии, зарабатывая на жизнь уроками фехтования. Придя в Хакодате, он женился на дочери жреца синтоистской кумирни и принял не только его фамилию Савабе, но и наследственный жреческий сан, и место служения своего тестя. Савабе также состоял членом тайного общества, поставившего своей целью изгнать всех иностранцев из Японии, и был известен как превосходный фехтовальщик. В качестве учителя фехтования он и приходил к сыну консула И.А. Гошкевича [7, с. 21].

Вторым стал Сакаи Иоанн. Это был местный врач и близкий друг Такума Савабе, обращенного в христианство с именем Павла. Третьим христианином стал Иаков Урано, также бывший врач.

В 1873 году последовала отмена старых запретительных указов против христиан, и в Стране восходящего солнца наступила новая эра – свободы проповеди Христа. В этом же году была начата постройка большого дома с домовою церковью миссии. Учреждена была 6–классная духовная семинария, лучшие из окончивших семинаристов отправлялись в русские духовные академии. Для подготовки катехизаторов было основано катехизаторское училище, куда могли поступать люди от 18 до 60-летнего возраста.

12 июня 1875 года архимандрит Николай предложил сорока катехизаторам выбрать кандидатов для рукоположения. Было названо три имени, однако согласие на хиротонию дал только один из них – Павел Савабе. Бывший жрец и стал первым православным священником–японцем. Иоанн Сакаи был посвящен в сан диакона. Рукополагал их специально прибывший для этого в г. Хакодате начальник Камчатской миссии епископ Павел. В 1878 году тот же епископ Павел рукоположил диакона Иоанна Сакаи и четверых других кандидатов в священники. Теперь среди самих японцев было 6 священников, 27 катехизаторов и 50 помощников катехизаторов [7, с. 31].

С 1880 года миссия начала издавать полумесячный журнал «Сэйкё Симпо» («Православный Вестник»), в котором публиковались статьи по вопросам христианского мировоззрения и обзоры жизни Японской Церкви и всего христианского мира. В 1893 году появился научно-философский журнал «Синкай» («Духовное море») апологетического содержания. Женское училище приступило к изданию ежемесячного журнала «Уранисики» («Изнанка парчи»), публиковавшего художественные произведения и статьи общего содержания на духовно-нравственные темы [7, с. 33].

Делом архипастырского попечительства епископа Николая является знаменитый собор Воскресения Христова в Токио. Постройка была начата в 1884 году и продолжалась 7 лет. Фундамент сооружался целый год, стены 5 лет. Сооружение собора было очень трудным вследствие частых землетрясений в Японии и почти непрекращающихся пожаров в Токио. Все было твердо и основательно, но ничего, по слову владыки Николая, не было роскошно. Торжество освящения храма состоялось 2 марта 1891 года. Храм стал украшением всего христианского мира на Дальнем Востоке [2, с. 205–206].

В 1904 году началась русско-японская война. Положение православных японцев и епископа Николая было тяжелым. Перед епископом и паствой встал вопрос о двух родах нравственной обязанности для православных японцев во время войны. Епископ Николай получал многочисленные письма с одним лишь вопросом, должны ли православные японцы активно участвовать в войне, и должен ли епископ благословить паству на войну с Россией. Настроение японской печати было крайне враждебным. Все православные японцы были объявлены изменниками, требовали смерти епископа, Церковь обвинялась в политической связи с российским правительством. Напротив, отношение японского правительства было вполне корректным. По стране был разослан циркуляр министерства, строго соблюдаемый местными властями, о не смешивании религии с политикой, свободе христианских богослужений и обрядов [8, с. 216–217].

Еще на соборе 1903 года епископ Николай дал определенный ответ: «Воевать с врагами не значит ненавидеть их, а лишь защищать свое отечество» [8, с. 216]. Епископ особо подчеркнул обязанность православных японцев молиться о победах своего императора и благодарить Бога за дарование побед. О себе же он говорил, что он как русский подданный не может молиться о победе Японии над своим отечеством [8, с. 217]. Поэтому во время войны владыка Николай не принимал участия в общественных богослужениях, всецело отдавшись переводческому делу.

Востоковед Д. Позднеев писал, что в этот период в буддийской церкви существовало определенное стремление перенести происходившую войну на религиозную почву и доказать, что от исхода войны зависит и сама судьба буддизма в Японии. В этом отношении в Японии обнаружилась резкая разница между действиями высших властей буддизма, находившихся, несомненно, под влиянием взглядов правительства, и народной практикой [4, с. 46].

В дневниках святителя Николая содержатся известия о гонениях на православных христиан. Народ считал, что православные японцы исповедуют «русское христианство» – за это их поносили как русских шпионов и исключали из круга общения. Детей верующих в школе называли шпионами и подвергали издевательствам. Были также случаи, когда православные, содержавшие какую-либо лавку и лишившиеся из-за своей веры клиентов, были вынуждены уйти из церкви и вернуться в буддизм. «У них одна вера с русскими, поэтому они желают победы России», – так ругали православных христиан местные жители и часто избивали их [3, с. 24–25].

Враждебно настроенная толпа называла Православную церковь и ее последователей прозвищем «Шайка Николая», или просто «Николай» [3, с. 25].

Записи этого периода дают представление о том, как святитель Николай и японские православные христиане совместными усилиями преодолевали это критическое время. И, несмотря на то, что русско-японская война принесла им много страданий, все они старались относиться к ним как к испытанию веры.

В результате русско-японской войны общественное мнение Японии изменилось в пользу Японской Православной церкви, члены которой на деле доказали свой патриотизм. После войны изменилось и отношение России к Японии: создано Русско-Японское общество, Императорское общество востоковедения. Владыку Николая в знак признания его заслуг как выдающегося ученого-японоведа избрали почетным членом этих обществ. Ему был пожалован орден Святого Александра Невского [6, с. 14]. Святейший Синод возвел его в сан архиепископа с наименованием «Японский».

После смерти святителя Николая Японская Православная Церковь продолжала свидетельствовать православие. Собор Воскресения Христова был разрушен землетрясением в 1923 году. На собранные деньги русских эмигрантов собор был восстановлен. Он и сейчас широко известен в Японии под именем «Николай-до», в честь архиепископа Николая.

В 1939 году парламент Японии принял закон, по которому всем религиозным организациям страны предписывалось до апреля 1941 года пройти обязательную регистрацию в Министерстве Просвещения для оформления юридического лица. 38

различных протестантских деноминаций Японии объединились в религиозное движение, называвшее себя Церковью Христа в Японии. Англичанам было предложено присоединиться к протестантам. Англичане отказались от объединения, и тогда Министерство Просвещения отказало их общине в регистрации [5, с. 10].

Японская Православная Церковь была зарегистрирована как отдельная конфессия под названием «Религиозная организация Японская Православная Церковь Христова». Сам факт такой регистрации подтвердил, что Православная церковь в Японии является неотъемлемой частью японского общества.

Однако по новому закону иностранцам запрещалось стоять во главе религиозной общины, поэтому митрополит Сергей (Тихомиров) лишился права руководить Японской Православной Церковью и был вынужден покинуть свое место. Владыка Сергей явился последним русским архиереем в Японии. Главой Японской Православной Церкви стал епископ Николай (Оно), хиротония которого была совершена в Харбине иерархами Зарубежной Русской Церкви 14 марта 1941 года [6, с. 15].

На протяжении Второй Мировой войны епископ Николай оставался единственным архиереем Японской Православной Церкви, однако ему не удалось снискать расположения верующих и фактически в церкви наступило безвластие.

5-6 апреля 1946 года первый послевоенный Собор Японской Православной Церкви отправил епископа Николая (Оно) в отставку. 7 января 1947 года в Токио прибыл епископ американской Митрополии Вениамин (Басалыга). 20 января того же года состоялся Чрезвычайный Собор, на котором были приняты резолюция о признании епископа Вениамина правящим архиереем Японской Православной церкви, и о вхождении Японской Православной церкви в подчинение Американской Митрополии [9, с. 17].

Когда Северо-Американской Митрополии был дарован статус автокефалии (1970 г.), Японская Православная церковь вернула себе статус автономии под юрисдикцией Московского Патриархата. И через два года, в марте 1972 года, иерархом Японской Православной Церкви был избран архиерей-японец Феодосий (Нагасима) [9, с. 18].

Архиепископ Николай, создатель и первоиерарх Японской Церкви, почивший в 1912 году, был причислен к лику святых 31 марта 1970 года, как равноапостольный святитель, просветитель всея Японии.

Имя Николая Касаткина, русского православного священника, знает и почитает вся Япония. Во время его канонизации, когда православные японцы хотели перенести мощи святителя с кладбища в собор, им это не разрешили, сказав, что отец Николай принадлежит всему японскому народу, независимо от вероисповедания, и останки его должны остаться на народном кладбище.

Литература.

1. Бесстремьянная, Г.Е. Христианство и Библия в Японии / Г.Е. Бесстремьянная. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2006. – 318 с.
2. Ермакова, Л.М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое / Л.М. Ермакова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 269 с.
3. Накамура, К. Годы душевных страданий. Строки из дневника святого / К. Накамура // Япония сегодня. – 2005. – №2. – С.24–27.
4. Позднеев, Д.М. Архиепископ Николай Японский / Д.М. Позднеев. – СПб.: Синодальная тип., 1912. – 54 с.
5. Поздняев, Д. Время тяжких испытаний / Д. Поздняев // Япония сегодня. – 1999. – №7. – С. 10–11.
6. Саблина, Э.Б. 150 лет православия в Японии / Э.Б. Саблина. – М.: АИРО-XXI Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2006. – 525 с.
7. Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание, дневники 1870-1911 гг. - СПб.: Библиополис, 2007. – 760с.

8. Сергей (Страгородский), архим. По Японии (записки миссионера) / С. Страгородский. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье (Общество любителей церковной истории), 1998. – 229 с.
9. Стамулис, И. Православное богословие миссии сегодня / И. Стамулис. – М.: Издательство православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002. – 444 с.

В.А. Можейко

аспирант Национального Института образования, магистр управления

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процесс глобализации остро ставит вопрос о философско-теоретических основаниях культурной политики. С одной стороны, кросс-культурные взаимодействия в глобализирующемся мире становятся все более активными по форме и все более глубокими по содержанию, с другой же – именно глобализация выявляет существенные аксиологические различия в философско-теоретических основаниях различных типов культурной политики, проводимой современными государствами.

Это связано с тем, что культурная политика, по определению ЮНЕСКО, есть «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают фундамент действий государства в области культуры» (Монако, 1967) [6]. Разумеется, базисные философско-теоретические основания этих операциональных принципов не могут не быть различными у различных государств, в силу чего взаимодействие этих государств в сфере культуры должно строиться с учетом этих мировоззренческих различий.

Таким образом, глобализация по сути является дополнительным существенным стимулом к системному формированию государственной культурной политики.

С одной стороны, глобализация ставит перед государством и обществом принципиально новые вопросы и вызовы, без существенной реакции на которые полноценная культурная политика становится невозможной.

С другой стороны, глобализация актуализирует классические элементы культурной политики, заставляя переосмысливать и переоценивать их значимость и важность на сегодняшний день.

Особый интерес представляет ситуация формирования культурной политики в условиях глобализации с дополнительными факторами, специфическими в своем наборе для конкретного государства.

Говоря о такой специфике Беларуси, в первую очередь необходимо отметить следующие факторы:

1. Незавершенность процесса формирования единой государственной политики в сфере культуры.

Без сомнения основным фактором, который надо учитывать, говоря о культурной политике в Беларуси, является отсутствие базового документа.

На данный момент его принятие лишь запланировано в отдаленной перспективе. Так, согласно ст.10 проекта Кодекса о культуре «Президент Республики Беларусь определяет единую государственную политику и осуществляет государственное регулирование в сфере культуры» [4]. Статья 7 проекта Кодекса также содержит в себе основные направления государственной политики в сфере культуры [4]. Однако Кодекс о культуре лишь находится на рассмотрении парламента и пока не принят.

В отсутствии этих документов отдельную информацию, касающуюся культурной политики, можно найти в законе «О культуре» и в Конституции Республики Беларусь (ст. 15,

51, 54). Также согласно ст. 107 Конституции правительство «обеспечивает проведение единой ... государственной политики в области науки, культуры, образования ...». Отдельные цели и приоритеты культурной политики обозначаются также в пятилетних программах «Культура Беларуси» и в послании президента народу и парламенту.

Таким образом, нынешнее отсутствие нормативно-правового документа (концепции либо стратегии государственной культурной политики) вносит дезорганизирующий характер в осуществление государственной политики в сфере культуры в Республике Беларусь.

С одной стороны, такое положение имеет очевидные минусы (размывание приоритетов деятельности, отсутствие единых стратегических целей, упомянутая выше дезорганизация). С другой стороны, это позволяет сразу учесть все существующие факторы при формировании будущей стратегии культурной политики.

2. Существование в условиях цивилизационного разлома (культурного пограничья).

Обращаясь к классической работе политолога Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [5], можно однозначно сказать, что Беларусь представляет из себя типичный цивилизационный разлом, т.е. линию стыка нескольких цивилизаций с разными религиями, идеологиями, культурами.

Положительным в этой ситуации является обогащение национальной культуры достижениями соседей. Учитывая, что они нигде больше так тесно не коммуницируют между собой, в местах цивилизационных разломов формируется уникальная культура, обладающая сочетанием достижений культур соседей. Однако отрицательным является тот факт, что в таких условиях сложно сформировать сильную национальную идентичность.

Соответственно, влияние фактора культурного пограничья является уникальным и исключительно важным для формирования культурной политики Беларуси. С одной стороны, она должна учитывать всё то многообразие культур (с самым широким смысле этого слова), которые формируют пограничную белорусскую действительность. С другой стороны, для формирования национальной идентичности при этом необходима грамотная отстройка от любых внешних культур с определением белорусской специфики.

3. Незавершенность процессов десоветизации.

Как отмечают историки (А.Браточкин [1], А.Ластовский [3], и др.), большое влияние на происходящие в сегодняшней Беларуси процессы оказывает незавершенность процессов десоветизации. С одной стороны, без сомнения советская действительность, идеология, ментальность, ценности, картина мира и др. остались в истории и уже не могут являться доминирующими в современной независимой Беларуси. С другой стороны, в силу различных причин советские конструкты до сих пор во многом остаются актуальными в Беларуси и сегодня. Более того, как пишет Алексей Браточкин, «можно утверждать, что сегодня мы скорее сталкиваемся не столько с теоретическим переосмыслением «советского» в белорусской историографии, сколько с попытками создать расширенное описание этого периода истории, насыщенное «новыми» фактами» [1].

Этот фактор также делает необходимой двойственность подходов в рамках формирования культурной политики. Необходимость учитывать незавершенную десоветизацию и ее влияние должна гармонично сочетаться с мерами, направленными на естественноисторическое завершение процессов десоветизации в Беларуси.

4. Несформированность гражданских институтов, слабость их влияния на принятие государственных решений.

В связи с достаточно недолгим периодом постсоветского существования независимой Беларуси на данный момент развитие гражданских институтов в стране находится на начальном этапе. За единичными исключениями, отсутствуют сильные общественные организации и инициативы, которые могли бы представлять существенные группы граждан и оказывать влияние на принятие государственных решений.

Между тем, участие именно гражданских институтов, общественности, в формировании стратегии культурной политики является принципиальным моментом, позволяющим сбалансировать предпочтения и потребности всех стейкхолдеров и групп интересов.

Например, как отмечают в своем заявлении члены Ученого Совета Института философии РАН, «принципы государственной политики в области культуры должно разрабатывать прежде всего само общество, а не анонимные «рабочие группы» при сколь угодно авторитетном ведомстве. В связи с этим считаем необходимым ... перестроить сам процесс его подготовки, открыв возможность привлечения широкого круга специалистов» [2].

Таким образом, при формировании стратегии культурной политики Республики Беларусь необходимо максимально задействовать существующий потенциал гражданского общества и в то же время целенаправленно его усиливать, чтобы все позиции стейкхолдеров и групп интересов были учтены.

Подводя итоги, можно отметить, что белорусская специфика формирования культурной политики в условиях глобализации в первую очередь включает в себя 4 пункта (но никак не ограничивается ими): отсутствие единой государственной политики в сфере культуры; существование в условиях цивилизационного разлома (культурного пограничья); незавершенные процессы десоветизации; несформированность гражданских институтов, слабость их влияния на принятие государственных решений.

Соответственно, каждый из этих пунктов обуславливает определенные определенные специфические шаги, которые необходимо будет предпринять при формировании стратегии культурной политики Республики Беларусь.

Литература.

1. Браточкин А. Преодоление «советского прошлого» в Беларуси как проблема [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://eurocenter.by/studies/preodolenie-sovetskogo-proshlogo-v-belarusi-kak-problema>
2. Заявление членов Ученого Совета Института философии РАН о концепции основ культурной политики [Электронный ресурс] Точка доступа: http://iph.ras.ru/cult_polit.htm
3. Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>
4. Проект Кодекса Республики Беларусь о культуре [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://kultura.gov.by/news/ab-kodekse-respubl-k-belarus-ab-kultury>
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003
6. Cultural policy: preliminary study. Paris, 1969. P. 5.

Н.В. Самосюк

магистр истории, аспирантка

ГУО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

ПРАВОСЛАВНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (1921-1939 ГГ.)

В возрожденном Польском государстве – Второй Речи Посполитой существовало много социальных проблем: детское беспризорничество, безработица, периодические угрозы голода и т.д. Было очевидно, что специальные государственные учреждения и общественные организации не могли решить эти проблемы. Кроме того, отдельные категории населения, особенно из среды русской интеллигенции, по различным причинам не могли найти своё место в польском обществе и нуждались в постоянной опеке.

Православная церковь в Польше государственными властями была поставлена в неблагоприятные условия. Тем не менее, благотворительность являлась приоритетным направлением деятельности Православной церкви в 1921-1939 гг. Православная церковь для

оказания систематической помощи незащищённым категориям населения создавала специальные благотворительные организации. Центральное место среди них занимало Православное митрополитальное благотворительное общество, созданное 25 декабря 1924 г. [4, с. 122].

Общество ставило перед собой, в первую очередь, нравственные задачи *«мы ничего не обещаем земного, ничего не сулим, только напоминаем слова Спасителя «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут»»* [3, с. 3].

Правление общества полагало, что организация благотворительных вечеров, лотерей и прочих подобных мероприятий для получения материальных средств, не приемлема для церковной благотворительности и противоречит его нравственным задачам: *«мы непосредственно, только во имя Христа и Его заветов, обращаемся к каждому христианскому сердцу с призывом быть с нами в деле христианского благотворения, помочь нам в добродетели материально и духовно»* [3, с. 4].

В 1928 в обществе состояло 68 действительных членов и 142 соребнователя. В всего за год располагало 20942 злотыми, из которых было израсходовано 16694 злотых. Денежная помощь была оказана в 1828 случаях.

Т. Теодорович, организатор вице-председатель общества, подчеркивал, что *«что в цифрах не зрится та духовно-нравственная задача благотворительного общества, которая не поддаётся цифровому учёту и которая – по разным причинам – не всегда может иметь своё внешнее выражение»* [3, с. 3]. Церковно-христианский характер общества обязывал его членов, в первую очередь, постоянно бороться с нравственными недостатками: *«царящим эгоизмом, черствостью и ожесточением человеческого сердца»* [3, с. 4].

Правление общества главными средствами для расширения и реализации на практике среди населения христианских идей милосердия считало церковную кафедру, исповедь и церковную библиотеку. Использование этих средств в благотворительности давало, кроме невидимых, и, вполне осязаемые результаты. Оповещение священнослужителем в церкви об одиноких больных побуждало наиболее чутких прихожан к оказанию им различной помощи. Некоторые прихожанки становились добровольными сиделками у тяжелобольных, о проблемах которых они узнавали в храме. Таким способом создавалась особая духовная связь, которая обязывала не только посещать больных, но и после смерти принять на себя всю заботу по погребению опекаемого больного, вплоть до установления на его могиле памятника-креста [3, с. 3].

Ежегодно в канун Рождества Православное митрополитальное общество сообщало о результатах своей деятельности в листках, выходивших в качестве бесплатного приложения к журналу «Воскресное чтение». Кроме подведения итогов за год в листках размещались в качестве напутствия на новый год изречения о милосердии вселенских учителей в 1926 г. Св. Иоанна Златоуста, в 1927 г., Св. Василия Великого, в 1929 г. Св. Григория Богослова. Милосердие, по мнению Св. Григория, является наиважнейшей обязанностью каждого и никакая бедность не может стать препятствием к благотворительности: *«дай хоть самую малость бедному, и то не будет малостью для того, кто во всём нуждается...ничего не имеешь, утешь слезою...»* [2, с. 2].

Общество было встречено не вполне благожелательно в русской эмигрантской среде, несмотря на то, что открыто заявило о своём желании совместно работать с существующими светскими благотворительными учреждениями, делившимися по национальному признаку [3, с. 3].

В 1928 г. стали очевидными основные направления, способы и средства благотворительной деятельности общества. Попытка привлечь к участию в жизни общества в качестве членов-соребнователей всех православных священнослужителей митрополии за небольшим исключением не увенчалась успехом [2, с. 2].

В связи с этим Т. Теодорович от имени Правления Варшавского Православного Митрополитального Благотворительного общества обращался к православному духовенству и населению с наставлением о милосердии Св. Григория Богослова. Общество напоминало о

том, что свойствами христианской милостыни должны быть неотложность помощи нуждающимся: *«не допускай ни малейшего промежутка между благим намерением и благотворением»*, *щедрость милостыни «ты никогда не будешь щедрее Бога»*, её *богоугодность, радость «оказывая благодеяние нужно радоваться, а не сетовать»* [3, с. 4].

В 1928 г. общество наибольшее внимание уделило материальной поддержке Лоховской богодельни-приюта для стариков, инвалидов и сирот; детскому приюту в Калише «Детский Садок»; русской начальной школе в Варшаве; устройству «разговен» для всех бедных города и окрестностей; помощи в больницах и тюрьмах, а также организации и сбору средств для голодающих Виленщины [3, с. 7-8].

Кроме этого общество выдавало обратившимся нуждающимся одежду, бельё, занималось поиском работы (преимущественно в качестве прислуги). Отдельным направлением работы общества, не поддающуюся учёту, являлось посещение больниц, тюрем для совершения богослужений, проведение различного рода бесед, консультаций. Приём посетителей и просителей у вице-председателя не ограничивался ни днями, ни часами. В 1929 г. общество создало при церкви Св. Марии Магдалины приходскую библиотеку религиозно-нравственных книг.

Годовой бюджет общества из года в год постепенно увеличивался.

В отношении членов общества наблюдалась иная тенденция: в 1925 г. числилось 159 действительных членов и 100 соребнователей; в 1926 г. – 70 и 46; в 1929 г. 75 и 108. В связи с этим Т. Теодорович констатировал, что попытки привлечь всё приходское духовенство митрополии к постоянному участию в обществе в качестве хотя бы соребнователей не увенчалось успехом [3, с. 9].

В 1929 г. общество организовало первое паломничество из Варшавы в Почаево-Успенскую Лавру. Это событие, подробно описанное в журнале «Воскресное чтение» и газете «За свободу», имело огромное значение в связи с предъявлением судебных исков о возврате храмов, являвшихся изначально католическими, в число которых попала и Лавра. Таким способом общество в определённой степени способствовало сохранению Лавры за Православной церковью. В 1930 г. при обществе был создан паломнический фонд для организации поездок городской молодёжи в Почаевскую Лавру.

В 1930 г. под покровительством общества был организован «Кружок милосердия» для посещения больниц Варшавы и оказания материальной и духовной помощи одиноких больных и погребения неимущих. Первоначально в его состав входило 12 человек, преимущественно женщин, регулярно посещавших больницы Варшавы [3, с. 10].

В 1929 г. были собраны средства для открытия приюта для 15 детей-сирот. Первая жертва в размере 500 злотых на это дело поступила от митрополита Дионисия. Трудности в поиске соответствующего помещения затягивали открытие приюта.

Правление общества призывало всю православную общественность *«без различия звания, положения и национальности напряжением материальных и духовных сил способствовать служению добру и меньшим братьям»* [3, с. 10].

Мировой экономический кризис 1929-1933 гг. вызвал резкое увеличение безработицы, значительное снижение уровня жизни всего населения и существенное усугубление всех существующих социальных проблем в Польском государстве. Православная церковь через собственную периодическую печать призвала всё православное духовенство и население проявить милосердие и повсеместно оказывать помощь нуждающимся [6, с. 696]. В православных храмах священники зачитывали послание митрополита Дионисия. Кроме того, синодальная типография выпустила специальное послание почётного члена Православного митрополитального благотворительного общества протоиерея Т. Теодоровича: *«обращаюсь и я к Вам, дорогие братие, с сим пастырском нападении о нашем христианском долге деятельного сострадания нашим ближним по вере и крови, несчастная доля которых горестно разделяется целыми семьями с их малолетними детьми страдающими от голода и холода»* [3, с. 1]. В это же время в польском обществе много средств расходовалось на

различные излишества, ограничения в которых могли бы спасти от голода и нужды многие семьи. Автор послания напоминал, что все кто живёт хотя бы в относительном благополучии, обязаны помочь нуждающимся пережить это катастрофическое время. Безработица затронула значительную часть общества и существенно усугубила различные социальные проблемы.

Т. Теодорович образно сравнивал общество, в котором живёт, с *«котлом, закипающим нуждой жизни»*. Автор призывал всех обратить внимание на существующие социальные проблемы: *«трезво и с христианским сердцем посмотреть на жизнь, не закрывая от себя её язв, гной которых и нас может отравить»* [3, с. 3]. Единственным способом их решить он считал деятельное милосердие.

Определённые начинания в этом направлении предпринимались отдельными добрыми людьми, например в выдаче завтраков для неимущих учащихся в школах и гимназиях. Однако этого не было достаточно, так как многие семьи буквально погибали от голода, особенно страдали маленькие дети. Т. Теодорович напоминал, что в благотворительности не существует одного универсального способа помощи, который удовлетворил бы всех нуждающихся. Автор в своём послании стремился к тому, чтобы каждый прочувствовать и осознать, что его помощь необходима ближним. Материальная помощь обязательно должна была сопровождаться личным милосердием: подающий милостыню не имел права осуждать того человека, кому оказывается помощь.

Каждая православная семья благодаря бережливости и организованности могла регулярно выделять средства для нуждающихся: *«некоторое ограничение сытости вашего стола будет восполняться сознанием, что кто-то другой не будет голоден...»*. Т. Теодорович призывал каждого завести у себя дома кружку для голодных, в которую бы поступали сэкономленные на различных статьях домашних расходов средства. Эти кружки являлись символом добрых намерений и средством воспитания христианских чувств [3, с. 1-2].

22 ноября 1931 г. был организован Временный церковно-общественный комитет при Православном митрополитальном благотворительном обществе для оказания помощи безработным и нуждающимся [7, с. 711]. В зимний период 1931-33 гг. православное духовенство сотрудничало с общественными комитетами помощи безработным. В городах и местечках помощь состояла в раздаче горячей пищи, отоплении квартир, а в селах – выдаче продуктов питания. Православное духовенство в храмах активно призывало население оказывать различную помощь безработным [5, л. 8].

Православная церковь не располагала значительными средствами для организации благотворительной деятельности. Тем не менее, православные благотворительные организации во главе с Православным митрополитальным благотворительным обществом оказывали существенную помощь незащищённым категориям населения.

Общество планировало расширить свою деятельность на территории всей православной митрополии в Польше, объединить православное духовенство и население для решения наиболее важных социальных проблем. Однако материальные трудности стали существенным препятствием к полной реализации всех планов. Тем не менее, общество стало главным духовным благотворительным центром, который постоянно через периодическую печать напоминал православному духовенству и населению о христианском милосердии.

Православные священники апеллировали не только к разуму, но и чувствам своих прихожан. Православная церковь акцентировала внимание православного духовенства и населения на наиболее сложных социальных проблемах и таким образом совместными усилиями способствовала их решению.

Литература.

1. Теодорович, Т. Пастырское обращение. Братіе – православные христіане / Т. Теодорович. – Warszawa: Drukarnia Synodalna, 1931. – 2 с.

2. Теодорович, Т. Слава Господу Иисусу, родившемуся ради нашего спасения. На четвертой годовщине Митрополитального Благотворительного Общества в Варшаве 1924 – 25 декабря – 1928 г. / Т. Теодорович. – Warszawa: Drukarnia Synodalna, 1928. – 4 с.
3. Теодорович, Т. На память о первом пятилетии православного митрополитального благотворительного общества в Варшаве (1924 – 25 декабря – 1929) / протопресв. Т. Теодорович. – Варшава: Синодальная типография, 1929. – 24 с.
4. Хроника. Создание митрополитального благотворительного общества // Воскресное чтение. – 1925. – № 8. – С. 122.
5. Государственный архив Брестской области. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 26а. Указы и распоряжения Полесской духовной консистории и переписка со священнослужителями о деятельности церковью Брестского повета за 1932-33 гг.
6. 10. Хроника // Воскресное чтение. – 1931. – № 48. – С. 696.
7. 11. Хроника // Воскресное чтение. – 1931. – № 49. – С. 711.

Ю.А. Яроцкая

аспирантка Белорусского Государственного Университета культуры и искусств

ОТНОШЕНИЕ ЯПОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

О Японии в Европе впервые узнали из рассказов путешественника Марко Поло (1254–1323?), описавшего в своей «Книге» сказочно богатый остров Зипангу. Однако сам он никогда не был в Японии, а первыми европейцами, вступившими на японскую землю, были португальские торговцы, которые высадились на остров Танэгасима в 1543 году [6, с. 218–219].

Первое письменное свидетельство о Японии появилось в ноябре 1549 года. Это было письмо Франциска Ксавье (1506–1552, основатель христианской миссии в Японии), написанное им в Кагосима 5 ноября 1549 года, и адресованное руководству ордена иезуитов в Португалию. «Народ этот, – пишет Ф. Ксавье в этом письме, – лучший из всех открытых нами до сих пор, и кажется мне, что среди неверующих нет ни одного народа, обладающего преимуществом перед японцами» [6, с. 220].

Ф. Ксавье успешно проповедовал на юго-западе Японии, посетив города Симоносэки, Ямагути и Киото. В 1551 году, ко времени его поездки в Китай, в Японии существовало уже более трех тысяч новообращенных [1, с. 71]. Незадолго до своего отбытия из Японии Ф. Ксавье писал: «В течение двух месяцев мы крестили 500 человек из Ямагути. Новообращенные оказались очень ревностными последователями, нам они оказывали различные почести. Они полагали, что со стороны Бога не хорошо, что он так поздно велел познакомить их с Евангелием и лишил своей милости всех их предков. Это воззрение служит наибольшим препятствием для распространения христианства» [3, с. 340].

В 1563 году в страну прибыл иезуит Луис Фройс (1532–1597). Он поддерживал дружеские отношения с императором Ода Нобунага (1533–1582, положил начало объединению страны) и прожил в Японии в течение 35 лет, скончавшись в католическом монастыре г. Нагасаки. В 1571 году в Японию прибыл руководитель азиатской иезуитской миссии Алесандро Валиньяно (1539–1605). А. Валиньяно стал основателем первой японской типографии и явился инициатором отправки миссии японских юношей в Ватикан [1, с. 72].

В XVI веке Япония переживала время политической и экономической раздробленности. Крупные феодальные кланы и их лидеры–самураи благожелательно относились к христианству, усматривая в новой вере альтернативу буддийскому влиянию. При крещении даймё (главы влиятельной самурайской семьи) христианство принимали и все его вассалы, поэтому число верующих увеличивалось очень быстро. В связи с этим миссионеры

проповедовали, в первую очередь, среди феодальной и служилой знати, выступая также и посредниками в торговых сделках.

Известно, что первыми феодалами–японцами, принявшими христианство были князья Отомо Сорин (в крещении Франциско), Омура Сумитада (в крещении Бартоломео) и Арима Харунобу (в крещении Протасио). Именно они при содействии А. Валиньяно в феврале 1582 года отправили посольство в Ватикан. Его членами стали четверо японских юношей: Ито Мантио, Тидзива Мигель, Накаура Джулиан и Хара Мантиньо. Через два года это посольство достигло Лиссабона, а в марте 1585 года, прибыло в Рим. Богатые дары японских даймё были преподнесены папе Григорию XIII и испанскому королю Филиппу II. Поскольку папа Григорий скончался через несколько дней после прибытия японского посольства, юноши присутствовали на торжественной церемонии в честь новоизбранного папы Сикста V [1, с. 72–73].

Правитель Ода Нобунага покровительствовал христианству, рассматривая эту религию и ее приверженцев в качестве альтернативной политической силы. Известно, что в 1571 году Ода Нобунага приказал предать огню буддийский монастырь Энрякудзи на горе Хизэй недалеко от Киото, а также повелел уничтожить всех его обитателей [6, с. 193]. Князь Франциско Бунго помог Нобунага разрушить около 300 буддийских храмов, поскольку влиятельные буддийские монастыри собирали тысячи паломников и часто выступали вдохновителями крестьянских восстаний [2, с. 75]. Именно они в первую очередь представляли угрозу планам Ода Нобунага по объединению страны.

Ода Нобунага дал миссионерам полное право распространять новую веру. По его распоряжению в 1568 году был построен небольшой буддийский храм в Киото под названием «Намбадзи» – «Храм южных варваров», в честь Ф. Ксавье [8, с. 29]. Этот храм стал местом почитания христианской религии.

Подобные действия Ода Нобунага вызвали яростный протест со стороны его противников. В 1582 году он был предан своим соратником Акэти Мицухидэ, который осадил замок Нобунага и сжег его дом [2, с. 9]. Преемником Нобунага стал Тоётоми Хидэёси (1537–1598), сын простолюдина, который сумел пробить себе дорогу к верховной власти.

По словам святителя Николая Японского (основатель Японской Православной церкви, 1836–1912) «Хидэёси также на первый раз казался покровительствующим христианству; между тем он зорко следил за пропагандистами и изучал их» [10, с. 133–134].

В первые годы своего правления Тоётоми Хидэёси был обеспокоен удержанием власти и подчинением разрозненных княжеств, а затем, несколько упрочив свое положение, решил заняться наведением религиозного порядка в государстве. Подчиняя своей власти феодальные княжества на юге страны (в т. наз. стране Сацума), Хидэёси встретился с многочисленными христианами, подчиняющимися не японской власти, а любому слову миссионеров–иезуитов. Кроме того, Хидэёси узнал, что город Нагасаки был превращен португальцами в рабовладельческий перевалочный пункт [1, с. 76–77].

В 1569 году впервые были арестованы трое португальских монахов-иезуитов и шесть испанских францисканцев. Правительство Хидэёси и его ближайшего помощника Токугава Иэясу потребовало от Католической Церкви выдачи им и некоторых христиан-японцев. 5 февраля 1597 года стало днем первого мученического подвига 4 монахов-францисканцев, 5 испанцев и 17 верующих японцев. Все они были распяты на кресте, а в 1862 году канонизированы Римом. Тогда еще японское правительство рассматривало преступлением не само вероисповедание, а факт противостояния государственной власти [1, с. 80].

В 1590 году вернулись посланцы из Рима. В их честь был устроен великолепный пир. Прибывшие из Европы японцы были одеты в богатые одежды, которые им подарил сам папа. Войдя в зал, Хидэёси направился к патеру А. Валиньяни, который сопровождал делегацию в Рим, и в знак особого уважения сел с ним рядом. Он внимательно слушал рассказ священника, но как только речь зашла о христианстве, тотчас закончил аудиенцию [3, с. 343].

Преемником Хидэёси стал Токугава Иэясу (1542–1616), который в 1600 году одержал победу в сражении при Сэкигахара со сторонниками малолетнего Тоётоми Хидэёри (1593–1616, сын Тоётоми Хидэёси). В 1603 году Иэясу перенес ставку в Эдо и стал основателем новой династии сёгунов.

Иэясу решил положить конец деятельности португальцев в Японии и ограничиться деловыми отношениями только с голландцами и англичанами. Как и Хидэёси в 1596 году, он объявил вне закона христианство и приказал миссионеров изгнать, церкви уничтожить, убеждая всех, что португальцы «надеются распространить их злую доктрину без разрешения, разрушить истинную религию, изменить политический порядок царства, и сделать его собственным» [11, с. 222].

Иэясу проявил талант умелого дипломата и администратора, подчинив себе даймё всех провинций. В 1614 году Иэясу издал указ, объявивший католицизм вне закона. Преемник Иэясу – Хидэтада, получивший бразды правления в 1616 году, подтвердил неизменность этого эдикта. В этом вопросе, как во многих других, Хидэтада старался исполнять отцовскую политику. Он проводил в жизнь запрет 1614 года с такой энергией, что к 1630 году большинство миссионеров было изгнано, большинство церквей было разрушено, а большое количество новообращенных отреклось от веры или было изгнано из их деревень [11, с. 223].

Страшным последствием такой политики стали повсеместные убийства верующих. 6 октября 1619 года 52 христианина из числа мирян-японцев были сожжены в Киото. 10 сентября 1622 года, в день «массового геенского мученичества» 55 христиан (21 священник и 34 мирянина) были убиты в Нагасаки (27 человек были обезглавлены, а остальных заживо сожгли) [1, с. 81]. В 1623 году власть перешла к третьему сёгуну Иэмицу, и преследование стало еще более жестким. В декабре 1623 года в Эдо были сожжены еще 50 христиан.

В 1624 году был запрещен выезд японцев за пределы родины, а все граждане, по каким-либо причинам покинувшие страну, не могли вернуться. Наконец, с 1639 года Япония отказалась принимать любых иностранцев, за исключением голландцев, объявивших себя не католиками.

Весной 1637 года в Японии свирепствовал голод. Крестьяне в отчаянии ждали Спасителя. На севере и на юге Арима 16 крестьян были взяты под стражу за молитвы, возносимые Иисусу. Все они были казнены, но их гибель вылилась в бунт. В декабре 1637 года крестьяне Симабара (23900 человек) и жители острова Амакуса (2900 человек) подняли восстание, известное как Симабарское восстание. Это было единственное из почти двухсот крестьянских выступлений того времени, объединившее японцев именем Христа [2, с. 82–83]. Масуда Дзинбэй, набожный христианин, объявил своего сына Сиро Токисада (настоящее имя – Масуда Токисада, христианское – Джеронимо) Спасителем, пришествия которого ждали христиане. Готовясь к встрече с карательной армией сёгуна Токугава, восставшие заняли замок Хара. Тридцатитысячная армия сёгуна, неся тяжелые потери, пыталась взять замок Хара штурмом. Восставшие хорошо защищались и Токугава пришлось выслать из Хирато голландское судно с приказом обстрелять замок [5, с. 121–122].

В апреле 1638 года все бунтовщики (всего почти тридцать тысяч человек) были схвачены и убиты сёгунскими войсками. Некоторых испытывали, предлагая растоптать священные для христиан предметы: иконы, распятия, церковную утварь. Отказавшиеся были распяты на крестах, расставленных вдоль японских дорог. Других бросали в кипяток горячих источников, олицетворяющих буддийский ад. Когда сёгуну это надоела эта забава, остальных пленных просто сбросили в море с высокой скалы [3, с. 346].

Известно, что святитель Николай Японский неодобрительно отзывался об этом восстании, но указывал на мученическую стойкость обманутых своими главарями людей и их любовь ко Христу [9, с. 16–17].

Вскоре после разгрома восстания была введена система обязательной ежегодной регистрации всех японцев в буддийских приходах («домашних храмах»), которая гарантировала непринадлежность членов этих приходов христианской церкви. Отречение

требовалось не только от данного лица и членов его семьи, но и от их потомков в третьем и четвертом колене, при этом отречение должно было повторяться ими раз за разом [7, с. 15].

Со времени Симабарского восстания на христианскую веру легло новое нареkanie, будто она учит противлению властям, и она запрещена под строжайшими угрозами: «Пока солнце восходит с Востока, христианский проповедник не явиться более в стране»; «... хоть бы сам Бог христианский пришел в Японию, – и ему голова долой» [10, с. 138]. В таких и подобных выражениях написаны были последние эдикты против христиан.

В 1639 году исповедание христианства в Японии окончательно запрещается. Япония изолирует себя от мира на два с лишним столетия. Тогда же возникла и Японская катакомбная церковь, открыто заявившая о своем существовании только в 1865 году (в ту пору численность ее составляла около двадцати тысяч человек). Катакомбники жили, главным образом, на западе Кюсю, в окрестностях Нагасаки и Симабара. После легализации они отказались от воссоединения с католиками и сохранили собственную иерархию, состоящую из мирян. Известно, что в годы гонений они поклонялись Богородице под видом Бодхисаттвы Каннон [7, с. 15].

Таким образом, главными причинами быстрого распространения христианства в Японии в XVI веке стало то, что Франциск Ксавье и первые миссионеры появились в стране, когда она была децентрализована, экономически истощена и политически дезорганизована. Поэтому местные даймё были свободны в своем выборе принять или отвергнуть христианскую религию, исходя из своих собственных желаний и выгод.

Литература.

1. Бесстремьянная, Г.Е. Христианство и Библия в Японии / Г.Е. Бесстремьянная. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2006. – 318 с.
2. Бесстремьянная, Г.Е. Японская православная Церковь. История и современность / Г. Е. Бесстремьянная. – М.: Свято-троицкая Сергиева Лавра, 2006. – 319 с.
3. История Японии: в 2 т / сост.: М.В. Грачев, А.Е. Жуков, Н.Ф. Лещенко и др. – М.: Институт востоковедения РАН. 1999. – Т 1: С древнейших времен до 1868 г. – 663 с.
4. Китагава, Дж. М. Религия в истории Японии / Дж. М. Китагава. – СПб.: Наука, 2005. – 586 с.
5. Курэ, М. Самураи. Иллюстрированная история / М. Курэ. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 191 с.
6. Мещеряков, А.Н. Книга японских обыкновений / А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 1999. – 399 с.
7. Николай-до: Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Выдержки из дневников. – СПб.: Библиополис, 2001. – 220 с.
8. Саблина, Э.Б. 150 лет православия в Японии / Э.Б. Саблина. – М.: АИРО-XXI Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2006. – 525 с.
9. Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание, дневники 1870–1911 гг. - СПб.: Библиополис, 2007. – 760с.
10. «Я здесь совершенно один русский...» / Публ. послесл. письма Ревельского епископа Николая (Касаткина) из Японии. – СПб.: Издательский дом “Коло”, 2002. – 270 с.
11. Totman, C. A history of Japan / C. Totman. – Oxford: Blackwell Publishing, 2005. – 684 p.

И.И.Терлюкевич

кандидат философских наук, доцент
доцент ГУО «Белорусский национальный технический университет»

Н.И.Мушинский

кандидат философских наук, доцент
доцент ГУО «Белорусский национальный технический университет»

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРОБЛЕМА БИОЭТИКИ И НЕОРЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Биоэтика – область междисциплинарных исследований гуманитарных и естественных наук, касающихся живых организмов, включённых в экосистемы, окружающие человека. Развитие *биоэтики* обусловлено прогрессом биомедицинской науки и внедрением новейших технологий в практику здравоохранения. Репродуктивные технологии (искусственное оплодотворение, суррогатное материнство), эвтаназия, трансплантология, эксперименты на животных и многие другие биотехнологии относят к философским, этическим и правовым проблемам. *Биоэтика* стала продолжением традиционной медицинской этики, которая в современных условиях глобального развития науки и техники должна интегрироваться с их инновационными достижениями. Традиционные ценности милосердия, благотворительности, ненанесения вреда пациенту и иные положения «Клятвы Гиппократ», которая была эталоном врачебного морального сознания на протяжении многих веков, получают новое значение и звучание в современной цивилизации. Именно это и определяет содержание *биоэтики*.

Сохранение жизни на земле, учёт долгосрочных последствий научно-технического прогресса, особенно в области биомедицинских технологий, – это основные этические принципы научного познания. Идеи *биоэтики* опираются на моральную и правовую ответственность человека за бережное отношение к живой природе. Комплекс морально-правовых проблем *биоэтики* охватывает биополитику, биотеологию и другие направления знаний. *Русская Православная Церковь* представила свою официальную позицию по вопросам *биоэтики* в основах социальной концепции, – документе, принятом на юбилейном Архиерейском соборе в 2000 году (глава XII).

Не вызывает сомнения, что причиной актуализации проблем *биоэтики* явился научно-технический переворот современности: в последнее время возникли и продолжают развиваться инновационные биомедицинские технологии, которые настоятельно требуют нравственно-религиозной и правовой оценки, заставляют по-новому взглянуть на соотношение жизни и смерти, на сохранение семьи как ячейки общества, на проблемы рождаемости и т.п.

В рамках неорелигиозной этико-философской мысли ещё в конце 19 века появились концепции, призванные переосмыслить «жизнь человека как дар Божий» в контексте технологического прорыва новейшего времени и порождённых им медико-социальных проблем. К такого рода дискурсам можно отнести проект «разумной Теократии, мистического рационализма» В.С.Соловьёва; среди особенно дискуссионных проектов может быть названа «Философия общего дела» Н.Ф.Фёдорова, представляющая собой футурологический проект с прицелом на многие тысячелетия.

Проблема *жизни и смерти*, по мысли Н.Ф.Фёдорова, отражает суть техногенных проблем современности в их биомедицинском выражении. При всех успехах науки и технологии человек биологически живёт и умирает, как и тысячелетия назад его первобытный предок. Индивида мучает страх смерти; чтобы забыться, восточные религии уводят его в мир иллюзий, а западные цивилизации ориентируют на погоню за материальными благами в повседневной жизни. В этой гонке прерывается связь поколений, все люди разобщены, бессмысленно расходуют природные ресурсы («сиротские», «небратские» отношения),

«промышленность, искусство, наука в её искусственных опытах и как знание для знания – все это должно быть отнесено к разряду игрушек, игр (т.е. к подражаниям природе), ... а не к делу» [1, с. 158]. Поэтому истинной целью человечества становится *«синтез двух разумов (теоретического и практического) и трех предметов знания и дела* (Бог, человек и природа, из которых человек является орудием божественного разума и сам становится разумом вселенной), *а вместе и синтез науки и искусства в религии, отождествляемой с Пасхой как великим праздником и великим делом»* [1, с. 473]. Это «дело», по мысли Фёдорова, должно состоять в воскрешении прошлых поколений (при этом он опирается на христианские догматы бессмертия души; если с помощью биомедицинских технологий удастся воспроизвести тела умерших людей, то душам останется вернуться в них, и они продолжат свою жизнедеятельность), и достижении физического бессмертия для ныне живущих. Движение в этом направлении уже идёт: растёт продолжительность жизни, улучшается медицинское обслуживание. По прошествии тысячелетий тенденция должна была бы достичь логического завершения. Только объединив все материальные ресурсы для решения этой великой сверхзадачи, люди смогли бы преодолеть свою разобщённость: *«Истинная религия одна, это культ предков и притом всемирный культ всех отцов как одного отца, неотделимых от Бога Триединого..., в Коем обожествлена неотделимость сынов и дочерей от отцов...; религия есть именно совокупная молитва всех живущих о всех умерших, являемая в слове и деле всеотеческом»* [1, с. 101-106]. Традиционные религии, особенно православие, уже давно осознали единую сверхзадачу, отразили её в своей проповеди; с началом научно-технического переворота, с точки зрения Фёдорова, появились реальные возможности её реализации. «В учении о Троице заключается... закон всемирной истории не в смысле знания, а в смысле указания пути... Наше слово есть знание об отцах-предках и о природе как средстве возвращения жизни» [1, с. 141]. Фёдоровская «Философия общего дела» объединяет религиозную духовность с знанием законов природы и находит всему этому прикладное деятельностное приложение (долг, труд, «тяговая» обязанность). При этом реализовать долг перед прошлыми поколениями можно только направив усилия на их воскрешение, а вовсе не рождая новые поколения, обеспечивающие социокультурную преемственность: «Все обязанности, налагаемые на нас учением о Триедином Боге, выражаются в одной заповеди... *о долге воскрешения*... Этот долг есть единственный, общий всем людям, как обща всем людям смерть... Таким образом, исполнение долга есть восприятие на себя труда, тягла воскрешения, а не рождение, дающее лишь подобие... ; Жизнь наша вовсе не наша, она отъемлема, отчуждаема, смертна; мы получили жизнь от своих отцов, кои в таком же долгу у своих родителей, и т.д.: рождение есть передача долга, а не уплата его. От родителей же... мы получили не только жизнь, но и средства к жизни, состоящие в... способах работы » [1, с. 162]. Именно прогресс науки и техники создаёт предпосылки для преодоления чувства вины и полной реализации *жизни* как божественного дара: «Сознание, что рождение наше стоит жизни отцам, что мы вытесняем их, есть сознание нашей виновности. У нас... сын есть *Слово Божие*, а не бессознательно рожденное существо... Сознывая, что и в нас есть также *логос – разум, наука*, который как бы искупляет естественные последствия рождения, восстанавливая вытесненное им, мы создаем..., что... нужно, чтобы генеологическое древо человечества было не деревом только знания, но и деревом жизни» [1, с. 142-143]. Через понятие «жизни» учение Фёдорова имеет непосредственный выход в область современной *биоэтики*. *«Выражение надежд на собственное наше оживление и на соединение в общем деле, т.е. в общем тягле... Область естествознания, понимаемого не в смысле случайных приложений к... промышленности, но прилагаемого во всей совокупности..., есть область в которой должно произойти соединение всех народов в общем деле»* [1, с. 309]. Философская концепция Фёдорова объединяет реальные отношения «отцов и детей» с футуристическим проектом обновления общественной системы: «Все сыны..., суть один сын, если нет между ними разделов, ... если обязанность поддержания родителей при жизни превратится по смерти их в искреннее стремление к восстановлению жизни родителей» [1, с. 136]. Имеются и технологические

следствия, реализованные в XX веке, в частности, – полёты человека в космос. Если удастся достичь физического бессмертия и всеобщего воскрешения, то освоение межпланетного пространства станет настоящей необходимостью (т.н. «будущее астрономии»). Земля не сможет вместить возросшую численность народонаселения, именно поэтому ученик Фёдорова К.Э. Циолковский разрабатывал теорию ракетного двигателя: «День желанный, от века чаемый... тогда только наступит, когда земля, тьмы поколений поглотившая, небесною сыновнею любовью и знанием движима и управляемая, станет возвращать ею поглощенных и населять ими небесные... звездные миры... Знанием вещества и его сил восстановленные прошедшие поколения, способные уже воссоздать свое тело из элементарных стихий, населят миры... Не будет ничего дальнего, когда в совокупности миров мы увидим совокупность всех прошедших поколений. *Все будет родное, а не чужое*» [1, с. 528]. Концепция Фёдорова имеет ярко выраженное нравственно-созидательное начало, именно поэтому она получает название «супраморализм» или всеобщий синтез. «Супраморализм – это долг к отцам-предкам, воскрешение, как самая высшая и безусловно всеобщая нравственность... Супраморализм – это не высшая только христианская нравственность, а само христианство, в коем вся догматика стала этикою..., неотделимою от знания и искусства» [1, с. 473]. Догматика православия через «Философию общего дела» находит непосредственные точки соприкосновения с *биоэтикой* современности.

Если говорить об официальной позиции католицизма, то он подчёркивает роль церковной организации в решении названных вопросов. «Резюмируем эти позиции: мы полагаем, что Церковь... являет собою уже царство Бога в порядке, называемом *духовным*... Церковь священна, мир – не священен; но мир спасён в надежде, и кровь Христа, животительный принцип Искупления, здесь уже оказывает своё воздействие; ... христианин должен трудиться во имя... реализации евангельских требований и практической христианской мудрости...» [2, с. 134]. Особое значение придаётся Римскому понтифику как высшему авторитету во всех духовных начинаниях: «Папа – Вікары Рымскага Касцёла, а праз яго – усіх касцёлаў, якія маюць з ім супольнасць – супольнасць веры і супольнасць інтуіцыйную, кананічную» [3, с. 27]. Католическая схоластика и современная философия неотолизма выводят роль Папского престола за пределы узкоконфессиональных дискуссий, стремятся сформулировать авторитетные христианские мнения для всего человечества: «Хрыстус, Адкупіцель свету і чалавека – Жаніх Касцёла і ўсіх у Касцёле... Асаблівае заданне Папы – вызнаваць гэтую праўду, а таксама пэўным чынам нагадаць аб ёй Касцёлу ў Рыме і ўсяму Касцёлу, чалавецтву і свету» [3, с. 106]. В этом выражается широкое понимание экуменического движения, связанное с этико-философским понятием «диалога», в том числе в его биомедицинском приложении: «Менавіта таму, што *Касцёл* – каталіцкі, ён адкрыты для дыялогу з усімі іншымі хрысціянамі, вызнаўцамі нехрысціянскіх рэлігій, а таксама з людзьмі добрай волі... Ён хоча ўсім указваць шляхі вечнага збаўлення, г.зн. асновы жыцця ў Духу і ў Праўдзе... Гэта *стыль экуменічны*, вялікая адкрытасць дыялогу... *Бо праўда не прызнае ніякіх межаў*» [3, с. 118]. В сфере *биоэтики* католицизм отстаивает приоритет человеческой личности перед неодушевлёнными вещами. Речь должна вестись «пра развіццё асобаў, а не толькі пра памнажэнне рэчаў, якімі асобы могуць карыстацца» [4, с. 29]. В настоящее время биомедицинские технологии зачастую ввергают потребителя в область греха и безнравственности, но даже не осознают этого, логически подменяют понятия: «Основы семьи поколеблены... Нашу христианскую совесть не может не заботить и то, что грехи, творимые против любви и жизни, нередко преподносятся как торжество прогресса и свободы» [5, с. 123]. Научно-технический прогресс не должен оставаться бездуховным, он требует адекватного осмысления и выработки эффективных способов религиозно-нравственной регуляции. В результате «развіццё тэхнікі і пазначанае панаваннем тэхнікі развіццё сучаснай цывілізацыі патрабуе прапарцыянальнага развіцця маралі» [4, с. 29].

Основополагающая для *биоэтики* категория «жизни» становится предметом этико-философского исследования. Католицизм борется за мир, он непосредственно указывает: «Жизнь человеческая исходит от Бога; это Его дар, Его образ и печать, частица его дыхания

жизни. Следовательно, Бог есть единственный Господь этой жизни... Ибо истинный мир – всегда дар Божий... Мир – основное благо, включающее в себя... преобразование главных человеческих ценностей: право на жизнь...; право на уважение независимо от расы, пола и религиозных убеждений; право на материальные блага, необходимые в жизни; право на труд и справедливое распределение» [5, с. 176-177]. В эпоху техногенных потрясений спасение человечества заключается в «першыньстве этыкі перад тэхнікай, (...) першыньстве асобы ў адносінах да рэчы, (...) першыньстве духа перад матэрыяй» [4, с. 29]. Достижение этого, наполнение *биоэтики* живым творческим смыслом связано с возрождением религиозной веры. При этом католицизм особо акцентирует роль церковной структуры: «Вера требует единства, призывает единоверца – она по сути своей связана с Церковью. Церковь не вторичная организация» [6, с. 78]. Церковь не есть только социальный институт, – то скорее возвышенный нравственный символ, олицетворяющий принцип всеобщего единения, мирного сосуществования в обществе, преображённом прогрессом науки и технологии. «Ясно одно: Церковь не следует понимать, исходя из внешней организации... В нашем раздробленном мире она должна быть знаком и способом единства, преодолевающим границы наций, рас, классов» [6, с. 284]. В этом смысле «воцерковление» становится основой *биоэтики*. Значение религиозной веры особым образом подчёркивает теология *неопротестантизма*, придающая ей глубоко личный творческий аспект: «Если вера понимается как... предельный интерес – то ни современная наука, ни какая-либо философия не способны разрушить её» [7, с. 215].

Голос совести учёного на основе его личностных убеждений, индивидуальной религиозной веры, призван защитить человечество от опасных неуправляемых разработок в сфере биотехнологий. Христианское вероучение, выраженное представителями различных конфессий, органично входит в современную духовную культуру, наполняет *биоэтику* живым творческим содержанием.

Литература.

1. Фёдоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1982 .
 2. Маритен Ж. Философ в мире. – М., 1994.
 3. Ян Павел II Пераступіць парог надзеі. – Рым; Люблін; Мінск, 1997.
 4. Redemptor hominis. Энциклика Яна Паўла II ад 4.03.1979 г., п.16 // Грахалеўскі, З., кард. Філасофія права ў вучэнні Яна Паўла II. – Мн., 2006.
 5. Иоанн Павел II. Идите с миром. Дар бессмертной любви. – М., 2004.
 6. Ратцингер Йозеф. Введение в христианство. – М., 2006.
 7. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. – М., 1995.
-

Раздел II. Жизнь до рождения: медико-социальные проблемы

Дорота Корнас-Беля

доктор наук, профессор

профессор Института педагогики

Люблинского Католического Университета имени Иоанна Павла II

ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Эта тема подсказывает нам, что речь идет о жизни человека от его зачатия до рождения в аспекте проблем, которые возникают в этот период. Но я бы не хотела, чтобы мы останавливались только на проблемах, то есть трудностях, поскольку в таком случае весь этот прекрасный и важный период развития человека и связь с ним родителей [см. 2] воспринимается только в негативном плане, а сам ребенок до родов – тем, кто доставляет родителям хлопоты, хотя он еще и не родился.

Давайте подойдем к этому более положительно. У ребенка нет проблем. Он начал свою собственную жизнь и интенсивно развивается от момента зачатия. У него больше никогда не будет так динамического развития как сейчас, до рождения, и чем раньше, тем более минуты идут за месяцы, а часы – за годы. Это стремительное развитие нового организма, освобождение генетически запрограммированных целенаправленных изменений, которые были закодированы в таких миниатюрных структурах, как сперматозоид и яйцеклетка, невидимых для невооруженного глаза, являются чудом природы. От зачатия человек развивается как физически-психически-общественно-духовное существо, поскольку он является человеческим существом на пути развития. Он маленький, но комплектный. Он маленький – и мы были такими же. Каждый из нас был таким же маленьким. И развивался по тем же законам.

Развитие ребенка до рождения

Развитие человека в дородовой период в настоящее время становится предметом заинтересованности не только биологов, эмбриологов, врачей, но также психологов и на эту тему возникла уже богатая тематическая библиография см. [9, 13, 21, 26, 33].

Уже на 13 день образуются зачатки нервной системы, а на 19 день возникает нервная трубка из первичных нервных клеток (нейронов) и они образуют зачатки глаз. В первые 30 дней возникают первые клетки центральной нервной системы и три первичных мозговых пузыря. Уже четко определяется область головы и мозга. С 21 дня работает сердце, которое ритмически перекачивает кровь. Одновременно образуется замкнутая система кровеносных сосудов. Начинают образоваться клетки крови. На третьей неделе возникают зачатки 33 позвонков. На той же 4 неделе появляется ротовое отверстие, уже можно различить хрусталик глаза.

Также на четвертой неделе появляются зачатки почек, печени, поджелудочной железы, желчного пузыря, желудка, трахеи, легких, конечностей, глаз, ушей и носа. Уже образовались зачатки 40 пар мышц, расположенных вдоль оси тела. В конце первого месяца внешний вид ребенка имеет форму полусантиметровой “палочки” с четко определенной областью головы и мозга.

Второй месяц является периодом очень важных изменений в физическом развитии ребенка. Мы называем его периодом интенсивного органогенеза. С этого времени и до рождения вес его тела увеличится в 800 раз, а длина возрастет в 50 раз. На втором месяце образуются конечности и все органы тела ребенка, внутренние и наружные половые органы, мышечная и хрящевая ткани. Появляются зачатки зубов, а в зачатке глаза возникает пигмент, который можно увидеть сквозь прозрачную кожу ребенка. Нервные клетки сетчатки глаза соединяются нервными волокнами с мозгом, где возникнет зрительный центр. Завершается

развитие хрусталика. Образуются полукружные каналы уха, которые являются основанием для органа равновесия. Ушная раковина приобретает индивидуальную форму, унаследованную от родителей. В ротовой полости образуются вкусовые сосочки. Происходит интенсивное развитие мозговых пузырей и развитие желез внутренней секреции, таких как зубная железа, щитовидная железа, надпочечники. На 41 день наблюдаются первые нервные рефлексы, а на 6 неделе – 2 первых спонтанных движения ребенка, хотя в течение еще 10 последующих недель мама не будет их чувствовать. С этого времени, с середины второго месяца, жизнь для ребенка равнозначна движению. На 43 день отмечаются первые признаки мозговых волн. В конце второго месяца ребенок имеет рост 3 см, что означает, что с момента зачатия он увеличился в 40 тысяч раз. Его вес в это время составляет 1 г, что свидетельствует о 50-кратном увеличении массы тела по сравнению с первым месяцем жизни. Своим внешним видом ребенок напоминает миниатюрного человека определенного пола, все основные внутренние органы которого уже сформированы и занимают соответствующее место, некоторые из них выполняют соответствующие функции, например, сердце обнаруживает типичные фазы деятельности и бьется с частотой 40-80 ударов в минуту, мозг высылает нервные импульсы, координируя работу внутренних органов, печень и селезенка создают кроветворные клетки, появляется обмен углеводов, желудок выделяет желудочный сок, а почки улавливают мочевую кислоту, которая накапливается в крови ребенка в качестве продукта обмена веществ. До конца второго месяца жизни ребенок в медицинской терминологии называется зародышем или эмбрионом, но следует помнить, что он уже имеет все функционирующие органы, имеет человеческое лицо, движется, а на ручонках можно увидеть очертания папиллярных линий, которые мы называем линиями “ума”, “сердца” и “жизни”, а его кожа лица чувствительна к прикосновению.

Третий месяц это начало плодного периода. Ребенок становится все активнее, в его внешнем виде и поведении появляются определенные индивидуальные черты. На 3-ем месяце выпрямляется спина, лицо ребенка приобретает детские пропорции, образуется радужная оболочка и веки, кожа становится более толстой и на ней вырастает плодный пушок, так называемое лануго. На ладонях и стопах появляются зачатки ногтей. Ребра и позвонки интенсивно окостеневают. Возникают и завершают свое формирование такие структуры как голосовые связки, а другие органы совершенствуются, например, кишки покрываются слизистой оболочкой, или же начинают выполнять свои функции, например, почки производят мочу, поджелудочная железа начинает выделять инсулин в кровь, гипофиз и кора надпочечников выделяют свойственные им гормоны. Все органы совершенствуются, поскольку нет структуры без функции. Каждый возникший орган начинает работать и благодаря этому совершенствуется. Основные части мозга уже сформированы и возникает огромное количество связей между нервными клетками, например, на 10 неделе возникает в 3 раза больше нервно-мышечных соединений, чем на 9 неделе. Уже в столь раннем периоде дородовой жизни, физиологический ритм работы мозга обладает человеческой, и в то же время индивидуальной структурой, которая отличается от ритма мозга других детей в том же возрасте. Мозговые волны этого периода являются нерегулярными и медленными, они образуются в стволе мозга, а не в его коре, но изо дня в день активность мозга растет. Ребенок тренирует свои движения, балансируя в матке. Особый прогресс можно наблюдать в сфере развития чувств. Увеличивается поверхность тела, чувствительная к прикосновению – она распространяется вниз и по бокам. На 12 неделе появляются первые попытки подтягивания нижней губы и дыхательных движений грудной клетки. Ребенок начинает набирать и вытеснять околоплодные воды и чувствовать их вкус. В течение всего дородового процесса благодаря движению ребенок тренирует свои мышцы рук и ног, а также глаз, губ, языка. Таким образом, он уже за 6 месяцев готовится к дыханию, приему пищи и вскрикиванию, благодаря чему он сможет самостоятельно существовать вне организма матери.

На третьем месяце особенно интенсивно развивается двигательная активность ребенка. На ультразвуковом изображении можно наблюдать полную гамму движений: ребенок поднимается и опускается, плавает, переворачивается, подпрыгивает, подтягивает и выпрямляет руки и ноги, а также двигает пальцами, вращает стопой, суставами, головой, качает бедрами, открывает и закрывает рот, двигает глазными яблоками, сдвигает брови, делает гримасы при помощи мышц лица, противопоставляет большой палец остальным, что является важным этапом в развитии хватательного навыка.

Постепенно движения становятся более быстрыми, целенаправленными, плавными, их ход более организован, а репертуар увеличивается. Видеозаписи поведения 3-месячного ребенка показывают, как он “танцует” в матке, будучи соединенным с ней пуповиной, которая через кровь снабжает его питанием, кислородом, всем, необходимым для жизни. Ребенок выглядит как космонавт, исследующий космическое пространство. Может ли кто-то в здравом уме принять решение, что с учетом неспособности космонавта к самостоятельной жизни и слишком высокой стоимости обеспечения его возвращения на землю, следует прервать с ним связь, а следовательно – приговорить его к смерти? Как же часто такие решения принимаются по отношению к ребенку, а прерывание связи называется абортom.

Следующие месяцы дородовой жизни ребенка являются временем интенсивного роста, набора веса, усовершенствования структуры и функционирования всех систем, в том числе нервной системы, внутренних органов и органов чувств (в том числе чувства боли), появления признаков психической жизни. Уже на 4 месяце в мозгу образуется двигательная и чувствительная “карты” тела. На 15 неделе появляются хватательные движения. Постоянно возникают новые связи между нервными клетками. После введения стимуляторов или успокоительных средств изменяется картина мозговых волн и поведение ребенка. Он начинает воспринимать вкус околоплодных вод и воспринимает 4 вкуса. Между 14-й и 15-й неделями вся поверхность тела становится чувствительна к прикосновению. Рецепторы, которые расположены в коже, воспринимают стимулы, связанные с изменением давления околоплодных вод – ребенок чувствует давление на живот. Качаемый движением и дыханием матери ребенок тренирует чувство равновесия. В задней части носика функционируют чувствительные клетки, приспособленные реагировать на химические частицы, связанные с запахом – развивается чувство обоняния.

На пятом месяце двигательная активность ребенка становится регулярной и циклично изменяется. Способ движения ребенка начинает обладать индивидуальными чертами, которые определяются унаследованным темпераментом и способом жизни матери, ее активностью и самочувствием. Мать уже может понять, что ее ребенок спит, у него икота, он толкается, обращается или потягивается. Она также может стимулировать его движения, потирая или постукивая по животу. С этого месяца ребенок начинает отчетливо реагировать на различные формы общения с ним. Развиваются чувства, например, интенсивность движений заглатывания околоплодных вод зависит не только от ощущения голода, но и от их вкуса и самочувствия ребенка. Чем околоплодные воды слаще, тем ребенок медленнее их глотает, тщательно пробуя их на вкус, а его сердце бьется быстрее. Ребенок реагирует также на внезапную вибрацию (например, стиральной машины) и сильные звуки (например, пылесос), на неожиданное изменение температуры и освещения внутренней части матки ускорением работы сердца, изменением положения тела и увеличением двигательной активности, пробуждением от сна, двигательным беспокойством.

На шестом месяце ребенок жадно собирает необходимые для роста и жизни вне лона матери вещества: кальций, железо, белок, иммунные тела. У него растут волосы и ногти. Созревают внутренние органы. Интенсивно окостеневает скелет. Уплотняется сеть нервных связей в мозгу (так, на 24-й неделе между 70 тысячами клеток мозговой ткани величиной с булавочную головку существует 124 миллиона связей). Также увеличивается скорость распространения нервных импульсов. Появляются определенные безусловные рефлексы. Ребенок интенсивно тренирует сосательные движения губ. На рубеже 5 и 6 месяцев появляются два состояния активности: бодрствование и сон. Во время сна появляется фаза

REM со специфической системой мозговых волн, характерная для сновидений, во время которой в мозгу ребенка происходит интенсивное упорядочивание и интеграция раздражителей, которые поступили от органов осязания и мышц, были материалом его опыта или простых ощущений. Активность ребенка синхронизована с циклом активности матери – движения тела матери успокаивают движения ребенка, а приостановление движений матери стимулирует движения ребенка. Ребенок перенимает от матери биологический ритм дня и ночи, а также закономерности процесса активности и отдыха. Все более отчетливой становится двигательная реакция на интенсивный поток света возле тела матери (отворачивание от источника света, ускорение сердцебиения, усиление движения). Также появляется пугливая реакция на громкие звуки. Рецепторы чувства равновесия уже зрелые, поэтому развитие ребенка стимулируют поглаживания тела матери, спокойный ритмический танец.

Последние три месяца жизни ребенка до рождения являются периодом созревания внутренних органов и приготовления к самостоятельной жизни вне организма матери. Интенсивно развивается нервная система, анатомо-физиологическая основа нашей психической жизни. На 7 месяце можно уже различить 6 слоев мозговой коры, врожденные рефлексy. Особенно важным для ориентации в мире для ребенка является слух – он слышит звуки работы внутренних органов матери (диафрагмы, кишок, а особенно удары сердца), голос матери, звуки окружающей среды, в том числе разговоры людей (например, голос отца), пение и музыку. Наблюдаются индивидуальные отличия в скорости реагирования на звуки и обучении распознавания звуков и привыкания к ним – габитуации [см. 1, 3, 24].

Эмпирические исследования подтверждают, что ребенок уже в процессе дородового развития переживает простые эмоции. Они вызваны состоянием среды внутри матери. Вместе с потоком крови ребенок получает от матери кислород, питание и гормоны, являющиеся физическим эквивалентом ее эмоций. Если ребенок получает гормоны, которые выделяются в состоянии агрессии, ярости, отчаяния, страха, напряжения, или же гормоны, характерные для состояния радости, отдыха и тишины, то метаболизм его организма изменяется под влиянием этих эмоций. Соответственно, ребенок бессознательно принимает участие в переживаниях матери и сопереживает ей своим особым способом, а также обучается определенному стилю переживания эмоций и эмоциональных реакций.

В третьем триместре существует физиологическое основание для развития личности ребенка. Она постепенно образуется вместе с генетически запрограммированным развитием нервной системы и условиями жизни в лоне матери. Уже тогда можно различить половые отличия, поскольку происходит мозговая маскулинизация и феминизация, а также формируются индивидуальные черты темперамента, подвижности, скорости и силы реагирования на раздражители, обучения и привыкания к раздражителю.

Значение условий дородового развития

В период дородового развития ребенка появляется явление обучения и запоминания чувственного восприятия. Память дородовых впечатлений остается на всю жизнь и проявляется в индивидуальных навыках, в том, что мы любим, что помогает нам расслабиться и успокоиться. Новорожденный ребенок использует эту память для ориентации в новой среде – запах и вкус матери, ее голос, ритм сердцебиения и дыхания, осязание, объятия и телесная близость, ритмическое покачивание, всматривание в лицо, голос матери – помогают чувствовать себя безопасным. Поэтому также важно, чтобы непосредственно после рождения обеспечить ребенку постоянный (беспрерывный) контакт с матерью («кожа к коже», «глаз в глаз») – лучше всего это обеспечивает грудное вскармливание. Это наилучшая экологическая форма питания новорожденных, ее ни в коем случае не может заменить молочная смесь, поскольку молоко матери является живой тканью – «белой кровью», которую организм матери приспособляет к потребностям ребенка в зависимости от его возраста, поры дня. Поэтому согласно рекомендациям ВОЗ грудное вскармливание должно быть единственным способом питания ребенка до конца 6 месяца жизни.

Ребенок не только запоминает родовые чувственные впечатления, но также обучается эмоциональному реагированию. Если мать в течение беременности часто переживает определенные психические состояния (например, печали или радости, беспокойства или успокоения), то они формируют определенную “эмоциональную ориентацию” ребенка до родов. Его нейрогормональная система привыкает к такому функционированию, которое ему сигнализирует организм матери. Нейрогормональная система, “настроенная” в родовой период обладает тенденцией к образованию определенной системы гормонов, которые создают биологическую основу переживаемого самочувствия. Таким образом, эмоции, которые организм “запомнил”, обладают признаками относительной стабильности и могут иметь решающее значение для начала жизни вне лона матери со страхом, агрессией или радостью.

До рождения проявляется также явление родового программирования (биологической, физической памяти), то есть направление послеродового развития и здоровья под влиянием факторов, действующих до рождения. Такими факторами могут быть так называемые:

1) парагенетические факторы (напр. возраст, вес, сопротивляемость организма, жизнестойкость матери);

2) факторы, связанные с физиологией организма матери (ее обменом веществ) по причине ее болезней, долгосрочного стресса, качественного и количественного недоедания, полноты, употребления алкоголя, сигарет, наркотиков, лекарств без предписаний врача (особенно успокоительных, снотворных, болеутоляющих) [см. 21, 27, 31, 37],

3) факторы рождения, напр. вес, возраст плода, условия родов (напр. применение медикаментов при родах); эти факторы вызывают порою очень delicate изменения обмена веществ, функций автономной нервной и гормональной системы. Результатом может быть повышенная чувствительность к заболеваниям, например во взрослом возрасте (диабет, повышенное давление, заболевания сердца, аллергии).

Подводя итоги, можно констатировать, что свидетельства родовой памяти можно отметить после рождения в сфере всех чувств, в сфере тела, циклической активности и доминирующих эмоций. Тогда человек приобретает первичные тенденции, склонности, предпочтения. Кроме того, ребенок как участник переживаний матери находится в лоне матери как в первой экологической нише, которая может быть для него дружественным домом или же опасным местом. В этом первом месте проживания на земле ребенок проходит своеобразную “школу жизни”, которая может быть для него “школой любви” или же “школой выживания”, “концлагерем”, где он переживает стресс, недоедает, опасается смерти. Если родовая среда, то есть эта первая экологическая ниша, в которой человек проводит самый динамический период своего развития, является недружественной для ребенка (отсутствие одобрения, любви, беспокойство, агрессия), то ребенок учится тому, что мир враждебен к нему и его следует бояться, защищаться от него или атаковать. Это подсознательные тенденции, которые в результате могут привести к трудностям в школе, расстройствам личности, неврозам, психозам, сексуальным и социальным патологиям. Поэтому для профилактики следует заботиться о хорошей атмосфере среды в лоне матери (о позитивных впечатлениях матери и ее здоровом образе жизни), чтобы избежать долгосрочных последствий негативных переживаний.

Родовой период развития является жизненной историей каждого из нас, это элемент нашей биографии, который мы носим в себе. Это период образования фундамента не только физической, но и психической, социальной и духовной жизни. Тогда же создаются личностные предрасположения, склонности темперамента и характера, о чем свидетельствует разница в поведении новорожденных. Родившийся ребенок это не *tabula rasa*, он рождается с родовым опытом, готовый к встрече с другим человеком, к общению с ним и эмоциональной связи.

Аспекты дородового развития ребенка, связанные со здоровьем

Развитие человека руководствуется принципом, что чем более ранним является его этап, тем интенсивнее темп изменений, а тем самым возрастает восприимчивость ребенка к негативным факторам, которые могут повредить формирование того, что с такой точностью было ему передано по наследственности. Поэтому в этот период родители должны придерживаться определенных принципов:

- **Забота о здоровье ребенка и матери** путем правильного питания; отказ от употребления лекарств без контроля врача, абсолютный отказ от тонизирующих пищевых продуктов и одурманивающих средств; забота о личной гигиене, общение с врачом и исполнение его предписаний. Особенно важно избегать наркотиков, алкоголя и курения сигарет (запрет курения также распространяется на окружение матери), поскольку дети под влиянием этого яда, чаще рождаются мертвыми, недоношенными или вовремя, но с меньшим весом, у них множественные проблемы со здоровьем, больше врожденных пороков, они отстают в физическом и психическом развитии (такие дети чаще являются умственно отсталыми или им трудно учиться) [см. 21, 31].

- **Изменения в способе жизни и планировании обычного дня** – освобождение времени для более длительного сна, отдых в течение дня и движение на свежем воздухе; замедление темпа труда и движения (жизнь по внутренним часам), ограничение поездок и определенных прежних профессиональных обязанностей и планов на жизнь; избегание ношения тяжестей и нажатий на живот; приготовление вещей и жилища соответственно потребностям ребенка; чтение литературы и разговоры с опытными лицами, чтобы легче понимать ребенка до родов и удовлетворить его потребности и подготовиться к родам и грудному вскармливанию.

- **Подготовка к родам** путем выполнения гимнастических, дыхательных, расслабляющих упражнений и участие в курсах подготовки к родам: приготовление к природному вскармливанию путем чтения соответствующей литературы, подход к этому стилю как единственному подходящему для «человеческого ребенка» (коровье молоко подходит только телятам), применение гигиены груди, подготовка сосков, приобретение трав для усиления лактации.

- **Обеспечение хорошего самочувствия матери** путем: устранения беспокойных мыслей; применение разрядки; избегания ситуаций и людей, которые выбивают из равновесия и ухудшают настроение; окружение себя людьми, которые отличаются внутренним спокойствием и жизненным оптимизмом; позиция терпеливости и снисходительности по отношению к себе; восприятие мира глазами ребенка, использование юмора и улыбки; позитивное мышление о себе и ребенке, а также чувство гордости за происходящее чудо жизни, забота об элегантности и эстетике наружного вида и способе передвижения, использование причитающихся привилегий и поиск поддержки в других.

- **Усиление супружеской связи**, чтобы ребенок мог развиваться в семье, являющейся домом любви, путем: совместных разговоров, деление радостями и печалью, беспокойствами и планами на будущее; общее времяпровождение и раздел обязанностей и ответственности за ребенка; забота о милой атмосфере путем взаимных проявлений нежности, заинтересованности и восхищения, мелкие жесты сердечности, а также разные формы физической близости.

- **Общение с ребенком** путем понимания того, что сигнализируют его движения; разговоры с ребенком (вслух и в мыслях); образное мышление и визуализация; позитивное мышление о ребенке; пение для ребенка; игра на музыкальных инструментах для него или совместное прослушивание музыки; объятия путем нежных прикосновений, массажа и объятий живота; колебание ребенка дыханием и движением; написание ему писем; написание дневника или ведение журнала дородового развития ребенка; преподношение ребенку различных „подарков” (например, вышить чепчик, сделать колыбельку); подготовка детского уголка (“свить гнездо”); благословление ребенка, молитва за него, включение его в разные формы жизни Церкви и контакты с Богом. Дородовое общение является полезным не только для ребенка и родителей, но и для других детей в семье [см. 9, 15, 21].

- Следует добавить, что *слишком поздно заботиться о надлежащем развитии ребенка после его зачатия*, поскольку само зачатие, а затем дородовое развитие зависят от того, насколько лоно матери является правильным с точки зрения строения и функционирования и насколько атмосфера в семье содействует появлению ребенка. Недостаточно подготовиться к зачатию с медицинской точки зрения, необходимо также открыть свое сердце и укрепить взаимное общение и единство в семье. После зачатия мы будем иметь дело не только с беременностью женщины, то есть с ее особым физическим состоянием, но и с новым членом семьи, который не является беременностью мамы, а ребенком матери и отца и нуждается в их совместной любви, чтобы развиваться в своей дородовой среде жизни.

К сожалению, угрозы относительно первой среды жизни человека, которой является лоно матери, его первого жилища на земле, являются огромными. Они имеют как физическую, так и психическую природу. Они являются результатом, кроме всего прочего, использования контрацептивов, средств для раннего аборта, абортотетов, которые физически повреждают эту среду жизни. Они сопровождаются настроенной против жизни ментальностью, которая блокирует развитие родительского отношения у молодых людей, тем самым создавая ситуацию, угрожающую жизни ребенка [см. 7, 9, 23]. Также искусственные методы оплодотворения (IVF) несут в себе множество угроз для физического и психического развития ребенка. Экология первой среды жизни человека и продолжения рода становится вызовом XXI века [см. 60, 34, 35].

Социальные аспекты дородового периода жизни человека

Знания на тему дородового развития настолько стремительно развиваются, что необходимым является изменение способа мышления о ребенке до рождения. Возникли новые отрасли науки, такие как дородовая психология [см. 5, 8, 10, 11, 17, 18, 20, 28, 30], дородовая педагогика [см. 16, 21, 25, 28, 29], новые концепции дородовой и родовой заботы и дородового воспитания [см. 21].

Нельзя воспринимать ребенка до родов как “беременность матери”, которую “принимают” только после рождения, а с самого начала следует воспринимать его как члена семьи (а врачам – как пациента), младшего ребенка в семье, с которым вы вступаете в диалог, общаетесь, разговариваете, поете, которого касаетесь и благословите. Если женщина беременна, то это не значит, что “у нее будет ребенок”, но у нее уже есть ребенок определенного пола с генетически обусловленными чертами. Родители не являются “будущими родителями”, или “родителями, которые ожидают ребенка”, или “ожидающими ребенка”, как обычно говорят, но от зачатия являются родителями дородового ребенка, который уже является членом семьи, у него есть дедушки и бабушки, родственники, а иногда также братья и сестры и он нуждается в их внимании, теплоте, одобрении для своего нормального развития. Для старших братьев и сестер контакт с ним и подготовка к его рождению являются важным заданием взросления [см. 21, 36, 38].

Мы уже не можем рассматривать дородового ребенка как совокупность развивающихся клеток, тканей и органов, но как на человеческое существо в развитии, которое задолго до рождения становится компетентным лицом, которое может принимать сигналы от окружения, распознавать их, запоминать и учиться на их основании, приобретать предпочтения и навыки; сообщать родителям о своих потребностях, а их заданием является расшифровка этих сообщений и общение с ребенком, в совместную коммуникацию с ним и углубление внутрисемейных связей. Чтобы родители могли полюбить то, что развивается, будучи укрытым от их взгляда, они должны понять, что то что-то, что делает женщину беременной, на самом деле является кем-то, является лицом – их ребенком, которое уже от зачатия имеет человеческие потребности в чувстве безопасности, уважения, одобрения, любви, родства, нуждается в контакте с ними и может войти в контакт.

Дородовое общение является для него “питанием для развития”, а для них – источником радостных переживаний и стимулятором их личного развития: новых навыков, черт, потребностей, способов функционирования. Родители являются для ребенка питательной

почвой для его развития, но и для них сопровождение ребенка в его развитии является удобным случаем для высшего уровня психической, социальной и духовной зрелости. Очень важно, чтобы зачатого ребенка не воспринимали как бремя для беременной матери, а как дар, дар природы, Божий дар. А этот дар всегда незаслужен, не всегда ожидаемый, но его всегда следует принять с благодарностью [см. 21, 22, 32]. Если родителям трудно принять ребенка, окружающим их близким следует поддержать их. Ребенок до своего рождения не является собственностью родителей – он является также членом семейного, соседского, национального, государственного, религиозного сообщества, поэтому эти сообщества должны чувствовать ответственность за поддержку родителей в их родительских функциях до рождения ребенка.

Зачатый родителями ребенок еще до своего рождения нуждается для развития в живительной атмосфере любви, поскольку лишь благодаря любви он может стать настоящим человеком. Любовь должна быть тем, что даст импульс его жизни, а затем будет его сопровождать в течение всех дней, освобождать его творческие возможности. Если этой любви не хватает при зачатии или при раннем развитии ребенка – никогда не поздно, чтобы он был любимым и сам мог любить.

Литература.

1. Kornas-Biela D. (1992). Dźwiękowa stymulacja prenatalna i jej konsekwencje dla rozwoju dziecka. *Annales Academiae Medicae Bydgosiensis*, nr 5, s.129-133.
2. Kornas-Biela D. (1992). Kształtowanie się przywiązania matki i dziecka w prenatalnym okresie jego rozwoju. W: A. Biela, Cz. Walesa (red.), *Problemy współczesnej psychologii*, Lublin, Polskie Towarzystwo Psychologiczne, s. 237-309.
3. Kornas-Biela D. (1993). Kształtowanie się zdolności słuchowych w prenatalnym okresie rozwoju dziecka. *Opuscula Logopaedica*, s. 143-158.
4. Kornas-Biela D. (1993). Psychologiczne aspekty kryzysu ekologicznego w dziedzinie prokreacji. *Ginekologia Polska*, Supl. Sympozjum Ekologia Prokreacji Człowieka, s. 168-171.
5. Kornas-Biela D. (1995). Psychologia prenatalna a psychologia rozwojowa. Kilka uwag metodologicznych. W: A. Biela, J. Brzeziński, T. Marek (red.), *Społeczne, eksperymentalne i metodologiczne konteksty procesów poznawczych człowieka*. Poznań, Wydawnictwo Fundacji Humaniora, s. 337-357.
6. Kornas-Biela D. (2000). Ekologia łona ekologią świata: o nowy paradygmat w ekologii. W: J. M. Dołęga, J. W. Czartoszewski (red.), *Ekologia rodziny ludzkiej*. Olecko, Wydawnictwo Wszechnicy Mazurskiej, s. 99-116.
7. Kornas-Biela D. (2000). Psychologiczne konsekwencje aborcji u ojców. W: *Międzynarodowy Kongres o Godność Ojcostwa*. Gdańsk, Human Life International-Europa, s. 235-250.
8. Kornas-Biela D. (2002). Dziecko prenatalne jako przedmiot zainteresowań psychologicznych organizacji i stowarzyszeń naukowych. W: Kornas-Biela D. (red.), *Oblicza dzieciństwa*. Lublin, Towarzystwo Naukowe KUL, s. 225-252.
9. Kornas-Biela D. (2002). Wokół początku życia ludzkiego. Warszawa, Instytut Wydawniczy PAX, s. 5-40.
10. Kornas-Biela D. (2003). Podejście psychodynamiczne w psychologii prenatalnej. *Czasopismo Psychologiczne*, T. 9, nr 2, s. 179-191.
11. Kornas-Biela D. (2003). Psychodynamiczny nurt w psychologii prenatalnej: wybrane problemy z obszaru prokreacji. *Przegląd Psychologiczny*, nr 46 (2), s. 179-196.
12. Kornas-Biela D. (2004). Najmłodsze dziecko w rodzinie. W: G. Soszyńska (red.), *Rodzina. Myśl i działanie*. Lublin, Polihymnia, s. 47-59.
13. Kornas-Biela D. (2004). Okres prenatalny. W: B. Harwas-Napierała, J. Trempała (red.) *Psychologia rozwoju człowieka*, T. 2., Warszawa, PWN, wyd. 3, s. 15-46.

14. Kornas-Biela D. (2006). Rodzina w procesie prokreacji. W: J. Stala, E. Osewska (red.), Rodzina. Bezcenny dar i zadanie. Radom, Polskie Wydawnictwo Encyklopedyczne, s. 481-539.
15. Kornas-Biela D. (2007). Chrześcijańskie wychowanie prenatalne odpowiedzią na dar. W: A. Rynio (red.), Wychowanie chrześcijańskie. Między tradycją a współczesnością. Lublin, Wydawnictwo KUL, s. 453-470.
16. Kornas-Biela D. (2007). Pedagogika prenatalna. W: C. Rogowski (red.) Leksykon pedagogiki religii. Warszawa, Wydawnictwo Verbinum, s. 556-561.
17. Kornas-Biela D. (2007). Psychologia prenatalna człowieka. Medycyna Praktyczna. Ginekologia i Położnictwo, nr 1, s.14-23.
18. Kornas-Biela D. (2007). Psychologia prenatalna. W: C. Rogowski (red.) Leksykon pedagogiki religii. Warszawa, Wydawnictwo Verbinum, s. 654-659.
19. Kornas-Biela D. (2008). Humanistický prístup k prenatalnemu obdobiu rozvoja človeka. W: T. Bák, M. Mráz, (red.), Sociálne univerzum v pohl'ade humanitných vied. Trnava, Filozofická fakulta TU, s. 72-83.
20. Kornas-Biela D. (2009). Osiągnięcia psychologii prenatalnej szansą dla rodziny. W: T. Rostowska (red.), Psychologia rodziny. Małżeństwo i rodzina wobec współczesnych wyzwań. Warszawa, Difin, s. 195-215.
21. Kornas-Biela D. (2009). Pedagogika prenatalna. Nowy obszar nauk o wychowaniu. Lublin, Wydawnictwo KUL.
22. Kornas-Biela D. (2009). Powierzyć dziecko kobiecie – przedwieczny zamysł Ojca. W: T. Paszkowska (red.), Mulieris Dignitas: promieniowanie kobiecości. Lublin, Wydawnictwo KUL, s. 61-80.
23. Kornas-Biela D. (2009). Psychologia prenatalna wobec aborcji. W: B. Chazan, W. Simon (red.), Aborcja. Przyczyny, następstwa, terapia. Wrocław, Wydawnictwo Wektory, s. 109-131.
24. Kornas-Biela D. (2010). Bliźnięta i wieloraczki w pre- i perinatalnym okresie rozwoju. W: T. Rostowska, B. Pastwa-Wojciechowska (red.), Rozwój bliźniąt w ciągu życia. Aspekty biopsychologiczne. Kraków, Oficyna Wydawnicza Impuls, s. 65-99.
25. Kornas-Biela D. (2010). Pedagogika prenatalna. W: B. Śliwerski (red.) Pedagogika, T.4., Subdyscypliny i dziedziny wiedzy o edukacji. Gdańsk, Gdańskie Wydawnictwo Pedagogiczne, s. 149-173.
26. Kornas-Biela D. (2011). Okres prenatalny (2011). W: J. Trempała (red.). Psychologia rozwoju człowieka. Podręcznik akademicki. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, s.147-171.
27. Kornas-Biela D. (2011). Psychopedagogiczne aspekty niedożywienia dzieci w prenatalnym okresie rozwoju. Cz. Kępski (red.), Głodne dzieci w Polsce. Lublin, Wydawnictwo KUL, s. 53-73.
28. Kornas-Biela D. (2012). Family in the context of prenatal psychology and education. Acta Psychologica Tyrnaviensia, nr 15-16, s. 26-36.
29. Kornas-Biela D. (2012). Prenatalna pedagogika. Hasło, Encyklopedia Katolicka, T. XVI, Lublin, TN KUL, s. 366-368.
30. Kornas-Biela D. (2012). Psychologia prenatalna. Hasło, Encyklopedia Katolicka, T. XVI, Lublin, TN KUL, s. 852-853.
31. Kornas-Biela D. (2012). Zdrowotne aspekty życia rodzinnego w okresie prekonceptyjnym oraz w okresie prenatalnego rozwoju dziecka. W: T. Rostowska, A. Lewandowska-Walter (red.), Małżeństwo i rodzicielstwo a zdrowie. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, Gdańska Wyższa Szkoła Humanistyczna, s. 306-328.
32. Fijałkowski W. (1996). W szkole rodzenia... Odkrywanie radości rodzicielstwa. Gdańsk, Wydawnictwo Medyczne MAKmed.
33. Fijałkowski W. (1998). Dar rodzenia. Warszawa, Instytut Wydawniczy PAX, (w jęz. ukraińskim na Ukrainie 1999; wydanie litewskie).

34. Fijałkowski W. (1999). Rodzicielstwo w zgodzie z naturą. Ekologiczne spojrzenie na płciowość. Poznań, Fundacja „Głos dla Życia”.
35. Fijałkowski W. (2001/2002). Ekologia rodziny. Ekologiczna odnowa prokreacji. Kraków, Rubikon.
36. Fijałkowski W. (2002). Jestem od poczęcia. Pamiętnik dziecka w pierwszej fazie życia. Częstochowa, Wydawnictwo Niedziela.
37. Fijałkowski W. (2003). Ku afirmacji życia. Lublin, Wydawnictwo Archidiecezji Lubelskiej „Gaudium” 2003.
38. Fijałkowski W., Jędrzejewska-Wróbel R. (1998/2001). Oto jestem. Ilustrowana opowieść o pierwszych miesiącach życia człowieka. Gdańsk, Gdańskie Wydawnictwo Oświatowe 1998; Warszawa, Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne 2001.

С.В. Воробьева

*кандидат философских наук,
доцент ГУО «Белорусский государственный университет»*

ФЕНОМЕН ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНО-КОНСТРУКТИВНОМ КОНТЕКСТЕ

Цель доклада заключается в объяснении специфики феномена ответственности в социально-конструктивном контексте. Для этого следует раскрыть методологический потенциал логико-когнитивного подхода к ответственности как паттерну мышления и логико-феноменологического подхода – как паттерну поведения. Это не вопрос о том, что первично – ответственное мышление или ответственное поведение? Это вопрос стратегий и тактик решения многие социальные проблемы, включая биоэтические, в контексте христианского вероучения.

Внутренний контекст ответственности (или модель внутреннего мира, скрывающая мотивы действий) включает логико-когнитивный и логико-феноменологический профили. Они отличаются друг от друга направлением в понимании. Логико-когнитивные проекции ответственности предполагают понимание модели внутреннего мира и мышления через поступки и поведение, логико-феноменологические – понимание поступков и поведения через ментальные состояния и мышление.

Ответственность как производная от «жизненного стиля личности» (А. Адлер) разворачивается в диапазоне «эмоции (чувства) – разум». Она не свойственна крайним позициям, культивирующим либо эмоции, либо разум. Подтверждением данного тезиса выступают, например, гедонистические призывы некоторых экзистенциальных философов («Если тебе это нравится, то делай!») и представителей антиинтеллектуализма, интерпретирующих логико-когнитивный подход как «промывание» мозгов».

Центральную роль в структуре личности играет то, *что* и *как* человек ценит. Именно ответы на эти вопросы составляют идеологический базис ответственности. Личностная модель языка, метапрограммы и метасостояния фундируют «инструкции для того, чтобы указывать фокус, направление и качество повседневной жизни и возможных особых обстоятельств» [6, р. 4]. Объектом оценки может выступать как сама личность (самооценка), так и окружающий ее мир, включая других людей (оценка Другого). Самооценка – это часть программирования себя: как мы себя ценим, такими мы и становимся. Знание ценностей Другого (другого человека, другой культуры) позволяет проникнуть в его модель мира. Поэтому незнание того, что другой человек искренне и глубоко ценит, означает, что мы не знаем этого человека, незнание ценностей другой культуры означает незнание этой культуры. Данное незнание становится препятствием терпимости, состраданию, пониманию.

В XX ст. произошел достаточно быстрый распад и изменение ценностей, что привело к их инфляции и релятивизации. В частности, современное воспитание ограничивается малым

кругом запретов. В результате молодые люди уделяют меньшее внимание тому, что *должны* делать, и большее – тому, что *хотят* делать. Неограниченная свобода, т. е. свобода без нравственных ценностей, не способствует формированию ответственного отношения к собственной и к чужой жизни.

Свобода без нравственных ценностей также опасна, как и вера без морали. Среди либеральных ценностей базовым принципом по-прежнему остается свобода. Либералы, отказываясь заменить принцип свободы принципом блага, полагаются на рациональную и моральную способность индивидов самостоятельно определять какие блага им нужны [См.: 1]. Но, согласно Э. Левинасу, «концептуализация того, что дается в ощущении, уже вытекает из разрыва в живой плоти моей субстанции, моего дома, в моем соответствии другому, разрыва, готовящего нисхождение вещей в разряд возможных товаров. Этот изначальный разрыв обуславливает конечное обобщение, происходящее под знаком денег» [5, р. 48]. Таким образом, принципы свободы и блага, потеряв свое подлинное содержание, перестают быть ориентационными метафорами человеческого мышления.

Идея свободы означает, что «не существует никакой надежной основы, поддерживающей человеческое существование, что порождает тревогу, страх и необходимость ответственности» (И. Ялом). Осознание ответственности влечет признание того, что «человек сам создал себя, свои чувства, затруднительное положение, собственное страдание». Механизмами защиты, связанными со свободой, выступают компульсивность, или навязчивость, а также перенос ответственности на других и отрицание ответственности. Например, большая часть несовершеннолетних девочек, идущих на операцию по прерыванию беременности, выстраивает собственное поведение в соответствии с механизмом отрицания ответственности, изображая себя невинной жертвой обстоятельств.

В решении биоэтических проблем важным этапом является ответ на вопрос: ответственность – это свойство характера или паттерны мышления человека? Связывать ответственность только с характером, как это принято в отечественной научной литературе, означает производить метонимическое расширение, которое удаляет нас от понимания сути ключевого феномена. Бесспорно, в ответственном отношении участвует характер человека. Но не менее бесспорно, что в этом отношении участвует и мышление. Иначе, ответственность – это и способ действия (поведения), и способ практического обоснования (рассуждения).

Аристотель первым соотнес характер с рассуждением и выбором линии поведения. В результате он связал (установил отношение обуславливания) характер с практическим обоснованием или практической мудростью («фронесис»). В контексте отношения обуславливания Аристотель определил характер как совокупность основных убеждений или личных целей. Практическое обоснование детерминирует «устойчивость» человека, на основании чего «можно рассчитывать, что кто-то будут действовать определенным образом» (Х. Нуссбаум). Наиболее сильная форма «устойчивости», известная человечеству, – это религиозная форма. Христианские ценности, составляя не поверхностные, а глубинные структуры практических обоснований (и в целом сознания как динамической модели мира), задают магистральные направления в ответах на вопросы *что* и *как* человек ценит.

Д. Уолтон, как сторонник подхода Аристотеля, усилил интеллектуально-языковую компоненту в структуре характера личности, окончательно преодолев психологизм в решении этого вопроса. Согласно точке зрения Д. Уолтона, «характер – привычка или предрасположенность человека поступать более или менее одинаково на протяжении всей жизни» [2, с. 17]. Предпочитаемые способы поведения проявляются как «реакции на сложные, проблемные или критические ситуации». Критерием предпочитаемого способа поведения является практическая выгода, формальная структура которой представляет собой корреляцию общей (абстрактной) цели и соответствующего ей способа (конкретного действия) ее достижения. Данная корреляция является неаддитивной структурой, включающей чувство и мысль. Соотношение между ними развиваются по следующему

закону: как человек думает, так и чувствует, как чувствует, так и думает. Именно данные соотношения поддерживают способы поведения.

Характер как «устойчивая приверженность человека определенным поведенческим паттернам», по мнению Д. Уолтона, отражается в личностной аргументации на двух уровнях: абьюзивные (оскорбительные) и обстоятельственные аргументы [2, с. 31]. Человек, организуя свою жизнедеятельность, исходит из дихотомии приемлемости или неприемлемости чего-то для себя или для других. Поэтому практические обоснования (практические рассуждения) будут содержать абьюзивные и обстоятельственные аргументы, раскрывающие ценностные аспекты бытия, отвергаемые в личностной аргументации вследствие их несовместимости с привычками или предрасположенностями индивида. В результате человек что-то принимает как безусловную ценность, что-то – как ценность в рамках определенных условий, а что-то отвергает («умалчивает», «критикует», «избегает», «стремиться избавиться» и пр.). Этим «что-то» могут быть атрибуты или состояния самой личности или других людей, и обстоятельства его или их жизни.

Например, если отец выступает против курения сына, но сам при этом курит, вряд он сможет изменить сложившийся поведенческий паттерн сына, который только подкреплялся обстоятельствами его жизни. Курение в представлении сына является условной ценностью. Только разрушив эти рамочные условия можно надеяться на трансформации в личностной аргументации, которые смогут привести к изменениям поведенческих паттернов. Правомерность поведения отца обуславливает для ребенка его целесообразность, а целесообразность – жизнеспособность. Но нельзя от того, что есть, заключать к его целесообразности, а от целесообразности – к правомерности.

При практическом обосновании устанавливаются общие цели и соответствующие способы (конкретные действия) их достижения. Например, «здоровье» – общее имя, выражающее абстрактное понятие. Для того чтобы личность выработала конкретные тактики по поддержанию или укреплению здоровья, она должна сделать практические выводы, связывающие конкретные способы поведения (например, придерживаться «пищевой пирамиды» и каждый день включать некоторый достаточный для конкретного человека минимум физической нагрузки) с общей целью улучшения здоровья.

Ответственное мышление как черта характера отличается синергизмом глобального и локального в личностной аргументации. Основанием данного синергизма является деятельность мышления в двух мирах – реальном и социальном. Это означает, что субъект аргументации обладает реальной и социальной идентичностью. Реальная идентичность представляет собой совокупность личностных атрибутов, выявляемых в процессе тестирования. Тестовый профиль индивида идентифицирует его «Я» как определенную диспозицию (например: «честный», «практичный», «ответственный за собственное здоровье»). Отклонение от «истинного Я» идентифицируется как «утрата идентичности» (например: «лживый», «непрактичный», «безразличный к собственному здоровью»), являющаяся следствием несвободы реального от социального. «Наша субъективность и идентичность формируются под действием дефиниций желаний, которые нас окружают», – утверждал Э. Левинас. – Восприятие самих себя и позиция в потребительском обществе часто зависит от алгоритма конструирования желания» [5, р. 205].

Социальная идентичность редуцирует личность к социальному статусу. Различные социальные роли обуславливают различные манифестации «Я» (например: «ответственный родитель» или «защитник окружающей среды»). Насколько «Я» отражает социальные ожидания, настолько в нем развивается и поддерживается идентичность. Социальная неискренность, являющаяся следствием осознания присутствия вокруг себя Других (людей, мнений, обществ), не исключает возможность игры по заготовленному заранее сценарию. Различные роли требуют разных сценариев от исполнителя, следовательно, различных идентичностей. Это ведет к фрагментации «Я», к внутреннему конфликту (например, между публичным, экстериторным «Я» и другим, интиторным «Я»). «То, что в наше время мы считаем характеристиками „Я“, можно рассматривать лишь как накопленный в ходе вековых

дебатов арсенал риторики. Характеристики „Я“ были и остаются символическими ресурсами, которые используются нами для заявлений среди множества конкурирующих конструкций окружающего нас мира» (Г. Герген).

Характеристики „Я“ как символические ресурсы составляют базис либо ответственного отношения к собственной жизни, либо к неумению распорядиться собственной свободой. Подобное неумение и приводит к ощущению бессмысленности собственного существования. В результате личность прибегает к компульсивной деятельности, например, к получению максимального удовольствия, к накоплению денег, к абсолютной власти, к высшему статусу и др.

Символические ресурсы включают паралогические структуры именования, которые являются позитивными аналогами логических ошибок. Философы Нового времени Ф. Бэкон и Д. Локк, рассуждая о наивной модели мира, ставили вопрос об «искаженных» представлениях, т. е. логических ошибках в именовании, свойственных большинству людей. Если наивными астрономическими представлениями о том, что «звезды (а не метеориты) падают», что «Солнце всходит и заходит» (несмотря на то, что Земля вращается вокруг Солнца, но не наоборот) можно пренебречь, то невозможно пренебречь наивными представлениями об обществе и о личности. Тем более нельзя пренебречь собой. «Наивная социология», в отличие от «наивной астрономии», «наивной биологии» и прочих наивных взглядов, имеет большее значение. Назвать метеорит звездой и назвать владельца магазина «буржум», «капиталистом» или «предприимчивым человеком» – имеют разные социальные значения и последствия (Г. Хазагеров).

Наивность как изнаночная сторона безответственности обусловлена эвфемистическим варьированием, принятым в средствах массовой коммуникации и, как следствие, в обществе в целом. Эвфемизмы предполагают замену имени, неуместного по каким-то причинам в данном контексте, другим именем, скрывающим прямой смысл, но сохраняющим критический пафос. Эвфемистические именования предлагают аудитории самой догадаться, о чем идет речь. Но поскольку основным свойством человеческой логики является немонотонность (очевидное для одного человека не является очевидным для другого), постольку восстановление недостающих элементов смысла может пойти по другому пути, неожиданному для адресанта. Преимущества эвфемизации прямого контекста заключается в смягчении буквального значения или сокрытии (дозировании) информации. Например: «склонность к фантазированию» вместо «склонность к вранью»; «перемещенные лица» вместо «беженцы»; «сепаратисты» вместо «бандформирования».

Оперирование эвфемизмами контролирует настроение общества в отношении того или иного социального явления. Например, эвфемизм «аборт» вместо «убийство младенца» ограничивает негативные коннотации, на которые указывает Церковь. В процессе аргументации, сопровождающей процедуры искусственного оплодотворения, также прибегают к эвфемизмам: «менее жизнеспособный плод», «более жизнеспособный плод», «все не смогут развиваться». Жизнь человека перестает быть Даром Божиим и становится «даром врача»? Эвфемизм «суррогатное, но материнство» несет в своей коннотации дисфемизм – инвективу, ведь суррогат означает не только заменитель чего-то, но и подделку, фальсификацию. Эвфемизмы «нерадивые родители» или «родители, лишённые родительских прав» исключили из коннотаций «безответственные граждане», «изгои общества» и иные более жесткие смыслы.

Не менее опасны иные паралогические структуры именования, например, метонимии. С их помощью конструируются представления о добре и зле, о любви к ближнему, о досуге и пр. В частности, содержание имени «материнская любовь» раскрывается посредством следующих рекламных метонимий: «памперсы, которые выберет мать, по-настоящему любящая своего ребенка»; «шоколад, который лучше всяких слов расскажет о материнской любви»; «шампунь, который позволит ощутить материнскую любовь». Сознание аудитории перестраивается в соответствии с принципом расширенного и ускоренного потребления,

посредством формирования новых ощущений социального пространства и социального времени, в которых человек чувствует себя комфортно.

Экономические метонимии – «зарботная плата», «курс доллара», «кредит» и др. – упрощают отношения между внутренним миром агента действия и внешним миром, редуцируя их к набору возможностей и, одновременно, дезавуируя понятия «ответственность» и «смысл жизни». Э. Левинас по этому поводу сформулировал чудесную антитезу: Жизнь – это не только «возможность зарботной платы», но и «необходимость морального сознания» [5, р. 303]. В противном случае возникает конфликт между потребностью людей в смысле существования и безразличным миром, в котором нет никакого смысла. Ослаблению ощущения смысла жизни способствуют многие факторы современной постиндустриальной культуры. В частности, находясь в большей безопасности и имея много свободного времени, многие не знают, как распорядиться собственной жизнью.

Э. Фромм в своей концепции деформированных потребностей или искаженных устремлений личности обосновывает тезис «„свободы от...“ и бегства от этой свободы», например, «бегство от „свободы от ответственности“». Отмечая утрату оригинальности в мыслях, чувствах, желаниях, т. е. кризис личностной идентичности, Э. Фромм смог диагностировать возможные социальные последствия распространения конформизма как «бегства от справедливости, ответственности, любви к ближнему» [3, с. 80]. Например, бегство от бессмысленности собственной жизни вынуждает некоторых родителей строить судьбу своих детей на подиуме, в профессиональном спорте или в безмерной интеллектуальной нагрузке, которую они возлагают на них. Подобные интенции родительской души обусловлены заботой не о духовности собственных детей, не об их физическом и психическом здоровье, а о будущем счастье, которое они связывают со статусом человека в обществе и его материальном достатке. Нацеливая детей на результат, они лишают их спонтанной активности, «активности по собственному побуждению», «не вынужденной активности, навязанной индивиду его изоляцией и бессилием» [3, с. 216].

Таким образом, ответственность имеет две взаимно дополняющие друг друга проекции – логику-когнитивную и логику-феноменологическую. Они позволяют фиксировать семантические границы терминов «ответственное мышление» и «ответственное поведение», что методологически полезно в решении биоэтических проблем. Логико-когнитивные проекции связаны с пониманием ментальности через поступки, логику-феноменологические – с пониманием поступков через ментальность. Ключевой должна стать логико-когнитивная проекция, позволяющая высветить отсутствие глубинных ценностных ориентаций и ограниченности символических ресурсов.

Литература.

1. Кимлика, У. Либеральное равенство / У. Кимлика // Современный либерализм. – М., 1998.
2. Уолтон, Д. Аргументы к человеку / Д. Уолтон. – М., 2004.
3. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1998.
4. Ялом, И. Теория и практика групповой психотерапии / И. Ялом. СПб., 2000.
5. Lévinas E. Totalité et Infini. Essai sur l'Extériorité. Kluwer Academic Publishers: Dordrecht – Boston – London, 1988.
6. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. De la temporalité comme caractère de l'argumentation // Rhétoriques. Bruxelles, 1989. P. 437–466.

О.М. Дроздович

преподаватель ГУО «Белорусский национальный технический университет»

НАПРОТЕХНОЛОГИЯ И ХРИСТИАНСКИЙ ПУТЬ СПАСЕНИЯ ЖИЗНИ

Вместе с зачатием человека, с его рождением, родители во истину предстают перед «великой тайной» (ср. Еф 5, 32). Новое человеческое существо – как и они сами – призвано к личному бытию, призвано к жизни «в истине и любви». Призвание же открывается не только на временную жизнь на земле. Оно открывается на вечность в Боге. Это есть то измерение генеалогии личности, которое нам окончательно явил Христос, проливая свет Евангелия на жизнь и смерть человека – а через это также и на значение человеческой семьи».

Письмо семьям Святого Отца Иоанна Павла II, 9.

Странная, казалось бы, штука жизнь: человек еще не появился на свет, а с его приходом в этот мир связано такое количество проблем. Эти проблемы являются глубоко нравственными и один неверный шаг человека может привести к трагедии, трагедии затрагивающей самое сокровенное – человеческую душу. Но самое страшное заключается в том, что современный человек не видит никакой проблемы в таких явлениях социальной жизни как аборт, ЭКО, контрацепция, суррогатное материнство. Женщина идет на аборт как на обычную процедуру, какбудто заболел зуб и его просто нужно удалить. Есть спрос, а значит будет и предложение, вам помогут за определенную сумму избавиться от ненужной проблемы. И то, что эта проблема называется «Жизнь», никто не задумывается. Кто-то избавляется от Жизни, а кому-то во что бы то не стало нужно эту Жизнь заполучить, но и в этом вам помогут.

Существует достаточное количество фабрик жизни и смерти под названием ЭКО. Только в Беларуси есть четыре центра, делающих ЭКО, три из них находятся в Минске, а из областных городов отличился Гомель, более того, недавно этому центру (Гомельский областной диагностический медико-генетический центр «Брак и семья») дали премию «За духовное развитие...». Проблема абортов и искусственного оплодотворения является предметом дискуссии как медицинской, так и богословской аудиторий. Попытаемся сформулировать позицию христианства в отношении данных вопросов. Православие считает нравственно недопустимым экстракорпоральный (внетелесный) метод искусственного оплодотворения, поскольку он предполагает заготовление, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» эмбрионов, а также несёт риск ненаступления беременности, из-за чего пересаженный(ые) в организм женщины эмбрион(ы) погибнет(ут) [см. 1].

Социальная позиция протестантской церкви в отношении абортов и экспериментов с эмбриональными клетками сводится к следующему: «Широкое распространение и оправдание абортов мы рассматриваем как явный признак моральной деградации современного общества и угрозу будущему человечества. Верность библейскому учению о человеческой жизни с самого момента ее зарождения несовместима с признанием свободы выбора женщины в распоряжении судьбой плода. Зачатие и рождение детей является одним из наиболее естественных результатов семейной жизни, задуманной и благословленной Богом. Писание рассматривает детей как Божий дар родителям, как чудесный плод их взаимной любви. Попытки иметь детей, вступающие в противоречие с первоначальным планом Бога, мы не считаем оправданными. Поэтому с особой озабоченностью мы наблюдаем за тем, как развитие современной биотехнологии приводит ко все более активному вмешательству в процесс зарождения человеческой жизни. В связи с этим Церкви особо отмечают, что жизнью человека нельзя распоряжаться по собственному усмотрению, как материальной ценностью. Некоторые бездетные супруги настойчиво – любой ценой и какими угодно средствами пытаются завести ребенка, чему способствуют современные технологии зачатия с помощью донорских половых клеток. Однако донорское

оплодотворение и суррогатное материнство неизбежно сопровождаются психологическими и социальными коллизиями не только между самими супругами, но позднее – в их взаимоотношениях с детьми, обретенными таким способом. Донорское зачатие и суррогатное материнство могут в будущем обернуться для ребенка тяжелым психологическим кризисом. Дети, зачатые от анонимного донора, могут впоследствии по неведению вступать между собой в браки и в итоге будут иметь неполноценное потомство» [2].

Моральное учение Католической Церкви также утверждает, что человеческая жизнь начинается в момент зачатия. Рассмотрим негативные последствия ЭКО:

1) многоплодная беременность. По данным исследователей, «индукция суперовуляции увеличила количество многоплодных беременностей более чем в 10 раз»;

2) редукция эмбрионов при многоплодной беременности. После редукции всего лишь половина (51%) пациенток донашивали беременность до 38 недель и более. Помимо негативных последствий для материнского здоровья редукция эмбрионов влечет за собой нравственные мучения матери, допустившей уничтожение своего ребенка. Таким образом, ЭКО не приносит пользы здоровью женщин, а вероятность осложнений достаточно велика;

3) резко возрастает вероятность аномалий и патологий внутриутробного развития. Риск возникновения пороков развития у ребенка, зачатого с помощью ЭКО, выше, чем при обычном течении беременности. Следовательно, люди, которые планируют прибегнуть к ЭКО, должны быть осведомлены обо всех потенциальных рисках этого метода;

4) уничтожение «избыточных» эмбрионов. В большинстве случаев существующие технологии ЭКО предполагают оплодотворение нескольких эмбрионов, большая часть которых подвергается криоконсервации;

5) гибель при криоконсервации. При технологии криоконсервации погибает 20% эмбрионов, а последующая частота наступления беременности и рождения живых детей составляет 28% и 22% случаев соответственно (английская клиника Bourn Hall);

6) технология ЭКО позволяет вовлечь в процесс создания новой жизни до 5 человек: двое заказчиков, двое доноров и суррогатная мать. При этом учитывается стремление «заказчиков» получить ребенка, но не учитывается право самого ребенка быть ребенком своих родителей, быть ими зачатым и выношенным. В том случае, если ребенок узнаёт об истории своего появления на свет, возможны тяжелые переживания и депрессии, связанные с кризисом самоидентичности. Чьих родителей этот ребенок — биологических, социальных или суррогатной матери? У таких детей часто возникает желание найти тех, чьи гены они восприняли и чья любовь хранила их под сердцем во время их внутриутробного развития. Поскольку эта информация относится к области врачебной тайны, данная ситуация может обернуться для детей «из пробирки» серьезными нравственными и душевными страданиями.

Как мы видели выше, технология ЭКО увеличивает риск рождения детей с теми или иными генетическими аберрациями. В случае массового применения ЭКО возрастает генетическая нагрузка на человечество в целом.

Если обратиться к официальной статистике, то с каждым годом супругов, которые не могут иметь детей, становится все больше. Сегодня в Беларуси около 14,5% семейных пар бесплодны, около 200 женщин ежемесячно прибегают к методу ЭКО.

В конце 2011 года в Беларуси был принят во втором чтении законопроект о вспомогательных репродуктивных технологиях, которым закрепляется право женщин, страдающих бесплодием, на использование метода ЭКО и услуг суррогатных матерей. Во время подготовки и рассмотрения законопроекта было немало дискуссий. Представители ряда религиозных конфессий выступили против суррогатного материнства и метода ЭКО. В частности, международная научно-практическая конференция «Демографическая безопасность и современные технологии сбережения репродуктивного здоровья» была

посвящена проблеме альтернативных методов в сфере репродуктивных технологий. Одна из приоритетных целей конференции – привлечь внимание медицинской общественности к этическому аспекту использования контрацепции и современных репродуктивных технологий, причем сделать это на профессиональном уровне. Значимым фактом явилось то, что конференция прошла в Республиканском научно-практическом центре «Мать и дитя», славящемся «современными взглядами и передовыми технологиями». Организаторами данного мероприятия выступили РНПЦ «Мать и дитя», Православная и Католическая Церковь, широко известный в узких кругах Центр поддержки семьи и материнства «Матуля», а также продолжающий благотворить Фонд «Открытые сердца».

Одно из выступлений на этой конференции было посвящено теме альтернативных методов в сфере репродуктивных технологий, в частности речь шла о напротехнологии – это метод лечения бесплодия, который представляет собой технологию естественного оплодотворения, основанный на уважении к природе человека и его жизни. Natural Procreative Technology – Технология Естественного Оплодотворения. Во время доминирующей в современной гинекологии тенденции к использованию Репродуктивной Медицины и методов, помогающих забеременеть, мы нуждаемся в ответе, основанном на других аксиологических источниках. Такой ответ предлагает нам проф. Томас В. Хилджерс из города Омаха, штат Небраска, США, который вдохновился посланием энциклики *Humanae Vitae* Папы Римского Павла VI, будучи студентом 4 курса медицинского института, и принял его близко к сердцу. Уже больше 30 лет проф. Хилджерс разрабатывает – Naprotechnology – Технологию Естественного Оплодотворения, которая в современном мире является христианским ответом на главное течение практик, процедур и парадигм современной репродуктивной медицины.

В 80-тых годах XX века Хилджерс вместе с коллегами основал Институт Папы Римского Павла VI в г.Омаха. Раньше, в Иезуитском Университете Крейтона, он разработал Creighton Model Fertility Care Sistem – популярный в Америке метод естественного планирования семьи, основанный на методе Биллигсов. В первую очередь, напротехнология имеет совсем другой этический подход к лечению пациентов с бесплодием. Напротехнология рассматривает ребенка как дар, что в корне разнится с представлением о получении прав на ребенка, как это утверждает инструкция *Donum Vitae*: «неизменное естественное право на ребенка противоречило бы его достоинству и природе. Ребенок – не предмет, на который можно иметь право, его нельзя рассматривать как собственность. Скорее, он – дар, «ценнейший» и безвозмездный дар брака, живое свидетельство обоюдной самоотдачи родителей...» [3].

Первым и очень значительным преимуществом системы, независимо от причины, по которой будет использоваться напротехнология (бесплодие, угроза выкидыша, нарушение цикла, неправильное кровотечение, другие гинекологические болезни или различие плодности женщины с целью временной отсрочки возможности зачатия), является активное участие пациентки (супругов) в процессе диагностики и лечения. На протяжении приблизительно 3 месяцев инструктор подготавливает супругов к первому приему у врача. Система основывается на стандартизации обучения, проведении наблюдений и записи проявлений (биомаркеров), а также проверке эффективности. Классическая врачебная диагностика основывается на субъективном подходе к исследованию, объективном и на дополнительных исследованиях. Субъективный подход к исследованию – это врачебный анамнез, информация, которую предоставляет пациент. Карта наблюдений Модели Creightona является бесценным дополнением к анамнезу и предоставляет информацию, получить которую иным способом очень трудно или практически невозможно. После постановки диагноза наступает этап причинного лечения. Лечение охватывает доступное консервативное лечение, точное гормональное лечение, хирургическое лечение – лапароскопическое или классическую лапаротомию. Особое внимание уделяется использованию современных лазерных техник. Целью лечения является зачатие, которое

ождается на протяжении года. Если зачатие не происходит, следует предлагать семье усыновление ребенка.

Во всем мире работает только около 400 врачей, обученных методу Naprotechnology. Большинство из них – в англоязычных странах: США, Австралии, Ирландии, Великобритании. В континентальной Европе Naprotechnology очень медленно распространяется, лишь единицы врачей из Франции, Швейцарии, Германии и Голландии прошли такое обучение. В 2009 году в Белостоке акушер-гинеколог Тадеуш Василевский открыл первую в стране клинику напротехнологии. Более 15 лет он использовал в своей профессиональной практике метод ЭКО и пребывал в убеждении, что таким образом он «дает жизнь», но в один момент все изменилось, и он сказал «пробирке – нет!». Тадеуш Василевский категорически заявляет, что не было и не может быть христианского искусственного оплодотворения. В конце 2007 года в Люблине был основан Фонд, Институт Лечения Супружеского Бесплодия им. Папы Римского Иоанна Павла II. Деятельность этого фонда направлена на помощь супружеским парам, которые столкнулись с проблемой бесплодия. Главный принцип, которым руководствуются люди, работающие в этой организации – жизнь – дар Божий и нельзя этот дар превращать в «бездушный» эксперимент.

Метод напротехнологии наглядно демонстрирует, что есть другие варианты решения проблемы бесплодия и об этом нужно говорить, нужно просвещать, нужно стучаться в каждую дверь и сопротивляться массово навязанным стереотипам. Возможно, что-то изменится в наших умах, в наших сердцах, и человек поймет, что с Жизнью нельзя экспериментировать. Всегда есть выбор и только от нас зависит, каким будет путь, по которому мы пойдем: либо мы будем следовать замыслу Творца, либо навсегда утратим свой человеческий облик.

Литература.

1. <http://www.pravmir.ru/eko-pora-menyat-vzglayd>
2. <http://www.reliqare.ru> (раздел7, подраздел Биомедицинская этика).
3. http://www.opoka.org.pl/biblioteka/W/WR/kongregacje/kdwiary/zbior/t_2_19.html

Л.А. Мартынова

*старший преподаватель ГУО «Минский областной институт развития образования»,
психолог ОБО «Центр поддержки семьи и материнства «Матуля»*

ИЗ ОПЫТА ЭКСТРЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ЖЕНЩИН В СИТУАЦИИ КРИЗИСНОЙ БЕРЕМЕННОСТИ

Общественное благотворительное объединение «Центр поддержки семьи и материнства «Матуля» инициировало в Минске проект по организации в женских консультациях предабортного консультирования. Эта работа осуществлялась на основании приказа № 373 от 31.05.2011 г. городского комитета здравоохранения о проведении пилотного проекта «Предабортное консультирование». Реализовывался данный проект с 31 мая по 30 ноября 2011 в городских поликлиниках № 32, 33, 36, 37, городском клиническом родильном доме № 2 и 1-й городской клинической больнице, волонтерами-консультантами, прошедшими обучение на специальных семинарах.

В пяти из вышеперечисленных учреждениях здравоохранения консультирование беременных проводилось за несколько дней до операции. Экстренное консультирование осуществлялось непосредственно перед процедурой вакуум аспирации в роддоме №2. Женщинам, ожидающим очередь в кабинет «Хирургия одного дня», в котором выполняется прерывание беременности, предлагалась беседа. По согласию беременной, консультирование могло быть продолжено в кабинете психолога.

Особенностью экстренного консультирования является то, что оно проводится непосредственно перед операцией, вследствие чего у консультанта мало времени для серьезной работы с женщиной. И самое главное – мотивы прерывания беременности в этот момент достигают своего пика в доминировании над мотивами сохранения ребенка.

Перед консультантом стоят довольно трудные задачи: за 5-10 минут постараться помочь женщине осознать необратимость последствий прерывания беременности, отделить в сознании женщины беременность от предшествующих и сопутствующих проблем; выявить истинные мотивы прерывания и сохранения беременности; попробовать осуществить совместный анализ личностных и средовых ресурсов беременной; рассмотреть альтернативные аборту способы решения проблемы [см. 1].

Работу с женщиной необходимо строить с учетом возрастных, репродуктивных, социальных, национальных и других отличительных характеристик беременной. А также важен анализ так называемых уровней социальной ситуации женщины: присутствие образа ребенка в сознании женщины, участие в ситуации отца ребенка, родных и близких, влияние социального окружения на репродуктивные установки консультируемой.

В зависимости от того, на каком этапе принятия решения относительно исхода беременности находится женщина, возможно использование различных стратегий активизации конструктивных мотивов сохранения беременности: дать жизнь уникальному человеческому существу, беременность как способ принадлежать семейной системе, выражение обоюдного желания партнеров иметь ребенка, психофизиологическая готовность стать матерью, религиозный мотив.

Далее приводятся результаты экстренного консультирования в роддоме № 2 г. Минска (Мартынова Л., 2011) за период с августа по ноябрь 2011 г. Консультирование было предложено 69 женщинам, 12 из которых отказались от беседы. Из 57 участников консультаций семеро женщин были с мужьями, трое – с матерями, двое – с подругами.

Возрастной состав группы: от 18 до 20 лет – 4 человека, от 21 года до 25 лет – 9 человек, от 26 до 30 лет – 21 человек, от 31 года до 35 лет – 17 женщин, от 36 до 40 лет – 5 человек, от 41 года до 50 лет – 2 женщины.

Семейная ситуация консультируемых женщин следующая: замужем 39 человек, сожительствуют – 5, одинокие – 10, разведены – 5. Среди них не имеют детей – 7 человек, имеют 1 ребенка 25 женщин, двух детей – 20 человек, 3 ребенка – 6 женщин, 4 ребенка – 1 женщина.

Жилищную и материальную ситуацию нормально оценивали 14 женщин, средне – 22, плохо – 21 женщина.

Первый аборт – совершают 37 женщин, второй – 17, третий – 1, четвертый – 1, шестой – 1 женщина.

Виды контрацепции, которые использовали женщины в данной ситуации: презерватив – 14 человек, внутриматочная спираль – 4 женщины, естественный метод – 6 женщин, прерывание полового акта – 5 женщин.

«никакой» – 23 женщины.

Негативную реакцию на беременность констатируют 27 человек.

Среди ведущих мотивов прерывания беременности у консультируемых женщин выделяются следующие:

количество женщин	мотив прерывания беременности
16	Уступка социальному давлению
14	Фиксация на отношениях с отцом ребенка
13	Аборт как следствие жесткой репродуктивной установки, как «усталость от родительства»
11	Страх не справиться с материальной ситуацией
7	Аборт как следствие приоритета других ценностей
5	Страх перед реакцией социального окружения

4	Страх перед болезнью: 2 – рак, 1 – заболевания щитовидной железы, 1- ВИЧ-инфицирован
3	Отвержение ребенка с определенными характеристиками
2	«Бегство от прошлого»
1	Аборт как «способ скрыть сексуальные отношения»
1	Аборт как «страх перед беременностью и родами»
1	Аборт как «страх перед родительством», нежелание принимать роль матери

Ребенка рассматривают как живого человека 29 женщин. Информированы об аборте и его последствиях 11 женщин, 36 женщин почти ничего не знают о сущности предстоящего.

Анализировалось мнение женщин о необходимости данного консультирования: считают необходимым – 43 женщины, не знают – 1, не ответили – 10 человек, «не в последний момент» – 1 человек, «нет» – 2 человека.

Женщинам было предложено ответить на ряд вопросов, выясняющих, что может повлиять на сохранение беременности. В результате выявлены следующие возможные мотивы сохранения беременности:

- «возраст поджимает» – 1 женщина,
- ценность жизни ребенка – 15 женщин,
- религиозный мотив – 7 женщин,
- наличие какого-либо диагноза: «надо спешить рожать» – 1 человек,
- продолжение рода – 3 человека,
- государственная помощь в строительстве жилья – 1 человек,
- боязнь последствий аборта, бесплодия – 1 человек.

Не учитывают мнение мужа или отца ребенка в принятии решения о прерывании беременности 19 женщин.

Сохранили беременность – 1 женщина

• В условиях экстренного консультирования (непосредственно перед прерыванием) – более 214 женщин проконсультировано, 5 женщин сохранили беременность, 4 женщины не дали «обратную связь». За 6 месяцев проекта осуществлено 735 прерываний в роддоме №2.

- За период проекта (июнь-ноябрь 2011)
- Всего проконсультировано в шести учреждениях более 400 женщин.
- Сохранило беременность – минимум 14 женщин (еще около 20 женщин не дали обратной связи).

На основе анализа вышеприведенных данных участниками проекта были внесены предложения в куда???

для повышения эффективности организации консультирования женщин в ситуации кризисной беременности

Рассмотреть возможность обязательной процедуры: прежде чем выдать женщине направление на прерывание беременности, врач акушер-гинеколог направляет ее на консультацию к психологу

Организовать на базе Бел МАПО целевые курсы для психологов по проблеме консультирования женщин в ситуации кризисной беременности

В настоящее время консультирование осуществляется психологами-волонтерами, на базе площадок пилотного эксперимента: городских поликлиник № 32, 37, женской консультации №4 городской клинической больницы №1.

Работает телефон доверия.

Ведется подготовка волонтеров.

Литература.

1. Куценко О.С. Аборт или рождение? Две чаши весов /эл. ресурс доступа:

<http://www.prolife-science.ru/2/10/Strategy-of-psychological-consultation.html?start=0>

А.С. Мартысевич

кандидат философских наук,

доцент ГУО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

**ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ ДО РОЖДЕНИЯ:
УМБЕРТО ЭКО VS. КАРДИНАЛ МАТИНИ
(В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА)**

Биоэтические вопросы являются едва ли не самыми обсуждаемыми философскими вопросами, начиная с 1970-х гг., однако по-прежнему остаются неоднозначными и спорными. Примером двух векторов осмысления одного из вопросов сферы биоэтики – проблемы легитимности абортов – является переписка между философом постмодернистом У. Эко и католическим кардиналом К.М. Мартини, изложенная в книге «Диалог о вере и неверии», вышедшей на итальянском языке в 1997 году (переведена на русский язык в 2004 г.). Данная переписка является вполне показательной, так как репрезентирует секулярный и религиозный, в частности, христианский, подходы к обоснованию легитимности/нелегитимности искусственного прерывания беременности.

В качестве первого существенного расхождения секулярного и христианского подходов к рассматриваемой проблеме можно назвать ответ на вопрос о праве женщины решать судьбу своего ребенка. Основным тезисом, который выдвигает при обсуждении данного вопроса У. Эко, является утверждение о правах женщины самостоятельно решать для себя дилемму (не)прерывания беременности. Так, центральной мыслью рассуждения У.Эко является следующая идея: «Мы не можем определить, до какого момента мы вправе вмешиваться в этот процесс, а когда это право теряем, и не можем об этом спорить. Итак, поскольку вынести решение невозможно, мать должна сама решать, идти ли ей на риск, – решать перед Богом или перед судом собственной совести и человечности» [4, с. 56]. В отличие от секулярной позиции по данному вопросу, рассуждения К.М. Мартини репрезентируют иной взгляд. Достоинство и ценность человеческой жизни определяется, считает он, не другим человеком, а исключительно Богом: «Речь идет не обо “мне”, не о “моем”, даже не о том, что “во мне”, а о том, что больше меня» [4, с. 62].

Еще одним важным отличием секулярного и христианского подходов к рассматриваемой проблеме является статус вопроса о значимости человеческой жизни. Для секулярного размышления на данную тему вопрос о ценности человеческой жизни и, соответственно, вопрос о том, когда начинается человеческая жизнь, является, безусловно, главным вопросом. Для христианского мировоззрения данный вопрос также является актуальным, но не в связи с центральной ролью ценности человеческой биологической жизни, а в связи с ценностью человеческой души. Как отмечает К.М. Мартини, «жизнь, обладающая высшей ценностью, в Евангелии – не физическая и не психическая (для них в Писании используются термины *bios* и *psyche*), но Божественная жизнь (*zoe*), сообщенная человеку» [4, с. 61]. Продолжая данную мысль, можно сделать вывод, что и для секулярного, и для религиозного решения этой дилеммы важен ответ на вопрос «гибнет ли человек?», но если для

секулярного взгляда на данную проблему этот вопрос относится исключительно к ребенку, то для религиозного – и к ребенку, и, возможно, даже в большей степени, к матери. Безусловно, в последнем случае речь идет не о физической гибели.

И тем не менее, вопрос о том, когда начинается человеческая жизнь, является принципиальным для обеих рассматриваемых здесь теоретических и этических позиций. Для секулярного подхода данный вопрос тесно смыкается с вопросом об атрибутах собственно человеческого существования. Если принять во внимание культурно-исторический подход, указывающий на то, что человек может быть полноценным человеком, только освоив язык и культурные паттерны общества, в котором воспитывается, критерии того, когда же можно говорить о «появлении» человека, размываются. Такой подход, обладая несомненной философской ценностью, сложно применить для решения рассматриваемой этической проблемы, так как в итоге может привести к так называемой негативной евгенике. Частично преодолеть опасность такого подхода для секулярного сознания возможно, применяя аристотелевское понимание потенциальности [1]. Ребенок в утробе матери, таким образом, будет обладать потенциальностью человека, а значит жизнь его будет рассматриваться как ценность *человеческой* жизни. Однако по-прежнему при таком подходе останется открытым вопрос о детях, которые в силу сильных врожденных дефектов такой потенциальностью не обладают. Вопрос об атрибутах человеческого существования также пересекается (хотя и не совпадает полностью) с проблемой соотношения сущности и существования. Если для классической философии в данной дихотомии первенство отдавалось сущности, то неклассическая философия, прежде всего философия Ж.-П. Сартра, подчеркивает, что нет предзаложенной сущности человека, что сущность и заключается в существовании, а существование, в свою очередь, состоит в постоянном свободном выборе [2]. Обладая несомненной философской и этической ценностью, которая, в том числе состоит в невозможности оправдания человеком своих поступков некой врожденной природой, такой подход также не позволяет вычленить четкие критерии того, когда же начинается человеческая жизнь. С другой стороны, отсутствие однозначного решения рассматриваемой проблемы в рамках данного подхода является вполне закономерным, так как философия – это всегда поиск, проблематизация и, говоря словами М. Хайдеггера, вопрошание, в котором мы пытаемся охватить целое сущего и спрашиваем о нем так, что сами оказываемся поставлены под вопрос [3].

Религиозная позиция, в свою очередь, в силу своей специфики предлагает вполне четкие и однозначные критерии того, когда же начинается человеческая жизнь. Как отмечает К.М. Мартини, в христианской традиции отвергнуто учение традуционизма (Тертуллиан и др.), согласно которому душа передается через семя, и принято учение креационизма, согласно которому Бог влагает душу в зародыш в момент зачатия. Таким образом, христианство предлагает четкий ответ на вопрос о том, когда начинается человеческая жизнь.

Итак, можно сделать вывод, что главными расхождениями в отношении к биоэтической проблеме легитимности аборт со стороны секулярной и христианской позиций является, во-первых, ответ на вопрос о праве женщины решать судьбу своего еще не родившегося ребенка, на который первые отвечают положительно, вторые же указывают, что таким правом обладает только Бог. Во-вторых, секулярную и христианскую позиции размежевывает отношение к статусу вопроса о значимости человеческой биологической жизни. Первые рассматривают этот вопрос в качестве центрального, вторые в качестве подчиненного вопросу о значимости человеческой души. В-третьих, ответ на вопрос о том, когда начинается человеческая жизнь, на который первые не предлагают четкого ответа, в то время как вторые предлагают однозначный критерий.

Литература.

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М. : Эксмо, 2006. – 608 с.

2. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов ; сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
3. Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1989. – № 9. – С. 116–157.
4. Эко, У., Мартини, К.М. Диалог о вере и неверии / У. Эко, К.М. Мартини (кардинал); пер. с ит. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 144 с.

О.С. Павлова

кандидат философских наук, доцент

*доцент Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова
(Украина)*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРАВОСЛАВНОМ И БИОЭТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Каким конкретным содержанием наполнена аксиосфера человека в современной Украине? Вопрос чрезвычайно сложный и дискуссионный, но именно он послужил отправной точкой для наших исследований. Совершенно очевидно, что проблема поиска стержневых, ценностных ориентиров, необходимых для динамичного развития общества, чрезвычайно актуальна. Специалисты различных областей гуманитарного познания свидетельствуют о сломе прежде существовавшей системы ценностно-целевых установок украинского социума, о перманентных трансформациях и реформациях данной сферы, носящих стихийный характер, что весьма болезненно отражается на мировосприятии человека в целом, стимулируя протестные, нигилистические настроения в обществе. Властными структурами пропагандируется и осуществляется процесс замещения прежних советских ценностей на общечеловеческие, декларируя приоритеты духовного возрождения нации в ее демократических и гуманистических началах.

На наш взгляд, в данном процессе выявляется ряд культурологических трудностей. В данной работе хотелось бы обратиться лишь к одной из них: как соотнести общечеловеческие ценности глобализирующегося мира с традициями, ценностями и культурными идеалами народа, формировавшимися веками? Для конкретизации анализируемого вопроса зададим следующую проблемно-целевую установку: возможно ли формирование новой «панорамной» системы ценностей украинского социума с включением гуманистических начал в их биоэтическом прочтении и с сохранением традиционных православных основ морали и нравственности? Объектом исследовательского интереса данной статьи стали лишь экзистенциальные ценности. Это обусловлено тем, что именно они, по нашему убеждению, составляют фундамент всякой системы ценностей, выступая своеобразным интегралом важнейших качеств личности, формируя ее мировоззренческий базис.

Биоэтическое прочтение экзистенциальных ценностей значимо тем, что оно усиливает социоприродную составляющую современной системы ценностей, постулируя и признавая возможности научного прогресса к улучшению экосоциального бытия человечества. Не случайно нами была избрана в качестве прикладной – биоэтическая модель трактовки ценностей. Полагаем, что данная модель соответствует целевым установкам исследования и позволяет перешагнуть антропологические, видовые пределы бытия человека, выстроенного лишь на его потребностях, побуждая к реализации метапотребностей (в концепции А. Маслоу). Что может стимулировать успешную перенастройку, созвучность мышления человека и реалий практического действия в современном мире, с учетом экосоциальных потребностей и возможностей природы [2].

На фоне смены общенаучных парадигм (признание необходимости разумного сочетания принципов «антропоцентризма» и «биосфероцентризма» в познавательно-преобразующей

деятельности человека) отчетливо прослеживается тенденция переключения биоэтического поиска на новую систему ценностей и формирование принципиально иных биоэтических подходов. Этот процесс выражен в трансформации идейных оснований традиционной модели биоэтики. А именно, эволюции подвергаются базовые постулаты: концепция свободы, концепция справедливости, концепция долга и блага, концепция гуманизма.

К числу основных экзистенциальных ценностей в биоэтике можно отнести: жизнь человека, его здоровье, целостность живых систем (биоса в целом). В новом ракурсе трактуются типичные для биоэтики проблемы личности, ее автономии, ее прав и свобод, как личностно свободного бытия человека, даже освобожденное от болезни и старения. На основании чего формируется расширенная трактовка концепции свободы, включающая признание автономии личности (personal autonomy). Современная трактовка автономии личности признает ее базовой этической ценностью, проявляющейся в свободном выборе пациентом либо медицински возможного, либо медицински гуманного. Этика патернализма, преобладавшая в рамках традиционной модели биоэтики, заменяется более глубокой этикой диалога в сочетании с принципом информированного согласия. Хотя последствия применения патернализма в различных случаях нельзя расценивать однозначно. В одних сферах (медико-биологические эксперименты, клонирование, эвтаназия) – он может быть губительным для личности пациента и грубо нарушать права человека, но в иных случаях (психиатрия, скорая медицинская помощь, кризисные экологические ситуации (Чернобыльская катастрофа и другие)) – выступает как благо, и может быть лишь дополнен элементами свободного волеизъявления.

Современная модель биоэтики отходит от абсолютизации приоритетов, как со стороны врача либо биолога-экспериментатора, так и со стороны пациента – экспериментируемого. Предпочтительной является согласованность в обосновании прав и обязанностей сторон, активное привлечение пациентов к принятию решений, особенно в случаях риска здоровью и жизни человека. Включение идеи диалога необходимо на всех уровнях функционирования современной биоэтики: в системе взаимоотношений «Человек – Наука (медицина) – Человек», а так же «Человек – Наука – Биос».

В системе взаимоотношений «Человек – Наука – Природа» парадигма свободы регулирует подсистему моральных связей человека с самим собой (ученый-естествоиспытатель, медик в условиях нравственного выбора в затруднительной биоэтической ситуации). Очевидна эволюционная, динамическая развертка категории «свобода» в направлении: свобода потребительская («свобода от») к свободе созидательной («свобода для»). В этом случае «свобода от» трактуется, как способность современного человека преодолевать природные формы зависимости от внешнего мира и удовлетворять при этом свои растущие потребности (увеличение активного периода жизни, вплоть до поддержания жизни в вегетативном состоянии, освобождение от многочисленных ранее неизлечимых болезней, сегодня человек волен изменять свою внешность и даже пол, избавляться от тяжелой боли, женщины по своему личному выбору могут иметь либо не иметь детей, даже без присутствия мужчины и т.д.). При современном уровне развития биомедицины человек вполне может достичь определенного уровня «свободы от», но при этом попадая во все большую зависимость и в «несвободу» от современных технических средств, отстраняясь от природы и естества, выделяясь в качестве «надприродного» «цивилизованного» существа.

Таким образом, современная парадигма биоэтики опирается не только и не столько на концепции биомедицинских наук, сколько осваивает свои собственные положения на представлениях о моральных ценностях, куда включаются не только традиционные философские, но и теологические концепции ценностей. Можно утверждать, что в рамках современной биоэтики предпринимается попытка разработать «универсальную», «панорамную» модель объединения всех видов ценностей.

Полагаем, что в данном прочтении биоэтика может способствовать личностному росту человека, его духовному развитию и, вероятно, в перспективе становлению коллективного самосознания социума. Православные ценности не противоречат, а включаются в данную

систему как традиционная база. Причем, стержневым экзистенциалом становится здоровье человека, как основа самостоятельно действующего, граждански активного типа личности.

Итак, междисциплинарный характер биоэтики свидетельствует, что она является специфической областью сотворчества биологии, философии, этики, права и даже религии. Православие, как одна из культурных констант украинского общества и сегодня демонстрирует приоритетность, хотя украинская нация многоконфессиональна издавна. Суть выбора православных религиозных ценностей в том, что они уважаются и даже внутренне глубоко почитаются людьми, хотя внешне это может быть и не выказано в постоянном религиозном проявлении.

Рассмотрим, к примеру, несомненные преимущества православных трактовок понятий «здоровья – болезнь», которые выявляются в видении их духовной нравственной первоосновы. Концепция РПЦ утверждает, что «телесное здоровье не самодостаточно, поскольку является лишь одной из сторон целокупного человеческого бытия» [3]. Телесное здоровье необходимо человеку в качестве естественного сопутствующего элемента духовной жизни, то есть духовное здоровье не может быть без заботы человека о телесном здоровье. Примеров подлинно православного врачевания и словом и делом не мало, можно вспомнить деятельность митрополита Серафима Чичагова, в основе которой было понимание болезни как возможности сподвигнуть себя на самопостижение, как средство искоренения греха, а не просто наказание за грех. Таким образом, в православном измерении проявляется более широкая и глубокая трактовка ценности здоровья, и даже болезни, как своеобразной искупительной силы.

Биоэтическая проблематика свидетельствует, что сфера развитого научного познания живого может существенно влиять на жизнь, здоровье человека, на целостность живого (биоса) нашей планеты, выступающими в современной системе ценностей как самостоятельные экзистенциалы. Причем, деятельность ученых-естествоиспытателей сопрягается с повышением не только моральной, но и правовой ответственности за результаты своего труда. Целью современного научного исследования должен являться поиск таких знаний, которые бы обеспечивали сохранение и процветание человечества на Земле (идея биобезопасности). При этом ценностью обладает не истина как знание об объекте, а истина личностного бытия человека. Важным аргументом идеала истины сегодня выступает момент сближения истины, ценности и блага. В дискурсе между научными ценностями и этическими в рамках биоэтики вполне уместно, на наш взгляд, посредничество религиозного мировидения, несмотря на несхожесть трактовок тех или иных понятий. Подчеркиваю – именно посредничество в качестве своеобразного традиционного мирила, а не полного вытеснения, либо замещения гуманистически ориентированных ценностей религиозными. Конечно же, мы не смогли в рамках данной статьи ответить на изначально поставленный вопрос. Но мы пришли к убеждению о том, что биоэтический дискурс может быть обогащен православным измерением ценностного содержания проблем. А многовековой опыт православной церкви по разрешению моральных коллизий мог бы стать полезным в сотрудничестве с биоэтикой по утверждению исконных духовных ценностей в современном украинском социуме.

Литература.

1. Кудишина А.А. Гуманизм – феномен современной культуры \ А.А. Кудишина. Академический проект, М., 2005.
2. Концепция государственной политики в области биоэтики в Украине. Электронный режим доступа: http://biomed.nas.gov.ua/files/concept_ru.pdf
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Раздел XI. Здоровье личности и народа. Электронный режим доступа: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xi/>

Т. Тарасевич

*научный сотрудник Центра проблем развития образования
ГУО «Белорусский государственный университет»*

ПРОЕКТЫ В ЗАЩИТУ ЖИЗНИ «ПРОЛАЙФ»

В 1993 году наша страна вступила в фазу открытой депопуляции, когда смертность превысила рождаемость, с тех пор в Беларуси наблюдается постоянная убыль населения. Серьёзная угроза депопуляции и причины потери народонаселения, которые страна несёт, связаны с большим количеством аборт. Согласно статистике министерства здравоохранения в Беларуси за 20 лет с 1990 по 2010 годы потери от абортов составили более 2,7 миллионов нерождённых детей. Это цифры официальной статистики. Сюда не входят аборты, проведенные в негосударственных коммерческих кабинетах, аборты, которые фиксируются как регулирование менструальной функции, аборты, которые фиксируются как неразвивающаяся беременность. С 1990 года число абортов в Беларуси снизилось с 247 тысяч до 42 тысяч. Однако их количество остается достаточно высоким. Количество абортов в Беларуси в предыдущие годы: 2008 г. – 42, 2 тысячи, 2009 г. – 36 тысяч, 2010 г. – 33,3 тысячи, 2011 г. – 32 тысячи абортов. Аборт – это не просто прерывание жизни, это не просто удар по женскому здоровью с перспективой онкологии или бесплодия, аборт имеет ещё и долгосрочные последствия, о которых сейчас очень мало говорят, это то, что называется постабортным синдромом. Европейские исследования показывают, что те женщины, которые в свое время сделали аборт, почти в два раза чаще страдают психическими расстройствами по сравнению с теми, кто никогда этого не делал.

Оказывается, что каждая десятая проблема психического здоровья возникла в результате аборта. Ученые предполагают, что аборты зачастую являются причиной беспокойства, депрессии, алкоголизма, наркомании и даже самоубийств.

Исследование профессора Присциллы Коулман было основано на анализе 22 отдельных проектов, которые совместно проанализировали состояние здоровья 877 000 женщин, 163 831 из которых сделали аборт. Результаты проведенного анализа показывают вполне последовательно, что аборт связан с умеренным и высоким повышением риска возникновения психологических проблем после процедуры. Результаты показали, что у женщин, перенесших аборт, риск возникновения проблем психического здоровья увеличился на 81 %. Исследование показало, что с абортами было связано увеличение на 34 % шансов возникновения тревожных расстройств, возможности возникновения депрессии – на 37 %, более чем в два раза увеличивается риск вероятности злоупотребления алкоголем, что составляет примерно 110 %, в три раза увеличивается риск употребления каннабиса, что соответствует 220 %, и на 155 % увеличивается риск предпринять попытку покончить жизнь самоубийством.

Очень важно, чтобы женщины были осведомлены о реальном риске развития психических расстройств после сделанного аборта [1].

Для предотвращения этих тяжелых последствий, общественные и религиозные организации, политики, бизнесмены, врачи, люди с гражданской позицией разрабатывают и осуществляют ряд проектов для защиты жизни и семьи. Международный опыт пролайф-инициатив предлагает широкий диапазон программ и проектов.

В августе 2011 года по распоряжению губернатора Новгородской области Сергея Митина областное подразделение здравоохранения выпустило методические рекомендации, согласно которым обратившиеся за прерыванием беременности должны предварительно получить консультацию психолога. Кроме того, зарплата каждого районного акушера стала напрямую зависеть от количества абортов, совершенных в его районе, и от количества женщин, которых психологам удалось убедить отказаться от аборта. В сентябре глава Пензенской области Василий Бочкарев предложил министру здравоохранения и социального развития региона Владимиру Стрючкову премировать гинекологов за снижение числа

проведенных ими аборт. «В нашем регионе наряду со снижением рождаемости наблюдается увеличение числа абортов. Это связано с тем, что врачи не проводят профилактическую работу, – цитирует губернатора ИА Penza News. – Гинекологу выгодно проводить больше абортов, чтобы получить большую зарплату. Это в корне неверно». Губернатор Ульяновской области Сергей Морозов в декабре 2011 года предложил отказаться от финансирования абортов за счет бюджетных средств. По его мнению, операция по искусственному прерыванию беременности должна стать «платной и недешевой». В Белгороде организован социальный проект «Ничьих детей не бывает». Проект инициировал губернатор Белгородской области Евгений Савченко. Цель проекта «Ничьих детей не бывает» – сокращение числа абортов. Если женщина добровольно откажется от аборта, ей обещана помощь со стороны госструктур. В качестве альтернативного варианта женщинам будет предложено родить ребенка, чтобы затем передать его на попечение государства либо в семью [2].

Сегодня более чем в 50 епархиях Русской Православной Церкви функционируют церковно-общественные центры защиты семьи, материнства и детства, которые занимаются просветительской деятельностью в учебных и медицинских учреждениях, проведением акций, предабортным консультированием в женских консультациях.

Материальную и финансовую помощь в кризисной беременности оказывают более 20 организаций, специализированную юридическую помощь – более 10 организаций. В России работают 7 церковных приютов для женщин в трудной жизненной ситуации. В начале февраля 2012 года служба «Милосердие» открыла в Москве православный кризисный центр для беременных и матерей с маленькими детьми, оказавшихся в сложной кризисной ситуации «Дом для мамы».

«Дом для мамы» – кризисный центр для беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, а также молодых мам с детьми. Подопечным «Дома для мамы» помогут в поиске работы, зачислении детей в дошкольные учреждения, уходе за детьми, ремонте жилья, а также бесплатно предоставят детские вещи, коляски, кровати, лекарства. Духовную поддержку женщинам будут оказывать православные священники. Кроме того, до 10 человек в день смогут принимать сотрудники консультационного центра – юристы, психологи и социальные работники. Будущие мамы получают возможность подготовиться к родам и материнству на бесплатных курсах для беременных, открытых в Марфо-Мариинской обители милосердия.

В Беларуси консультационно-просветительскую работу проводят Центр поддержки семьи и материнства «Матуля» (проект «Помощь женщинам в кризисной беременности») и Фонд «Открытые сердца».

Болгарская Церковь включается в программу по противодействию аборт. Церковь намерена снять фильм о проблеме абортов. Это станет, по словам митрополита Ловечского Гавриила, частью широкой и долгосрочной программы по противодействию аборт, которая начинается в Болгарии. Болгария, как и многие страны региона, стоит перед лицом демографической катастрофы. На 74 500 родившихся в 2011 году в Болгарии детей, приходится почти 50 тыс. искусственных прерываний беременности.

Ещё один проект – принятия закона о сердцебиении может спасти каждый год жизни сотни тысяч детей – причем проект абсолютно не затратный. Достаточно принять инструкцию, чтобы женщины во время беременности имели возможность услышать сердцебиение своего ребёнка. В Америке борются за введение этого закона.

Программа Благотворительного фонда свт. Василия Великого «Живи, Малыш!» предлагает показ видеороликов о счастье материнства преследует две цели: активная просветительская работа и создание позитивной атмосферы в женских консультациях. Именно в консультациях, сидя в очереди на прием к врачу, женщина имеет возможность остановиться, подумать, переключиться со своих настоящих проблем на будущее, узнать о положительном опыте других мам, оказавшихся в подобных ситуациях, понять, что внутри нее растет живой человек! Крайне важно донести до внутренней сути женщины, какой

счастье ей уготовано и как прекрасны дети. Необходимо отвлечь ее от размышлений о сегодняшних, возможно, непростых обстоятельствах, и заставить взглянуть на мир другими глазами [3].

«Окно жизни» – это социальный проект, целью которого является содействие решению проблемы инфантицида – убийства матерью своего новорожденного ребенка в г. Москва. Проект включает организацию работы специализированного места для анонимного приема новорожденных подкидышей при медицинском учреждении г. Москвы. А также проведение комплекса мероприятий, направленных на социальную реабилитацию матерей-одиночек: оказание анонимной психологической помощи женщинам, обратившимся по телефону доверия или через интернет сайт; оказание адресной благотворительной помощи части малообеспеченных женщин и распространение информации об организациях, оказывающих благотворительную помощь женщинам в г. Москва; проведение образовательных мероприятий по планированию семьи, нравственному воспитанию женщин и укреплению традиционных семейных ценностей.

«Беби-боксы» – это специальный контейнер для новорожденных, куда мама может поместить своего младенца. После чего его забирают в медучреждение, где тот находится 30 дней. После этого он переводится в детское учреждение. Российский опыт показал, что желающих усыновить детей, оставленных в беби-боксах, гораздо больше, чем детей. В «окошке жизни» в Риге найден уже 11-й младенец. В целом в "окошках жизни" в Латвии оставлено уже 14 новорожденных, в том числе двое в Лиепае, один в Даугавпилсе, остальные – в Риге [4].

В Венгрии успешно проходит кампания в поддержку усыновлений как альтернативы аборту. Правительство Венгрии серьезно озабочено высоким числом добровольных прерываний беременности в стране. Согласно данным ассоциации в защиту жизни Alfa, распространенным агентством Zenit, число добровольных абортов превышает вдвое данные по Западной Европе. «447 абортов на 1000 новорожденных, – пояснил Имре Тегласи, основатель и президент ассоциации по защите семьи и детей, в том числе новорожденных и еще не рожденных. – Сравним это с Финляндией: 172 аборта на тысячу новорожденных, и с Чешской Республикой – 208 абортов». Для борьбы с этим феноменом были выпущены плакаты с надписью: «Понимаю, что ты не готова стать моей матерью, но прошу тебя, позволь другим меня усыновить». На плакате добавлена фотография еще не родившегося ребенка.

На одной из центральных улиц Вены в витрине можно увидеть изображения развития ребенка. Кроме изображений очень трогательно описаны этапы внутриутробного развития ребенка: сердце начинает биться на 20 день, на 13 неделе ребёнок приобретает черты лица родителей. А также рассказана история одной семейной пары. За 10 минут до назначенного аборта они пришли на консультацию к психологу. Беременная женщина была настроена очень решительно. Психолог постаралась объяснить, что никогда не получится быть счастливыми и обрести душевное равновесие за счёт убийства, тем более ребёнка. В разговоре выяснилось, что старший ребёнок знает о беременности и принимает её. Дети чувствуют, что в семье есть какие-то злые намерения. Два наиболее важных аргумента – не будет счастья, если его пытаются купить ценой убийства ребёнка, и дети воспринимают всё, что происходит в семье. Родители от аборта отказались, Эрнсту теперь 4 года.

На рекламных видеозэкранах в г. Орел демонстрируют ролики о вреде абортов. На видеозэкранах, расположенных на улицах Орла, демонстрируют ролики, посвященные теме вреда абортов и защите материнства и детства. Социальная акция проводится Епархиальным координационным центром защиты материнства. Одновременно в эфире радиостанции «Серебряный Дождь - Орёл» началась трансляция аудиороликов «Дневник нерожденного ребенка». Плакаты и баннеры аналогичной тематики размещаются в салонах общественного транспорта и на улицах города.

Еженедельные молебны об исцелении от бесплодия перед Феодоровской иконой Божией Матери и иконой преподобного Симеона Мироточивого совершаются в московском храме

святителя Алексия, митрополита Московского, в Рогожской слободе (улица Станиславского). Клирик храма святителя Алексия Владимир Духович руководит проектом помощи молодым беременным женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию и стоящим на грани совершения аборта - им оказывается духовная и материальная поддержка. Благодаря этому проекту в результате отказа от аборта родились десять детей.

Накануне Дня защиты детей в городах России и зарубежья проходит Международная акция «STOP аборт!». В рамках противоабортных многочисленных мероприятий проходят теле- и радиоэфир, публикации в печатных и электронных СМИ, автопробеги, пикеты, митинги, зажжение свечей в память о нерожденных младенцах. В целом в акции принимают участие активисты из России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Литвы, Англии, США и других государств. Особое внимание в этом году пролайф-сообщество уделило автопробегу в защиту жизни (против абортов).

Полоцк: первые победы: два года назад в Полоцке при женской консультации открыт кабинет предабортного консультирования. И за это время усилиями психолога и священников удалось спасти 81 жизнь! Действует новый центр «ЗаРождение» [5].

Движение «Пролайф Беларусь» ставит своей целью защиту жизни человека от момента зачатия до естественной смерти в соответствии с духовно-нравственными идеалами христианства, формирование культуры на основании традиционных семейных ценностей, где важное значение придается семье и детям [6].

1200 женщин в Свердловской области отказались от абортов благодаря поддержке Церкви. В ходе реализации проекта «Ты не одна – мы вместе» 4 женщины были устроены в приют кризисной беременности, новую специальность получили 3 молодые мамы, духовная помощь была оказана 30 женщинам. 80 участниц проекта получили юридическую консультацию, медицинское и психологическое консультирование прошли около 200 человек, материальная помощь в виде продуктов питания, детской одежды, пеленок, колясок, кроваток была оказана около 900 женщинам. В рамках осуществления проекта было создано 10 филиалов Центра защиты материнства «Колыбель»: 2 – в Екатеринбурге и 8 – в городах области.

Благотворительный фонд защиты семьи, материнства и детства предлагает коллекция социальной рекламы.

1. Рождение третьего ребенка. Положительный образ трехдетной семьи.
- 2а. Серия «Они родились третьими».
- 2б. Серия «Сохраним наше наследие».
3. Полноценная семья. Рождение ребенка.
4. Защита жизни нерожденных младенцев (антиабортные серии).
- 4а. Серия «Впусти его в свое сердце».
- Серия «Подумайте сердцем».
- 4б. Серия «Выбери жизнь», «Сохрани дитя», «Последствия аборта непоправимы».
- 4б. Серия «Аборт и женское здоровье».
- 4б. Серия «Если я появлюсь на свет...».
5. Профилактика беспорядочных связей и заболеваний, передающихся половым путем.
6. Антикризисная программа.
7. Плакаты (постеры) формата А3.
8. Плакаты против наркотиков.
9. Отцы и дети [7].

Только проведение активной просемейной демографической политики, делающей ставку на свободный выбор семей и отдельных людей в условиях, когда общество, помещает в центр внимания всестороннее поощрение семьи с 3–4 детьми, семейного образа жизни и ведет к устранению депопуляции. Только укрепление семьи с несколькими детьми способно решить проблему демографического кризиса. Путь развития Беларуси – это сохранение семьи и увеличение рождаемости. В истории остаются народы, которые сохраняют свою веру, семью, культуру и цивилизацию.

Литература.

1. По материалам *Daily Mai* <http://www.zdorovo.ua/news/u-zhenschin-kotorye-delayut-aborty-mogut-vozniknut-problemy-s-psihicheskim-zdorovem.html>
2. http://diaconia.ru/news/v-belgorode-organizovan-sotsialnyjj-proekt-nichikh-detejj-ne-byvaet/?utm_medium=twitter&utm_source=twitterfeed)
3. <http://www.zhivimalysh.ru/video/>
4. <http://www.ves.lv/article/210152>
5. <http://www.pvestnik.by/?p=8262>
6. <http://www.pro-life.by/>
7. http://semya.org.ru/pro-family/info_program/collection/index.html

Н.А. Цыркун

*кандидат психологических наук, доцент
эксперт Центра перспективного детства
ГУО «Белорусский государственный университет»*

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ К НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ БЕРЕМЕННОСТИ

Для изучения отношения студенческой молодежи к нежелательной беременности было проведено анкетирование. В анкетировании приняли участие студенты и студентки БГПУ. Возраст респондентов варьировался от 17 до 21 года.

1. В ответах на вопрос «Известны ли вам случаи, когда мужчины (женщины) оценивают беременность женщины как нежелательную?» и студенты, и студентки, в основном, были единодушны. Большинству из них такие ситуации знакомы

Таким образом, ответы "да" (а их было большинство) свидетельствуют: студенты и студентки способны дифференцировать беременность как "желательную" и "нежелательную".

Однако (если судить по количеству аборт) необходимо отметить, что такую оценку и девушки, и юноши дают ретроспективно - уже после того, как беременность стала фактом.

2. Ответы на вопрос "Как относится мужчина к беременности женщины, с которой состоит в интимных отношениях?" были следующими: негативные чувства такая новость вызовет примерно у 40% студентов. Обрадует такое сообщение примерно 24 % студентов. Но чаще всего встречались ответы: "в зависимости от ситуации", "положительно, если будущие родители состоят в браке", "серьёзно, позитивно, если эта беременность запланирована", "смотря какая женщина" (имеется в виду, что есть женщины "для любви", а есть "для секса").

Смысл ответов такой: к беременности любимой женщины относятся нормально, а к беременности той женщины, которая "для секса", – отрицательно.

Обработка ответов девушек даёт основание считать, что они не имеют больших иллюзий в отношении мужчин. Только около 10% студенток верят, что партнёра обрадует такая новость, и ещё меньше – 2% – рассчитывают на заботу мужчины.

Некоторые даже склонны думать, что "партнёр будет обвинять в беременности только её".

В вопросах специально не указывалось, состоят ли люди, находящиеся в интимных отношениях, в браке. Судя по ответам, эта сторона ситуации меньше всего волнует студентов и студенток, чувствуется очень сильное влияние культурных стереотипов, которые культивируются, к примеру, современным кинематографом.

Некоторые считают, что беременностью проверяются отношения, любовь: "если любит – значит хорошо отнесётся, если не любит – плохо".

Примерно 25% анкетированных говорит про категорически отрицательное отношение к беременности. Это также очень высокий процент. Хотя только 2% не желает иметь детей вообще.

3. На вопрос "Что думает мужчина о себе, если узнает, что женщина беременна?" респонденты-юноши высказали несколько вариантов ответов:

- "Наконец-то стану отцом! Бесконечно счастлив" – 18%,
- "Хоть на что-то способен. Я -настоящий мужчина " – 7%.
- "Залетел. Нужно было предохраняться" – 25%;
- Виновен: надо было забежать в аптеку" – 9%,
- "Невиновен. Жениться ещё рано" – 6%,
- "Не знаю" – 35% .

Респонденты-девушки считают, что в такой момент мужчина: «беременность рассматривает как препятствие; боится ответственности и проблем, чаще всего доволен собой, в глубине души гордиться, что может быть отцом, хоть ребёнок ему не нужен, если воспитан, будет думать, как всё исправить».

Позитивные мысли на этот счёт только у 8% студенток.

Принято считать, что в браке новость о беременности женщины будет воспринята партнёром с радостью: "любит меня, а значит – и нашего ребёнка" Если же отношения ограничены исключительно "постелью", то в этой ситуации настораживает большое количество ответов "не знаю" (и у девушек, и у юношей).

Каковы же истоки такого незнания? Это либо полная легкомысленность (когда случится, тогда и буду думать), либо безмерное самопожертвование, чаще всего со стороны женщины, которая даёт себя использовать, не задумываясь о том, что интимные отношения должны основываться на чувствах, например, на взаимной ответственности, любви, уважении.

Результаты опроса показали, что по субъективным оценкам беременность может быть нежелательной в любом возрасте.

4. "Нужно ли прерывать нежелательную беременность?" – таким был следующий вопрос.

Примерно 50% анкетированных считает, что нужно. Объяснения разные: "ребёнок будет несчастлив", "что ещё делать, если так получилось?", "зачем портить себе жизнь?".

При этом необходимо отметить, что в процентном соотношении мужчины-респонденты всех факультетов давали такой ответ значительно реже, чем женщины.

30% опрошенных оказались не в состоянии принять решение. От нежелательной беременности необходимо предостерегаться – такова позиция всех опрошенных.

Рано или поздно каждый приходит к истине, которая выработана столетиями. Когда человек вступает в брак, он приобретает состояние социальной защищенности. Однако каждое поколение молодых людей ищет свой путь в жизни. Вступая в добрые интимные отношения, они берут на себя ответственность, которую не каждому под силу вынести.

5. На вопрос "Сколько детей хотели бы иметь Вы сами?" только около 2% ответили, что не хотят иметь детей вообще. Абсолютное большинство мечтает иметь двух (реже трёх, четырёх).

Однако половина из них, как видно из предыдущих ответов, будет избавляться от нежелательной беременности. Следовательно, выявляется, что желание иметь детей есть, а формы удовлетворения этого желания нет. Очевидный факт: у наших студентов существует разграничение между сексом и семьёй.

Попробуем сделать прогноз, как будут развиваться события у нашей беременной студентки, которая не состоит в браке. Во-первых, она не будет знать, что делать (25%). Во-вторых, она убеждена, что он не должен жениться на ней (25%). В- третьих, даже если она убеждена, что он должен предложить ей руку и сердце (50%), это совсем не значит, что он будет разделять её мысли на этот счёт.

Подведём итог: с вероятностью до 75% у нашей студентки есть перспектива стать матерью- одиночкой или её ждёт прерывание нежелательной беременности.

Полученные цифры свидетельствуют о том, что молодые люди верят, что мужчина, который женился на беременной женщине, "делает ошибку, потому что теряет свободу".

С другой стороны, почти все студентки в случае беременности (при условии её сохранения) не рассчитывают на брак и готовы взять ответственность за воспитание сына или дочери исключительно на себя. Безусловно, это пример не только завышенной уверенности в себе, но и полной безответственности за будущее ребёнка. В третьем случае – прерывание нежелательной беременности – это ещё, возможно, и тяжёлые испытания для её здоровья.

6. Один из вопросов касался отношений с родителями. "Мои родители настаивали бы на прерывании беременности" – так считают 30% респондентов. Ещё столько же не знают, на что рассчитывать. Поддержку от родителей ждут только 30-40% молодых людей.

Итак, в результате нежелательной беременности только 50% студентов будут стремиться вступить в брак, и это при том, что 90% молодых людей хотят иметь 2-3 детей и одновременно уверенно прерывают беременность, почти что (30-40%), не рассчитывая на помощь родителей.

Откуда такой внутренний разлад у наших студентов? Может быть потому, что у большинства из них ответы продиктованы хорошо известной внутренней нормой жизни (иметь детей в законном браке, хорошо их воспитывать). С другой стороны, существует образец поведения, который молодые люди переняли от кого-то, но что делать с итогами, не знают. Существует какое-то противоречие в самой постановке вопроса: "Может ли беременность быть нежелательной?"

Например, когда на небе чёрная туча, дождь желателен или нет? Его даже нельзя назвать неожиданным – было понятно, что дождь будет, нужно только взять зонтик. Так и с беременностью: она – естественное следствие половой жизни и не может быть нежелательной или неожиданной.

Е.Е. Чистякова

*методист управления воспитательной и идеологической работы Научно-методического учреждения «Национальный институт образования»
Министерства образования Республики Беларусь*

МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ КРИЗИСНОЙ БЕРЕМЕННОСТИ

Государственная политика в области сохранения репродуктивного здоровья, сокращения уровня смертности, увеличения рождаемости и продолжительности жизни населения отражена в Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы. В главе 2 «Демографическая ситуация в Республике Беларусь: основные проблемы и тенденции» отмечено, что снижение потребности в детях, утрата многодетности как национальной традиции привели к тому, что сегодня белорусская семья – это, как правило, семья с одним ребенком. Удельный вес таких семей в республике составляет 62%, в то время как многодетных (с тремя и более детьми) – лишь 6%. Это значит, что уже в следующем поколении число семей может сократиться на треть. Закрепление и распространение малодетности в массовом сознании может привести к необратимости процессов воспроизводства населения. В этих условиях одной из первостепенных задач демографической политики должно стать возрождение авторитета семьи, семейных ценностей. Приоритетом в сфере стимулирования рождаемости является поддержка двух- и трехдетной семьи. При этом каждый родившийся ребенок должен быть желанным, поскольку семья выступает наиболее оптимальным социальным институтом для гармоничного развития личности ребенка, его социализации, подготовки к семейной и трудовой жизни[1].

В Республике Беларусь, в сложившейся демографической безопасности, особое значение приобретает создание условий для сохранения жизни каждого ребенка. Осуществление мероприятий по предупреждению аборт, проведение консультаций по вопросам социальной и психологической помощи женщинам, обращающимся по поводу прерывания беременности, формирование у женщины сознания необходимости вынашивания беременности и дальнейшая поддержка семьи в период беременности – одно из главных направлений деятельности специалистов, работающих в области охраны здоровья, материнства и детства.

В начале в 20-х годах XX века СССР стала первой страной в мире, легализовавшей аборты. В период с 1936 по 1956 гг. аборт был запрещен, а проведение его было уголовно наказуемым, что повлекло за собой рост числа аборт криминальных. При этом резко увеличилась материнская смертность от аборта, проведенного вне медицинского учреждения. После повторной легализации прерывания беременности в 1960-1970 гг. статистика засвидетельствовала самый высокий в мире показатель числа распространенности аборт. В настоящее время ситуация не изменилась.

Существует мнение, что основными причинами, побуждающими женщину принять решение о проведении аборта, являются в большей степени социальные факторы: низкий материальный уровень, недостаточный доход семьи, отсутствие собственного жилья и др.

Российские психологи, работающие с женщинами, решившимися на искусственное прерывание беременности, выделяют несколько мотивов или причин, по которым женщина идет на этот шаг:

Неспособность/нежелание женщины отказаться от ранее намеченных планов	24 %
Нестабильность отношений с отцом ребенка (внебрачный ребенок)	18%
Эгоизм матери, либо обоих родителей	17%
Неудовлетворительное финансовое положение семьи	13%
Страхи (возрастная беременность, трудность воспитания детей)	10%
Неудовлетворительные жилищные условия	9%
Давление со стороны мужа, либо родителей	7%
Другие (прием антибиотиков во время беременности, беременность не от супруга)	2%

Опыт работы с женщинами, находящимися в кризисной ситуации незапланированной беременности, показывает, что определяющими фактором принятия решения об аборте являются причины не только социального и материального плана, но и духовно-нравственного. Чаще всего, когда женщина говорит о финансовых трудностях, она не хочет терять привычный уровень качества жизни, жертвовать собственным временем, карьерой, определенным запланированным уровнем жизни. Нацеленность на материальные достижения, личный успех, карьеру, потребительство вынуждает женщин идти против своего природного предназначения – материнства [2].

В России в учреждениях здравоохранения организации и проведению консультирования беременных женщин, решившихся на прерывание беременности, отведено особое место. В структуре женских консультаций работают кабинеты психологического доабортного консультирования.

В нашей стране проведение квалифицированной психологической помощи женщинам, находящимся в состоянии кризисной беременности, становится также актуальной.

В 2011 году в рамках проекта Министерства здравоохранения и волонтеров христианских движений «В защиту жизни» и Центра поддержки семьи и материнства «Матуля» (г. Минск) в женских консультациях столичного города было организовано консультирование женщин, находящихся в состоянии кризисной беременности. Психологами-консультантами разработана модель психологического консультирования женщин, решивших прервать беременность. При обращении женщины с нежелательной беременностью в женскую консультацию, врач проводит мероприятия по установлению точного диагноза и

определения состояния здоровья. Одновременно с проведением обследования акушер-гинеколог рекомендует женщине консультирование психолога-консультанта женской консультации. Основная задача психолога-консультанта – помочь женщине найти и задействовать внутренние и внешние ресурсы, необходимые для преодоления стоящих перед женщиной препятствий к рождению ребенка. После консультации психолога и обсуждения возможных вариантов в семье и с близкими, женщина вновь посещает врача и окончательно принимает решение.

Каждая женщина, с которой приходится беседовать – уникальна, так как и ее жизненная ситуация, и ее отношение к еще не родившемуся ребенку. Поэтому сложно выстроить определенную схему работы для проведения беседы. Но рассмотреть все грани и аспекты ее жизни, семьи, детей и будущего ребенка в позитивном ключе психологу-консультанту необходимо.

Мы представляем примерную модель психологического консультирования женщин, находящихся в ситуации кризисной беременности. Модель представляет собой этапы работы или направления беседы, а именно:

1) первый этап – выяснение причин, по которым женщина хочет искусственно прервать беременность. На данном этапе консультант проводит установление контакта и доверия; диагностику проблем, подтолкнувших женщину данному решению, и ее психоэмоционального состояния;

2) второй этап – повышение степени осознания ситуации, в которой находится женщина. Информирование о медицинских, социальных, духовно- нравственных аспектах аборта;

3) третий этап – формирование позитивного образа своего будущего, связанного с рождением ребенка. Разработка поведенческой стратегии, мотивирование на получении различных видов помощи (социальной, юридической, материальной) и т.д.

4) четвертый этап – «пробуждение» материнских чувств, обсуждение духовно-нравственных вопросов, касающихся рождения детей, любви к близким, ответственности и роли женщины в семье.

Ситуация незапланированной беременности для большинства женщин сама по себе является стрессовой. В состоянии стресса человек не всегда способен принимать взвешенные, осознанные решения, свободные от влияния страхов и эмоций.

Женщины, имеющие низкий уровень осознания духовно-нравственной стороны аборта, не связывают его с негативными последствиями для собственного здоровья и здоровья будущих детей.

Эффективность работы по предупреждению аборта зависит не только от профессионализма психолога, но и от условий проведения консультирования. Кроме этого, психолог, работающий с женщиной должен быть лично и эмоционально зрелым, обладать высокой стрессоустойчивостью, а также высоким духовным и нравственным уровнем собственного развития. На наш взгляд, эффективность и результативность работы специалиста, зависит именно от этих факторов.

Психологическая работа с женщинами продолжается и после принятия ими решения о сохранении беременности. Психологи-консультанты продолжают общение по вопросам семейных и межличностных отношений, воспитания детей, личностного роста и т.д.

Разработанная методика организации работы и проведения психологического консультирования женщин, находящихся в состоянии кризисной беременности, проекта Министерства здравоохранения и волонтеров христианских движений «В защиту жизни» может быть успешно применена и в других медицинских учреждениях нашей страны.

Литература.

1. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы (утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 357).

2. За жизнь. Защита материнства и детства: опыт и методика работы / Синод. отд. благотворительности и соц. служению Русской Православной Церкви; [сост.: С.В. Чесноков, свящ. И. Тарасов]. – М.: Лепта Книга, 2011. – 464 с.
3. Есипова Н. Д. Методические и организационные аспекты консультирования по проблеме абортов. М.: Проспект, 2009. – 72 с.

О.В. Огирко

*доктор философии, доцент
доцент Львовского национального университета
ветеринарной медицины и биотехнологий имени С.З. Гжицкого
(Украина)*

БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АБОРТОВ

Аборт (из латинского *abortus* – выкидыш) – “прекращение беременности, что является независимо от того каким образом выполнен – сознательным и непосредственным убийством человеческого существа в начальной стадии его жизни, охватывающий период между зачатием и рождением” [1, с. 58]. Аборт всегда является моральным злом и никакие аргументы “никогда не могут оправдать умышленного лишения жизни невинного человеческого существа” [1, с. 58]. Еще святой Василий Великий в IV ст. учил: “Женщина, которая сознательно убивает плод, подлежит такому же наказанию, как за убийство. Не следует уточнять, был ли плод уже сформированным, или он еще был аморфным. Ибо в этом случае справедливости требует не только существо, которому надлежало родиться, но и тот, кто сделал ему зло, ибо, как это часто бывает, женщины умирают от таких процедур. К этому добавляется убийство плода, а это уже второе убийство, по крайней мере, в намерении тех, кто решается на такой шаг. Однако тем женщинам не надо затягивать епитимью до самой смерти, они должны получить измеренную им епитимью на 10 лет, а их исправление надо определять не временем, а способом, которым они проявляют свое сокрушение”.

Биология утверждает, что человеческая жизнь начинается с момента оплодотворения. И именно с этого времени еще не родившийся ребенок является живым существом, развивается в соответствии генетического кода. Создан Господом Богом по Его образу и подобию человек, создан для других и с другими людьми, призван к сообществу и самопожертвованию. Человеческая жизнь уже сама в себе является Божьим даром. Нет никакого оправдания женщинам, которые делают аборт. И, наверное, они бы этого не делали, если бы задумались, что собой представляет их ребенок, если бы видели его тело.

Жизнь ребенка начинается не с рождения, а еще с момента зачатия, когда в утробе матери только оплодотворенная клетка множится и развивается. За свидетельством медицинской литературы, уже на 22-ой день после зачатия бьется сердце нерожденного ребенка, на 28-й – уже сформирован весь организм ребенка, на 6-ю неделю ребенок уже воспринимает первую информацию, на 8-ю неделю ребенок уже имеет собственные отпечатки пальцев, которые останутся на всю жизнь, на 9-ю неделю ребенок полностью телесно сформирован, а на 19-20-ю неделю мать чувствует первые движения своего ребенка. Между 18 и 21 днями после зачатия сердце ребенка настолько развито, что бьется и разносит кровь в собственных сосудах. В конце третьей недели мозг настолько развит, что в нем заметна кора. Первые движения ребенка наблюдаются уже в клетке, после пяти с половиной недель ребенок уже двигает головкой, а в шестинедельном возрасте – всем телом. Рефлексы замечаются на шестой неделе. Восеминедельный ребенок сжимает кулачок, отдыхает и спит. Если прикоснуться пальчиков девятинедельного ребенка, то его пальчики сжимаются в кулачок. На одиннадцатой неделе он сосет пальчик, реагирует на звуки, то есть слышит. Слышит голоса родных ему людей – отца и матери. Эти голоса будят его,

маленький ребенок радуется, что рядом есть люди, которые дали ей самое дорогое – жизнь. Вот на что возвышается рука матери, когда она соглашается на аборт. Аборт наносит тяжелые последствия и самой матери. Наибольшей потерей является потеря собственного сына или дочери. Во-вторых: это физические последствия, которые переносит мать – десятки болезней, вызывающие дальнейшее бесплодие. Во многих случаях аборт приводит к смерти матери. Страшными являются психологические последствия: постоянная вина перед нерожденным ребенком, грусть за ним, и тому подобное. Также возможно дальнейшее ухудшение отношений в семье. Убитый ребенок может стать первым и последним, которого Творец дал родителям. Последствия аборта катастрофические – государство теряет будущего гражданина [5, с.3].

Аборт противоречит всем нравственно-этическим нормам. Мерилом наших поступков есть совесть, а в совести каждого человека Господь Бог запечатлел: “Не убивай”.

Аборт – это всегда смерть, безвозвратная и непоправимая, насильственное вмешательство в природные процессы женского организма, которые могут приводить к различным психосоматическим или даже психическим расстройствам. Родители всегда несут прямую ответственность за жизнь своего ребенка, а особенно мать. Женщины, перенесшие аборт, страдают от глубокого, преимущественно морального, чувства вины за причастность к гибели плода. С этим связано очень много проблем у родителей, а больше у матерей. После аборта женщины чаще страдают постабортным синдромом: муки совести, депрессия, чувство вины, самоагрессии; злоупотребление медикаментами, алкоголем, наркотиками. Это сочетание психических симптомов и заболеваний, которые могут проявляться вследствие переживаний после аборта.

Аборт может быть спонтанным или добровольно совершенным. Спонтанный аборт – это такой аборт, который происходит через случайные и патологические причины, независимые от человеческой воли (например, падение, внутриматочный дефект и др.). В таком случае нельзя говорить о моральной вине. Если причина аборта является очевидной и сознательной небрежностью, которая провоцирует выкидыш, то с нравственно-этической точки зрения он является совершенным добровольно, то есть посредством прямого желания.

Папа Иоанн Павел II в своей энциклике “*Evangelium vitae*” подал такое определение аборта: “Аборт, совершенный в любой способ, является сознательным и прямым убийством человеческого существа между зачатием и рождением, в самом начале его жизни” [2, с.58].

Жизнь ребенка от самого зачатия полностью доверена матери, которая о ней заботится, но порой драматические ситуации или эгоистические убеждения могут заставить женщину прибегнуть к уничтожению жизни, которую она вынашивает в себе. Однако было бы несправедливым сбросить всю ответственность за аборт только на мать, так как часто вместе с ней, находятся и другие лица, ответственность которых можно считать такою же, а иногда даже большей, чем самой матери. Может быть виновным отец ребенка, который прямо заставляет мать сделать аборт или делает это косвенным способом: оставляет ее во время беременности наедине с проблемами, временами слишком серьезными. Не следует забывать также и о намеках, и соучастии, которые происходят от родных, близких и друзей, которые временами делают это во имя уважения, доброго имени, женской свободы. И наконец, последняя и большая ответственность касается врачей и медсестер, которые непосредственно выполняют аборт [4, с.83].

Женщина, которая испытала на себе сексуальное насилие, не может действовать насильно против жизни ребенка, которого она носит в себе: нельзя увеличивать жестокость жестокостью, но она призвана найти в себе силы в свете Евангелия, чтобы победить зло добром через акт принятия, который, с одной стороны, приносит ей терпение, а с другой – является переполненным человеческими ценностями. После того, как против женщины было совершено сексуальное насилие и результатом этого насилия оказалась нежелательная беременность, обязанностью церковной общины является поддержать ее, помочь такой женщине победить зло добром и любовью, и постараться не уничтожить эту невинную жизнь, что в ней зачалась, чтобы, таким образом, она стала по-христиански способной

принять этого ребенка. После того, как она его родит, действительно героическим поступком будет оставить его с собой, потому что это ее ребенок, а в противном случае отдать на усыновление другим родителям [4, с.84].

В современности аборты стали общественными проблемами, которые привели до так называемой “абортивной ментальности”. Папа Иван Павел II в своей энциклике “*Evangelium Vitae*” подал следующие причины существующей ситуации:

1. Рост морального пермисивизма и абсолютизация понятия свободы.
2. Кризис семьи.
3. Влияние определенных философских направлений на государственное законодательство, которые отбирают статус лица у нерожденного ребенка и позволяют на уничтожение его жизни.
4. Позиция антисолидаризма по отношению к жизни, наиболее беззащитной и самой слабой, в основании которой лежит чаще всего гедонизм одиночного человека или всей общественной группы.
5. Контрацептивная ментальность и плохое понимание смысла человеческой сексуальности.
6. Демографический рост в слаборазвитых государствах и узурпация власти высокоразвитых стран к решению нравственных проблем в этих странах; экономические интересы – политически развитой страны [2, с. 4,8,11,16].

С нравственной точки зрения нужно ясно подтвердить, что искусственный аборт является убийством нерожденного ребенка; представляет насилие относительно фундаментального права, которым является право на жизнь.

Так называемая “процедура прерывания беременности” переносит ответственность мира взрослых на ребенка; при нелепости взрослых платить нерожденным наивысшую цену – потерю жизни, о которой они совсем не просили.

Недостача уважения к зачатой жизни создает в человеке желание абсолютного владения над жизнью и смертью другого. Современную “цивилизацию смерти” не случайно называют диктатурой морального релятивизма.

К сожалению, в современном обществе воцарился материализм и либерализм в государственных структурах, а в семейной и личной жизни людей – пермисивизм (запрещено запрещать), связанный из консумизмом (потреблением) и гедонизмом (наслаждением). Пермисивизм – (из латинского *permissus* – разрешение, допущение), обычная развязность. Позиция, которая допускает и одобряет большие моральные проступки человека, как разрешенные, если ими руководит поиск приятности. Это в особенности касается сферы сексуальных проступков. “Должно беспокоить – писал Иоанн Павел II – падение многих основных ценностей, которые составляют бесспорное добро мало того, что христианской, но просто человеческой нравственности, моральной культуры, – таких, как уважение жизни, уважение супружества в их неразрывном единстве для постоянства семьи. Нравственный пермисивизм угождает, прежде всего, этой самой чувственной отрасли в сожительстве людей. В паре с ним идет кризис правды во взаимоотношениях между людьми, нехватка ответственности за слово, утилитарное отношение к человеку, потеря ощущения подлинного общего добра и лёгкость, с какой оно подвергается разъединённости. В конечном итоге – десакрализация, которая часто превращается в “дегуманизацию” [3, с.12].

Современная цивилизация консумизма заключается в неограниченном стремлении к потреблению и к обеспечению себе доступа к благам и услугам. Это стремление не только становится главным стимулятором экономического роста, но также главной причиной утверждения фальшивой иерархии ценностей, которая дает первенство “иметь” пред “быть”, материальным ценностям пред духовными, вещам пред личностью.

Литература.

1. Иоанн Павел II, папа Римский. Сияние истины / Пер. с лат. *Veritatis splendor*. – М.: Изд-во францисканцев, 2003. – 167 с.

2. Иоанн Павел II, папа Римский. Евангелие жизни / Пер. с лат. *Evangelium vitae*. – М.: Изд-во францисканцев, 1995. – 23 с.
3. Иоанн Павел II, папа Римский. Бог, богатый милосердием / Пер. с лат. *Dives in misericordia*. – М.: Изд-во францисканцев, 1980. – 299 с.
4. Жизнь во Христе: моральная катехиза. – Львов: Изд-во УКУ, 2004. – 179 с.
5. Огирко О. Христианская этика для всех. – Словарь христианско-этических терминов. – Львов: Изд-во Львовского ЦНТЭИ, 2009. – 272 с.
6. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русск. пер. с прилож. 4-е изд. Брюссель, 1989. – 2535 с.

Раздел III. Ответственность родителей: социальный, нравственный и юридический аспекты

В.А. Артёмова

*магистр философских наук
сотрудник Отдела по вопросам новых религиозных движений
Минского Епархиального Управления*

ОТКАЗ ОТ ПЕРЕЛИВАНИЯ КРОВИ КАК УГРОЗА ДЛЯ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ, РОЖДЕННЫХ В СЕМЬЯХ СВИДЕТЕЛЕЙ ИЕГОВЫ

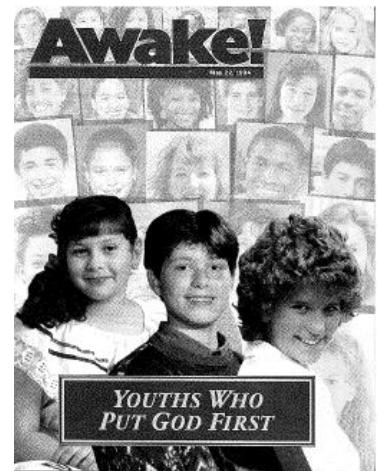
В отличие от многих новых религиозных движений (НРД), пришедших на постсоветское пространство в 70-е - 80-е годы прошлого века, Свидетели Иеговы появились на территории Российской Империи в конце XIX века и уже в 1913 году были официально зарегистрированы как религиозная организация. Являясь псевдохристианской, данная секта привнесла в христианское вероучение ряд существенных искажений, которые стали восприниматься ее последователями как непререкаемые истины. Одним из таких нововведений у Свидетелей Иеговы стал запрет на переливание крови.

Для подтверждения того, что гемотранфузия является греховной и оскверняет тело человека, последователи Общества Сторожевой Башни приводят следующие библейские места: *"только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте"* (Быт. 9:4), *"ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела..."* (Лев. 17:14), *"...а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови..."* (Деян. 15:20) [1]. Неправомерность Свидетелей Иеговы в толковании данных отрывков заключается в следующем. Во-первых, вышеприведенные ветхозаветные и новозаветные цитаты вырываются ими из контекста. При прочтении полного текста 9 главы книги Бытия, 17 главы книги Левит и 15 главы книги Деяния становится понятно, что речь идет об употреблении крови в пищу. Более того, отрывок из Нового Завета повествует о конфликте, который возник в молодой христианской Церкви по вопросу соблюдения обрядов Моисеевых. В том числе, когда выяснилось, что обращенные иудеи едят только определенную Законом пищу, а обращенные язычники – всякую, апостолы постановили, что продолжать соблюдать, а что – нет. Во-вторых, нужно помнить исторический контекст, в котором в Ветхом Завете был дан запрет на употребление крови. Так, в Толковой Библии А.П. Лопухина находим следующее пояснение: *"общенародная психология древности основной принцип животной жизни, т.е. то, что называется душою, полагала скрытым в крови его. Становясь на точку зрения этой наивной психологии и желая на почве ее внушить человеку возможно больше уважения ко всякой чужой (в том числе и животной) жизни, Бог и дает запрещение употреблять в пищу кровь"* [2]. В-третьих, запрет на употребление крови становится понятным для христиан, т.к. в ветхозаветное время "кровь являлась как бы прообразом крови Пречистого, Божественного Агнца Христа, пролитой Им на кресте за спасение мира (Евр. 10:4; 1 Иоан. 1:7)" [3]. Запрет на употребление крови именно в пищу подтверждают 63-е Апостольское Правило, 2-е правило Гангрского Собора и 67-е правило VI Вселенского Собора. Таким образом, никаких запретов на медицинские манипуляции с кровью нет ни в Библии, ни в наследии Святых Отцов.

Следует отметить, что в антропологии Свидетелей Иеговы душа человека оказывается напрямую связанной с его кровью. В Православии есть два взгляда на состав человека - дихотомическая антропология (различает в человеке душу и тело), и трихотомическая (более детальное деление на дух, душу и тело). И в первом, и во втором взгляде можно наблюдать уважительное отношение к телесному составу человека. Однако в православной традиции

душа не является нераздельно связанной с телом настолько, чтобы пересадка органов или переливание крови нарушило целостность личности человека и замысел Божий о творении, как это провозглашается у Свидетелей Иеговы.

При рассмотрении истории Общества Сторожевой Башни можно выделить ряд ключевых моментов, когда руководство секты принимало поворотные решения по интересующему нас вопросу. Причем зачастую политика руководства в отношении вакцинации, пересадки органов и переливания крови менялась кардинально, а то и по несколько раз. Так первое упоминание об употреблении крови можно найти у Чарльза Рассела в 1892 году. По его мнению запрет в книге Деяний святых апостолов был временной мерой для развития единства в переходный период от иудейской эры к христианской эре. В 1909 году он говорит о том, что данный запрет распространяется и на всех христиан. В 1919 году главным редактором *"The Golden Ages"* становится Клейтон Вудворт, который использует журнал для распространения своего негативного отношения к медицине в целом и к вакцинации в частности. Так в 1922 году в *"The Golden Ages"* появляется статья "Вакцинация – это мошенничество". В 1931 году Свидетели Иеговы официально запрещают вакцинацию (о гемотрансфузии пока не говорится). В 1940 году в Сторожевой Башне появляется статья о героическом докторе, перелившем свою кровь пациенту. И вот, поворотным моментом становится 1945 год, когда Общество Сторожевой Башни официально запрещает переливание крови и продуктов крови. В 1949 году в одной из статей Свидетелей Иеговы пересадка органов называется одним из величайших чудес хирургии. 1952 год – в одном из обращений к последователям вакцинация снова разрешается. В 1958 году переливание крови по-прежнему осуждается, но человек, прибегнувший к нему не изгоняется из общины, а объявляется духовно "незрелым", также в виде исключения разрешаются препараты на основе сыворотки крови. 1961 год налагает полный запрет на переливание крови и употребление препаратов, изготовленных с сывороткой крови; нарушение данного пункта влечет за собой изгнание из общины. В прессе Свидетелей Иеговы говорится о том, что через кровь передаются личностные черты и качества человека, в том числе склонность к убийству и самоубийству. В этом же году донорство органов объявляется с одной стороны каннибализмом, а с другой – личным делом совести каждого. В 1964 году Свидетелям Иеговы, работающим врачами, разрешается делать переливание крови пациентам не-Свидетелям Иеговы. 2 года спустя переливание крови приравнивается к людоедству. А еще через год и пересадка органов становится одной из форм каннибализма. В 1974 году применение сыворотки крови объявляется делом совести. В начале следующего года Общество считало недопустимым использования плазмы крови при лечении гемофилии, но всего спустя 4 месяца это также становится делом совести последователей (с оговоркой, что использовать плазму крови можно только 1 раз). В 1977 году Свидетели Иеговы издадут брошюру "Кровь", в которой увещевают родителей стойко держаться вероучения и не допускать переливания крови у детей. В 1980 году создается ряд Комитетов по связи с больницами, которым поручается помогать тяжелобольным Свидетелям Иеговы не допустить переливание крови в больницах. 1980 год: пересадка органов вновь объявляется личным делом совести. 22 мая 1994 года в журнале *"Пробудитесь!"* помещается статья под названием "Эти молодые предпочли Бога" о трех детях Свидетелей Иеговы, которые умерли, отказавшись от переливания крови. В 1995 году разрешается переливание крови "от себя себе". В июне 1997 года создается Associated Jehovah's Witnesses for Reform on Blood (Объединение Свидетелей Иеговы за Реформу по Вопросам Крови). С 2000 года Обществом Сторожевой Башни в журнале *"Сторожевая Башня"* от 15 июня было дано разрешение на переливание фракций крови, полученных из кровяных телец. Через 4 года рядовых Свидетелей Иеговы информируют о возможности использования гемоглобина как личного

дела каждого. (По материалам AJWRB) [4]. Таким образом, мы видим, как менялось отношение к вопросам вакцинации, донорства и гемотрансфузии в секте. Неизвестным остается число людей, пострадавших от такого непостоянства в вероучении организации.

До настоящего времени официального разрешения на переливание крови своим последователям Общество Сторожевой Башни не дало, что зачастую ведет к весьма плачевным результатам. И если чаще всего взрослый человек со сформировавшимся мировоззрением сам принимает решение о том, переливать ли ему в случае необходимости кровь или нет, то дети в этом случае оказываются заложниками убеждений своих родителей. Так, в бюллетене *"Наше Царственное Служение"* (1996 г., февраль) даются четкие указания: "Прежде всего убедись: все ли в твоей семье заполнили полностью свой медицинский листок... есть ли у каждого из ваших некрещеных детей заполненное удостоверение личности?", "затем убедись, что твои дети всегда носят этот документ с собой. Проверяй это каждый день..." [5]. Здесь речь идет о документе, который каждый Свидетель Иеговы обязан постоянно носить с собой, и в котором он подтверждает недопустимость переливания ему крови. В случае с детьми документ подписывают родители. Сложно представить, к скольким покалеченным судьбам привело упорство родителей и их отказ от гемотрансфузии своим детям во всем мире. Пресса освещает лишь самые громкие дела, часто связанные с судебными исками врачей, ратующих за спасение жизни своих пациентов. Остальные остаются как бы "за кадром".

Остановимся для анализа случаев, когда родители отказываются от переливания крови своим детям, на двух сектоведческих порталах: "Отдел по вопросам новых религиозных движений Минского Епархиального Управления" (<http://www.sobor.by/center.php?n=Svedki>), "Центр Ириней Лионского" (<http://iriney.ru/sects/witness/index.htm>), миссионерском сайте "К истине" (http://www.k-istine.ru/sects/iegova_witness/iegova_witness.htm) и так называемом "Кладбище Свидетелей Иеговы" (<http://watchtower-blood.org/victims/index.shtml>). Всего на данных порталах рассказывается о 61 случае, когда родители были против переливания крови в 13 различных странах (в Австралии, Австрии, Бразилии, Великобритании, Германии, Испании, Канаде, России, США и др.). Упоминания о судах, инициированных врачами, начинаются с 2000 года. Всего суды проходи в 25% из всех рассматриваемых случаев, и каждый суд принимал решение о том, что переливание крови оправдано, и его необходимо сделать даже вопреки мнению родителей. Родители троих детей специально долго тянули суды, так что положение ребенка стало критическим (2 смерти и 1 кома). Только в двух случаях из 61 родители сами поменяли решение и добровольно разрешили переливание крови. В 66% от всех рассматриваемых случаев переливание крови не было сделано, в результате чего в 98% наступила смерть, описывается 1 случай комы. 18% составляют новорожденные дети, из них половине не сделали переливание крови, и они умерли. Наибольшее количество подобных инцидентов описывается в США и России. Так прокуратура штата Флорида, которая обычно занимается уголовными преступлениями, отстаивает интересы малолетних в подобных случаях с 1993 года. А в России 24 января 2011 года суд впервые осудил Свидетельницу Иеговы, отказавшуюся перелить кровь сыну, который из-за этого умер. В

МЕДИЦИНСКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ*	
Ф.И.О.:	_____
Адрес:	_____
Телефон(ы):	_____
 ДРУГОЙ МЕДИЦИНСКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ*	
Ф.И.О.:	_____
Адрес:	_____
Телефон(ы):	_____
dpa-U Uk 11/04 страница 2	

* Примечание. Своим представителем ты можешь выбрать любого взрослого человека, но не рекомендуется выбирать своего врача, его коллег по работе либо кого-нибудь из сотрудников больницы или дома престарелых, где ты можешь проходить лечение, за исключением близкого родственника, брачного спутника или приемного члена семьи.

Волеизъявление относительно медицинского вмешательства
(подписанный документ вступает в силу)

НИКАКОЙ КРОВИ

октябре 2012 года Законодательное собрание Петербурга одобрило в первом чтении проект изменений в закон "Об основах охраны здоровья граждан в РФ". Законопроект разрешает медицинское вмешательство вопреки воле больного или его законных представителей, если это необходимо для сохранения жизни человека. Основной целью данного законопроекта является борьба со Свидетелями Иеговы в вопросе разрешения на переливание крови.

Таким образом мы видим, что приверженность родителей к секте Свидетелей Иеговы может нанести вред здоровью и/или даже привести к смерти ребенка. Не подтвержденный библейским учением и более того меняющийся при смене приоритетов в вероучении Общества Сторожевой Башни запрет на гемотрансфузию привел и приводит к многочисленным смертям среди младенцев, детей и подростков Свидетелей Иеговы. Воспитанные в полном подчинении учению данного НРД, а также под влиянием мнения родителей о том, что переливание крови греховно и оскверняет тело и душу, молодые люди и в сознательном возрасте несут эту идею как непререкаемую истину, уча в последствии этому же и своих детей. Известны случаи, когда беременные молодые женщины, отказываясь от переливания, теряли ребенка и гибли сами.

Подчеркивая, что *"суббота для человека, а не человек для субботы"* (Мк. 2:27), Спаситель указывает, что святость субботнего дня не должна стать для нас более важными, чем спасение человеческой жизни (в данном контексте "святость крови"). Свидетели Иеговы приняли целый ряд правил и запретов *"сверх того, что написано"* (1-е Кор. 4:6). И точно так же, как в свое время иудейские начальники вызвали на суд исцеленного Иисусом человека и его родителей, руководство Свидетелей Иеговы строго следит за исполнением запрета на переливание крови.

Литература.

1. Что в Библии говорится о переливании крови? // Свидетели Иеговы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jw.org/ru/> – Дата доступа: 27.03.2013.
2. Книга Бытия. 9 глава. Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета А.П. Лопухина // Библейские Проекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bible.in.ua/underl/Lop/1.htm#01;009> – Дата доступа: 27.03.2013.
3. Правила Святой Православной Церкви с толкованиями. Часть 1. Правила святых Апостолов. Правило 63 // Православие и современность. Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikodim_milosh/rules1/70.html – Дата доступа: 27.03.2013.
4. How Watchtower blood policy has changed over the years.// AJWRB Website [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ajwrb.org/timeline/timeline.php> – Дата доступа: 27.03.2013.
5. Готов ли ты к испытанию веры в случае медицинского вмешательства? // Наше Царственное служение. – 1996. №2. – С.3.

Протоиерей Владимир Башкиров

*доктор богословия, заведующий кафедрой богословия
ГУО «Институт теологии им. Святых Мефодия и Кирилла»
Белорусского государственного университета,
профессор Минской Духовной Академии*

РОДИТЕЛИ КАК ВОСПИТАТЕЛИ И ПЕДАГОГИ (ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯД)

Для христиан воспитание детей всегда было связано семьей, в которой ребенок растет и получает с самого своего рождения первые нравственные и житейские навыки. Эта мнение

черпалась ими из Священного Писания и Предания отцов Церкви. По мнению церковных педагогов, бездеятельность или равнодушие всегда приводит к тому, что родители оказываются бессильными над взрослыми детьми, если их воспитания не начинается с самого раннего детства: «Чему детство обучено бывает, к чему привык человек с малых лет, того дряхлая старость не хочет оставить» [10, с. 1].

Приведем только два примера из Священного Писания:

«Наставь юношу в начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится» (Притч. 22, 6);

«Есть у тебя сыновья? Учи их и с юности нагибай шею их» (Сир. 7, 25).

Известный подвижник авва Дорофей (6 век) комментирует эти и подобные мысли в виде притчи: «Один великий старец прогуливался с учениками своими на некотором месте, где были различные кипарисы, большие и малые. Старец сказал одному из учеников своих: «Вырви этот кипарис». Кипарис же был мал, и брат тотчас одною рукою вырвал его. Потом старец показал ему на другой, больший первого, и сказал: «Вырви и этот». Брат раскачал его обеими руками и выдернул. Опять показал ему старец другой, еще больший, он с великим трудом вырвал и тот. Потом указал ему на иной еще больший; брат же с величайшим трудом, сперва раскачивал его, трудился и потел, и, наконец, вырвал его. Потом показал ему старец и еще больший, но брат, хотя и много трудился и потел над ним, однако не мог вырвать его.

Когда же старец увидел, что он не в силах сделать этого, то велел другому брату встать и помочь ему; и так они оба вместе едва успели вырвать его. Тогда старец сказал братьям: «Вот так и страсти, братия: пока они малы, то, если пожелаем, легко можем исторгнуть их. Если же вознерадим о них, как о малых, то они укрепляются, и чем более укрепляются, тем большего требуют от нас труда. А когда очень укрепятся в нас, тогда даже и с трудом мы не можем одни исторгнуть их из себя, ежели не получим помощи от некоторых святых, помогающих нам по Боге» [1, с. 126-127].

Святитель Иоанн Златоуст (+407) поставляет родителей, которые не занимались воспитанием своих детей с детства, на суд Божий и рисует его в виде диалога Бога с человеком:

«Не предоставил ли Я, – сказано будет тебе, – дитяти жить с тобою с самого начала? Я поставил тебя над ним в качестве учителя, наставника, опекуна и начальника, всю власть над ним не отдал ли я в твои руки? Не повелел ли Я его, такого нежного, обрабатывать и упорядочивать?

Какое же ты получишь оправдание, если с беспечностью смотрел на его прыжки? Что ты скажешь? Что он разнуздан и неукротим, но тебе нужно было глядеть на всё это сначала, – обуздывать его, когда он был молод и доступен узде; тщательно его приучать, направлять к должному, укрощать его душевные порывы, когда он был восприимчивее к воздействию; сорную траву тогда нужно было исторгать, когда возраст был нежнее и исторгнуть можно было легче. Вот тогда бы оставленные без внимания страсти не усилились бы и не сделались неисправимыми» [9, с. 719].

За преступные и халатные действия по отношению к детям законы старой России предусматривали целый спектр уголовных наказаний, хотя и достаточно мягких, например:

«За допущение заведомо браков между несовершеннолетними детьми в воспрещенных законом степенях родства или свойства, а равно раньше определенного законом возраста, родители подвергаются: в первом случае аресту от трех дней до 3 месяцев, во втором – аресту от 3 недель до 3 месяцев или тюрьме. За лишение жизни новорожденного младенца чудовищного вида мать его подвергается ссылке в Сибирь на жительство или тюремному заключению до полутора лет с лишением некоторых особенных прав и преимуществ, а для христиан – и с церковным покаянием...

Родители не вправе принуждать своих детей к совершению противозаконных деяний; в случае такого принуждения дети освобождаются от обязанности повиноваться родителям.

Оскорбление родителями своих детей... не наказуемо, от детей не принимаются жалобы на нанесение им личных обид и оскорблений, за исключением лишь тех случаев, когда в оскорблении усматриваются признаки другого, более тяжкого преступления.

За лишение своих детей свободы и причинение им увечья, ран, побоев и расстройства здоровья или умственных способностей положенные в законе наказания возвышаются для виновных на две степени...

Доведение родителями своих детей, как несовершеннолетних, так и совершеннолетних, до самоубийства или покушения на оное, посредством злоупотребления властью, соединенного с жестокостью, карается тюрьмой от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев, с лишением некоторых особых прав и преимуществ, а для христиан – и с церковным покаянием...

За преднамеренное убийство своих детей родители наказываются бессрочной каторгой, за умышленное убийство – каторгой от 15 до 20 лет, а за убийство в запальчивости или раздражении – каторгой до 15 лет; этим наказаниям подвергаются родители за убийство своих законных детей, а матери – и за убийство детей незаконных...

За лишение жизни новорожденного младенца чудовищного вида мать его подвергается ссылке в Сибирь на житье или тюремному заключению до полутора лет с лишением некоторых особых прав и преимуществ, а для христиан – и с церковным покаянием...

Оставление матерью своего незаконнорожденного ребенка на произвол судьбы, с намерением от него отделаться, в...положении или месте, где он неизбежно должен лишиться жизни,... влечет за собой ссылку на житье в Сибирь или тюремное заключение от полутора до двух с половиной лет

Оставление матерью своего незаконнорожденного ребенка на произвол судьбы, с намерением от него отделаться, в...положении или месте, где он неизбежно должен лишиться жизни,... влечет за собой ссылку на житье в Сибирь или тюремное заключение от полутора до двух с половиной лет...

За оставление на произвол судьбы ребенка, хотя и старше 7 лет, но не достигшего того возраста, в котором он может своими силами находить себе пропитание, родители наказываются ссылкой в Сибирь или отдачею в исправительные арестантские отделения от двух с половиной до трех с половиной лет...» [12, с. 911-912].

Сводничество родителями своих детей, т. е. пособничество их к блуду, независимо от возраста детей, наказывается лишением всех особых прав и преимуществ и ссылкой в Сибирь или отдачею в исправительные арестантские отделения от двух с половиной до трех с лет, а за умышленное развращение своих несовершеннолетних детей и намеренное потворство их разврату или склонности к непотребству или другим порокам родители подвергаются тюремному заключению от 2 до 4 месяцев...»

Современные христианские педагоги описывают задачи и функции родителей почти также, как и древние учителя Церкви:

«В современном обществе маленькая семья, состоящая из родителей и детей, образует ячейку, которая активно живет и воспитывает. Для растущего человека родители являются самыми авторитетными лицами, и они прививают растущему ребенку отношение к Богу, окружающему миру и формируют его эмоциональный облик и характер. В изменяющемся обществе родители, в первую очередь, призваны помочь детям развить в себе духовные и социальные способности в такой степени, чтобы позднее они могли ...устроить свою жизнь. Родительская забота о детях имеет и этическую сторону. Они должны воспитать их самостоятельными, инициативными, знающими меру своих собственных потребностей, чуткими к нуждам других людей» [22, с. 610-611].

А вот какое определение дается личности ребенка:

«Ребенок – человек в возрасте от рождения до первых лет созревания (0 – 12 год жизни), находящийся в состоянии интенсивного развития. Он – часть семьи, а также потомства. Развитие является наиболее характерной чертой ребенка. Оно состоит из процессов формирования, дифференциации и созревания биологических структур (клетки, ткани, органы, системы, аппараты) и психических (сюда относятся, кроме прочего, навыки и

приемы деятельности и познания), а также вытекающих из них физиологических функций (напр., выделение гормонов) и психических (мышление), которые осуществляются под влиянием собственных тенденций и динамики развития, а также...социальной среды. Развитие ребенка носит характер одновременно диахронии (эволюции, смены состояний во времени) и синхронии (состояния в определенный период) в биологической и психической сфере (способности познавательные, эмоциональные, логические, социальные, эстетические, моральные и религиозные). Благодаря их взаимодействию, формируется личность ребенка; причем отдельные структуры и функции имеют свой ритм развития, отмечаемый уже в утробный период и обуславливающий разный уровень развития в момент рождения» [24, с. 501-502].

Отметим, что в других источниках период детства определяется иначе:

«Ребенок – личность в возрасте от 18 месяцев до 13 лет жизни. Детство – один из самых главных периодов в развитии человека... К 13-ти годам большинство мальчиков и девочек становятся вдвое выше, и в четыре раза увеличивают свой вес. Кроме того, у них начинается половое развитие. Они и выглядят уже как молодые взрослые люди. Однако бурный рост связан еще и с другими важными изменениями в поведении ребенка, мыслительной деятельности, эмоциях и отношениях. Эти физиологические изменения во многом определяют то, каким ребенок будет, когда вырастет [23, р. 403].

Строго говоря, ребенок – это человек, который еще не стал взрослым. Такое определение увеличивает период детства от рождения до возраста 20-ти лет, когда большинство людей достигает полного физического развития и становится взрослыми. Однако на самом деле, обычно детством считается гораздо более короткий период. В большинстве развитых стран детство – одна из трех стадий, которую люди проходят от рождения до состояния зрелого человека. Две других стадии – младенчество и юношество. Младенчество продолжается от рождения до 18-ти месяцев. Юношество начинается в 13 лет и заканчивается совершеннолетием. Детство – период между младенчеством и юношеством. В некоторых развивающихся странах люди считаются взрослыми по достижению 12-ти или 13-ти лет, а юношество не является отдельным периодом развития»

Главная задача родителей в возрасте бурного становления личности ребенка – внимательно следить за ним, чтобы вовремя распознать его главную страсть или формирующуюся дурную склонность.

Христианская педагогика предлагает несколько простых правил. Постараюсь кратко их описать.

1. Постарайтесь прежде всего узнать свой собственный главный нравственный недуг, т.е. свою собственную господствующую страсть.

Кто хорошо знает самого себя, тому легче будет узнать внутренние проблемы другого. Отец, мать, хорошо знающие свое собственное сердце и свои собственные слабости, легко узнают их и у своих детей. Дети наследуют дурные склонности своих родителей. Чаще всего бывает так, что сын или дочь имеют именно те главные недостатки, которыми страдают мать и отец.

Уже упомянутый нами святитель Иоанн Златоуст в резкой форме бичует нравственное безразличие родителей, из-за которого дети неосознанно наследуют пороки, даже и не догадываясь об этом:

«И не только то ужасно, что вы внушаете детям противное заповедям Христовым, но и то еще, что прикрываете порочность благозвучными именами, называя постоянное пребывание на конских ристалищах и в театрах светскостью, обладание богатством свободой, славолубие великодушием, расточительность человеколюбием, несправедливость мужеством.

Потом, как будто мало этого обмана, вы и добродетели называете противоположными наименованиями, скромность неучтивостью, кротость трусостью, справедливость слабостью, смирение раболепством, незлобие бессилием, как будто опасаясь, чтобы дети, услышав от других истинное название этих добродетелей и пороков, не удалились от заразы.

Ибо название пороков прямыми и подлинными их названиями немало способствует к отвращению от них; оно может так сильно поражать грешников, что часто многие, отличающиеся бесчестнейшими делами, не переносят равнодушно, когда их называют тем, что они есть на самом деле, но приходят в сильный гнев и зверское раздражение, как будто терпят что-нибудь ужасное... И не только эти люди, но сребролюбец, и пьяница, и гордец, и вообще все, преданные тяжким порокам, ... поражаются и оскорбляются названием по своим делам.

Я знаю много и таких, которые этим способом были вразумляемы, и от резких слов сделались более скромными. А вы отняли у детей и это врачевство и, что еще тяжелее, преподаете им недоброе внушение не только словами, но и делами...» [8, с. 92-93].

Тут мы имеем дело с самопознанием. И всякий, кто попытался хотя бы раз разобраться в себе, знает, какое это трудное занятие. Как говорят христиане, собственными стараниями, без помощи Божией здесь ничего не добьешься. Нужно тщательно следить за собой, за наклонностями и влечениями своего сердца, как можно чаще испытывать свою совесть, исповедывать свои грехи и вообще просить Бога о просвещении и вразумлении. Муж и жена могут помочь себе в этом непростом деле. Хорошо было бы, если бы они взаимно без упреков подсказывали друг другу, где и когда проявилась слабая сторона характера. Самому за всем бывает трудно уследить, тем более что наши привычки становятся как бы второй природой.

По-другому, этот прием называется самоиспытанием и хорошо описан русскими подвижниками и духовными писателями святителями Тихоном Задонским (+1783) и Феофаном Затворником (+1894).

«Осмотримся и испытаем себя, - пишет святитель Тихон, – истинно ли мы христиане, по слову апостольскому: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследуйте» (2 Кор. 13, 5)... Показываем знаки христианства,... но имеем ли внутри себя истинное христианство? Всё бо внешнее без внутреннего ничто, и знаки внешние без самой истины суть ложь и лицемерие. Хвалимся все верою, но творим ли дела сообразные вере, как говорит апостол: «Покажи Мне веру твою от дел твоих?» (Иак. 2, 18). Называемся христиане от Христа, но распяли ли плоть со страстями и похотями, как подобает христианам, верующим в распятого Христа, как говорит апостол: «...Те, которые Христовы, плоть распяли со страстями и похотями» (Гал. 5, 24)...

Веруем Евангелию, но достойно ли живем Евангелия? ...Причащаемся святых и животворящих Таин Тела и Крови Христовых, но обновляемся ли мы от святого Причастия и преобразуемся ли в духовного нового человека?...

Это и прочее рассмотрим и осмотримся, как живем, как обращаемся, как мыслим, как говорим, как делаем, каковым сердцем перед Богом Всевидящим обращаемся, как друг с другом обходимся, – и так рассмотрев, исправим себя, да не только именем, но и истиною будем христиане» [15, с. 178-179].

В одном из своих писем он призывает поставлять себя перед очами Божиими и судить себя: «Всякое беззаконие, делом или словом, или помышлением совершаемое, есть бесчиние перед Богом, и Ему досадительно и нам вредно. Внимай себе...

Возводишь к Богу сердце твое в молитве? Но не оскверняешь ли сердца своего злыми и скверными помышлениями, и не держишь ли гнева на ближнего своего? Внимай себе. Воздеваешь руки твои к Богу? ...Но не оскверняешь ли их граблением, хищением и прочею неправдою? Внимай себе... Призываешь устами твоими святое и страшное имя Божие?... Но не порочишь ли их злословием, клеветою, осуждением, лестью, ложью и прочими пороками? Внимай себе...

Просишь у Бога прощения согрешений? Но сам прощаешь ли ближнему твоему? Ищешь у Бога милости, но сам милуешь ли... тебе подобного человека? Говоришь Богу: «Услышь, Господи!», Но сам не затыкаешь ли ушей перед ближним твоим, просящем у тебя? Внимай себе...

Каким хотим Бога себе иметь, таковы должны мы быть и по отношению к ближним, и каковы мы к ближним, таков и Бог к нам будет» [17, с. 273-274].

А свт. Феофан показывает, что открывается человеку себе самому в процессе такого самопознания:

«Приникнем глубже вниманием к... сердцу и прислушаемся к тому, что там... Случалось ли вам когда наблюдать за движениями его?... Смотрите, что там делается. Получили неприятность – рассердились; встретили неудачу – опечалились; враг попался – загорелись местью; увидели равного себе, который занял высшее место – начинаете завидовать; подумали о своих совершенствах – заболели гордостью и строптивостью. А тут человекоугодие, тщеславие, похоть, сластолюбие, леность, ненависть и прочее – одно за другим поражают сердце, и это в продолжение нескольких минут...

Когда загорается какая – либо страсть – это то же, как бы змий выходил из сердца и, обращаясь на него уязвлял бы его своим жалом... Так бывает не с одной только страстью, но со всеми, а они никогда не живут поодиночке, а всегда в совокупности, заслоняя, но не истребляя одна другую...

Блаженны души, внимательные к себе, успокаивающиеся в Боге, отрешившиеся от всего и очистившие себя от страстей!!...» [19, с. 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102].

О постоянном внимании к себе говорили уже древние отцы, например, прп. Ефрем Сирин (+373) в свойственной ему поэтической форме:

«Войди, душа, в себя, подвизайся непрестанно и всегда бойся. Возлюби Бога Твоего и служи Ему добрыми делами, чтоб, когда придет час смерти и разлучения, нашел Он тебя готовой и с великой радостью ожидающей Его. Размысли, душа, о житии своем и о Божиих призвании. Час разлучения не печалит того, кто освободился от всего земного, но печалит смерть человека рассеянного: печалит грешника, печалит ленивого, который поленился делать угодное Богу; печалит многостязательного, который связал душу свою попечениями мирскими, печалит богача, потому что неволью разлучает его с миром...» [5, с. 205-206].

Прп. авва Дорофей говорит о самоиспытании, как об опыте отцов:

«Отцы сказали, каким образом человек должен постепенно очищать себя: каждый вечер он должен испытывать себя, как провел день, и опять утром, как провел ночь, и каяться перед Богом, в чем ему случилось согрешить. Нам же по истине, так как мы согрешаем, нужно, по забывчивости нашей, и по истечении шести часов, испытывать себя как провели мы время и в чем согрешили...Так должны мы ежедневно испытывать самих себя, как провели мы день. Таким же образом каждый должен испытывать себя, как провел он и ночь...» [1, с. 128-129].

Прп. Исаак Сирин (+ок. 700) облакает мысль о пользе самоиспытания в потрясающие слова: «Восчувствовавший грехи свои лучше того, кто молитвой своей воскрешает мертвых...Кто один час провел, воздыхая о душе своей, тот лучше доставляющего пользу целому миру своим лицемерием. Кто сподобился увидеть самого себя, тот лучше, сподобившегося видеть ангелов. Ибо последний входит в общение очами телесными, а первый очами духовными» [11, с. 175].

2. Старайтесь прислушиваться, что о ваших детях говорят другие.

Чужие люди обыкновенно лучше видят недостатки в наших детях, чем мы сами. Мы же их не замечаем, или потому, что слишком любим своих чад, или просто привыкаем к их недостаткам и уже не ощущаем их.

Поэтому, если учитель, священник или кто-нибудь из соседей с добрым намерением обратит внимание на тот или иной недостаток наших детей, то не надо сердиться на них и обижаться, а, наоборот, поблагодарить, учесть их замечание и присмотреться к своему ребенку. К сожалению, очень часто родители воспринимают такие замечания как оскорбление их родительской гордости, обижаются, ворчат и даже не разговаривают с теми, кто своим словом, как им кажется, покусился на достоинство их возлюбленного отпрыска.

Вообще, благодарное отношение к замечаниям других людей является нормой для христианина. Об этом много говорится в аскетической письменности, ограничимся несколькими советами праведного Иоанна Кронштадтского (+1908):

«Иногда люди младшие тебя или равные, или старшие, дают тебе намеком наставления, которых ты не терпишь, досадуя на своих учителей. Надо терпеть и с любовью выслушивать всё полезное от кого бы то ни было. Самолюбие наше скрывает от нас наши недостатки, а другим они виднее: они и замечают нам. Помни, что мы члены друг другу (Еф. 4, 25), и обязаны взаимно исправлять друг друга. Если ты не терпишь наставления и досадуешь на наставника, значит, - ты горд, значит, в тебе действительно есть тот недостаток, от которого намекают тебе исправиться.

...Будь терпелив, не за всё выговаривай, иное сноси, преходя молчанием, и смотри на то сквозь пальцы. Любовь всё покрывает и всё переносит (1 Кор. 13, 7). Иногда из-за нетерпеливого выговора образуется вражда, оттого, что выговор был сделан не в духе кротости и любви, а в духе самолюбивого притязания на покорность себе другого.

...Тебя избидели? Что же? Так и следует причинять огорчения твоему плотскому, ветхому человеку: самолюбивому, гордому раздражительному, завистливому, ленивому, скупому, причиняющему столько оскорблений Богу. Хорошо, что ему отмеривается хотя бы немного от людей тем же, чем он меряет Богу» [14, с. 405, 406, 373-374].

3. Любите своих детей благоразумно, так, чтобы ваша любовь к ним не становилась слепой.

Непомерная, ложная любовь к детям, какой она бывает, к сожалению, у многих родителей, является одной из главных причин, почему они не замечают многих недостатков своих детей, видят в них только хорошее и закрывают глаза на их дурные поступки. А нередко, и вообще, видят причину таких поступков в других детях, и провоцируют в своих детях чувство безнаказанности и самоуверенности, и сами воспитывают в ребенке порочную наклонность.

Любовь к детям должна побуждать родителей не потакать им во всем, а развивать в них добрые черты характера:

«...Возраст нежный, – поучает святитель Иоанн Златоуст, – скоро усвоит себе то, что ему говорят, и как печать на воске, в душе детей отпечатлевается то, что они слышат. А между тем, и жизнь их тогда уже начинает склоняться или к пороку или к добродетели. Потому, если в самом начале, и, так сказать, в преддверии отклонить их от порока, и направить на лучший путь, то на будущее время это обратится им в навык и как бы в их природу, и они уже не так удобно по своей воле будут уклоняться к худшему, потому что навык будет привлекать их к делам добрым. Тогда и для нас они будут достопочтеннее самих стариков, и для гражданских дел они будут полезнее, обнаруживая в юности свойства старцев...

И диавол, как скоро увидит, что в душе написан закон Божий, а сердце сделалось скрижалями этого закона, уже не будет приступать... Для него и для помыслов, от него влагаемых, ничто так не страшно, как мысль, занятая предметами божественными, душа постоянно прилегающая к этому источнику. Такую-то не может ни опечалить что-либо в настоящем, хотя бы то и было неприятное, ни надмать что-либо благоприятное; но, среди бурь и волнений она будет наслаждаться тишиной» [7, с. 22- 23].

Слепая родительская любовь способствует развитию в ребенке резко отрицательных черт, они становятся капризными и эгоистичными:

«Родители и воспитатели, – призывает праведный Иоанн Кронштадтский, – остерегайте детей своих со всею заботливостью от капризов перед вами, иначе дети скоро забудут цену вашей любви, заразят свое сердце злобою, рано потеряют святую, искреннюю, горячую любовь сердца, а по достижении совершенного возраста горько будут жаловаться на то, что в юности слишком много лелеяли их, потворствовали капризам их сердца. Каприз – зародыш сердечной порчи, ржа сердца, моль любви, семя злобы, мерзость перед Господом» [13, с.77].

Результатом слепой любви может стать плохое воспитание, плоды которого святитель Тихон Задонский описывает так:

«От худого воспитания... следует: 1) злое и развращенное житие; 2) родителям скорбь и печаль о злом детей своих состоянии; 3) тщетные... труды об исправлении развратившихся детей своих, поскольку укоренившееся зло весьма трудно исторгается. «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс пятна свои? Так и вы можете ли делать доброе, привыкнув делать злое? (Иер. 13, 23); 4) Трудно надеяться на их спасение, а вот погибель их может быть явной; 5) такое же злонравие может быть и у внуков, поскольку злой отец не может добру научить сына; 6) родителям предстоит тоска, скука, страх за то, что будут они судимы Богом за худое воспитание детей своих, которых не наказывали, а, может быть, злым примером и соблазняли; 7) бесчестие и укоризна всему роду; 8) отечеству явный и великий вред. От худого воспитания последуют воровства, убийства, грабления, разбои, блудодеяния, прелюбодеяния, насилия, обиды, ссоры, драки, обманы, измены, клятвопреступления, бунты и прочее зло» [16, с. 116].

4. Надо тщательно следить за детьми, особенно в тот момент, когда они не знают, что за ними следят.

Очень многое дает в познании детских характеров наблюдение во время игр со сверстниками и товарищами. В таких ситуациях часто раскрывается их настоящий характер, и очень выпукло обнаруживаются их добрые и дурные наклонности.

Так постепенно можно выяснить главный порок и воспрепятствовать его развитию и укоренению в самосознании ребенка.

Все указанные четыре важных момента в воспитании у детей добрых нравов подробнее описаны в монографии Г.И.Шиманского [см. 20, с. 283- 286]. Сам Г.И.Шиманский, предположительно, заимствовал эти наблюдения из «Поучения об искоренении преобладающего в дитяти порока» епископа Екатеринбургского и Ирбитского Ириней. [см. 6, с. 65-67].

Жизнь показывает, что, по большей части, такой страстью является самолюбие. Не случайно в аскетической литературе оно называется корнем или семенем всех страстей и грехов. У каждого ребенка этот корень страстей дает различные ростки и по-разному развивается. Это зависит от темперамента и наследственности, от воспитания и от поведения самих родителей и окружающих ребенка людей.

В детях самолюбие проявляется уже в самом раннем возрасте. Нас часто поражает, как маленький ребенок, еще не умеющий говорить, уже капризничает, упрямится, настойчиво требует своего. Именно от самолюбия у детей развивается непослушание старшим, грубость в обращении с родителями, учителями, эгоизм, жадность, обжорство, завистливость, доносительство, превозношение своими способностями, наружностью, успехами в учебе, презрение к слабым, лживость, воровство и многое другое.

Святитель Феофан Затворник дает краткое, но удивительно точное определение эгоизма (то же – самолюбие, самость):

«Самость себя ставит целью, а других всех считает средством; так и обращается с ними» [18, с.75].

Святитель Тихон Задонский описывает самолюбие главные черты самолюбия:

а) Когда человек любовь, Богу единому должную, обращает к себе, это называется самолюбием, которое ни что иное есть, как самого себя неумеренное любление.

в) Признак самолюбия, когда кто, оставив волю Божию, свою исполняет...

г) Признак самолюбия есть, когда кто уклоняется от зла, не ради воли Божией, зла не хотящей, но, или ради страха человеческого, или для похвалы или из корысти...

Признак самолюбия есть, когда кто, имея дарование какое-либо, например: богатство, разум здоровье, приписывает их своему старанию и трудам, а не Богу...

Признак самолюбия есть, когда кто, в беде какой и несчастьи находясь, не терпит, но ропщет. Ибо таковой волю свою воле Божией предпочитает, без которой ничто приключиться не может...

Признак самолюбия есть, когда кто, что ни делает, ради прославления имени своего делает... Как любовь к Богу есть корень и источник всех благ, так самолюбие есть начало всех зол и бед на свете...

в) Плоды самолюбия. От самолюбия всякое в мире бедствие. От самолюбия – войны. От самолюбия столько проливается человеческой крови, столько остается вдов, плачущих о мужах своих, столько матерей – по сынах своих, столько детей – по отцах своих сетующих, столько сражающихся запустевает государств и городов, столько тратится денег, столько производится беспокойства, смятения, страха...

Самолюбие производит разбои, убийства, насилия и грабления.

Самолюбие делает судебные места торжищем, научает попирать правду, и невинную кровью обагрят судейские мечи.

Самолюбие наполняет темницы праведными и неправедными узниками.

Самолюбию приписать должно, что много скитается бедных без опеки, покрова, одежды, пропитания; ибо вместо того, чтобы друг о друге заботился от избытка, самолюбие научает – одних отнимать у ближнего последнее; других – хранить у себя богатство, от Бога данное, не взирая на нужды братии; иных непомерно вдаваться в роскошь.

От самолюбия – нищета и убожество; самолюбие – виною того, что иной нищенствует, иной преизлишне изобилует, иной голодает, иной пресыщается.

Так самолюбие становится виной всякого зла» [Цит. по: 4, с. 91].

Родителям надо быть очень внимательными и наблюдать за проявлениями этого порока в детях.

Обратите внимание, как христианская педагогика видит место и роль родителей в воспитании детей. Они – первые педагоги. От них зависит, каким вырастит их ребенок, они ответят за него перед Богом. Тут без самопожертвования не обойдешься! Нужно хорошо себе усвоить, что после рождения ребенка у родителей больше нет личной жизни. Ради заботы о детях надо оставить развлечения, кино, театры, хождение по гостям и многое другое. Всё это разворовывает наши силы и время. А его дано нам немного. Надо успеть привить детям добрые задатки, пока они маленькие и пока они не утратили доверия, простоты, способности к умилению и состраданию.

Отметим, что эта жертвенная любовь к детям вложена в саму природу человека: «...Не сама ли природа дает эту любовь к родителям? И звери несмысленные – и те любят и жалеют своих детенышей. Не сама ли природа, или лучше Бог, всё мудро устроивший в природе, устроил и то, что любовь родительская постоянно оживляется, возбуждается, награждается той утехой, радостью, какая сама собою возникает в сердце отца и матери при взгляде на детей, при ласкании их? Не Он ли устроил, что дети-малютки, не имеющие, кажется, ничего, чем бы могли нравиться, привлекают сердца родителей одним своим взглядом, ласками, своим детским языком или лепетом, который и без слов говорит нежнее, трогательнее языка людей взрослых. Так! Не любить детей родителям неестественно! И если бы нашлись отцы, матери, не любящие своего ребенка, то их можно было бы назвать бесчеловечными, худшими... самых дикарей и зверей» [2, с. 31-32].

Примеры такого жертвенного служения детям, когда семья была и домом и домашней церковью, а дети были постоянно в центре внимания родителей, мы во множестве находим у древних христиан. В их методах и целях воспитания вера в Бога и добрые нравы были главным приоритетом. Может быть, не всё годится для нашего времени, но дух и принципы вполне можно заимствовать:

1. Прежде всего, первенствующие христиане старались напечатлеть в детском уме живое познание Иисуса Христа. Имя Спасителя дети впивали, так сказать еще с материнским молоком. Поэтому, в самых юных годах, они бестрепетно исповедывали это святое имя перед мучителями. Одного христианского мальчика спрашивали: «Откуда ты узнал христианское учение о едином Боге?». Он отвечал: «Мать моя научила меня, а она узнала от Бога...»

2. Вместе с понятием об Искупителе детям внушали и высокое учение Его о таинствах веры и правилах богоугодной жизни, как-то: о Едином Боге, вечной загробной жизни, смирении и чистой любви к Богу; говорили об обязанностях детей подражать Господу в Его любви ко всем, иметь страх Божий, почитать родителей и старших,... о терпении, прощении обид и незлобии, скромности, стыдливости, покорности, молчаливости, благотворительности, сострадании к несчастным, снисхождении к грешным, целомудрии и т. п.

3. Некоторые из христиан всё умственное образование детей ограничивали одним словом Божиим, воспрещая знакомство с ученостью язычников. Другие, напротив, не боялись вводить в круг образования христианского юношества некоторые книги и науки, изучаемые в языческих школах...

Сообразно с целью христианского воспитания, науки естественные, опытные и умозрительные преподавались только достаточно утвержденным в христианском учении; притом, их позволяли изучать не как предмет одного любопытства, не по страсти к приобретению знаний, и не для славы и корысти, но только в той мере, в какой знание их было нужно и полезно для добродетелей, для служения ближним и Церкви.

4. В молитве древние христиане проводили наибольшую часть времени, приучая к тому и своих детей. Можно сказать, что их жизнь была непрестанной молитвой, или, как говорит Климент Александрийский, - «торжественный святой праздник»

5. Первенствующие христиане удаляли детей от всего, что могло бы возбудить в них нецеломудренные мысли и движения.

Так, они детям ни под каким видом не позволяли присутствовать на свадебных пиршествах, общественных зрелищах и играх; скрывали от них соблазнительные сочинения языческих стихотворцев, предохраняли от знакомства с лицами другого пола, с людьми зазорного поведения. В отношении тела приучали их к скромности в одежде и других внешних украшениях, к умеренности, воздержанию и простоте в пище и питии. И такое охранение детей от соблазнов начиналось с первого дня жизни...

6. Оградив детское сердце от всех внешних и внутренних соблазнов, благочестивые родители...употребляли и средства ...к укоренению в них христианского благочестия... Первым из этих средств был пример благочестия, который родители показывали своим детям через свою жизнь, и которому обязывали подражать своих детей.

7. ...Дети везде и во всякое время участвовали в благочестивых делах своих родителей. Совершалась ли домашняя молитва...в ней участвовали и дети...Собирались ли верующие в храм Божий..., они непременно брали с собой и детей, приобщали их святых Даров [См. 3, с. 487-488].

Кстати, Священное Писание многие столетия лежало в основе первичного обучения детей в еврейских общинах, в школе и дома: «Еврейский мальчик с шестого года жизни посещал начальную школу, где учился читать и писать и приобретал навыки чтения Пятикнижия и его общепринятого арамейского перевода. Затем изучались и другие библейские книги... Хотя еврейские женщины освобождались от обязанности изучать Тору и потому не ходили в школу, Средневековье знало примеры образованных и знающих Закон женщин, родители которых стремились дать своим дочерям основательное образование. В зажиточных еврейских семьях это могли делать частные учителя, о которых известно уже с одиннадцатого века» [21, s. 2207-2208].

Так выглядит в умозрении отцов Церкви труд по воспитанию родителями своих детей, труд одновременно нелегкий и самоотверженный, но благословенный, светлый и радостный.

Литература.

1. Авва Дорофей, прп. Поучение 11. О том, чтобы отсекал страсти // Душеполезные поучения и послания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Репринт, 1900. С. 128-129.

2. Беседы пастыря // Семья православного христианина. Сборник проповедей, размышлений, рассказов и стихотворений. Издание Свято-Троицкого монастыря, Джорданвиль, 1958.
3. Дьяченко Григорий, прот. Как воспитывали и учили своих детей древние христиане // Искра Божия. Сборник рассказов и стихотворений. М.: Репринт, 1903.
4. Дьяченко Григорий, прот. О самолюбии (Из творений св. Тихона Задонского) // Уроки и примеры христианской любви. М., 1998.
5. Ефрем Сирин, прп. О сердечном сокрушении (11). Писания духовно-нравственные. Творения. Часть первая.. Сергиев Посад: Репринт, 1895.
6. Ильющенко В. В., Берсенева Т. А. Воспитание здорового ребенка. Хрестоматия в двух частях. М., 2004.
7. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Евангелие святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Беседа 3 (№1) // Творения. Т. 8. Книга первая. СПб.: Репринт, 1902.
8. Иоанн Златоуст, свт. Творения. Т. 1. Книга первая. Слово 3. К верующему отцу (№ 7). СПб., 1898.
9. Иоанн Златоуст, свт. Творения. Т. 12. Книга вторая. Слово 27. О воспитании детей. СПб., 1906.
10. Ириней, еп. Екатеринбургский и Ирбитский. Поучение о том, что воспитание надо начинать с раннего возраста // Поучения, Екатеринбург: Репринт, 1901. Оропос Аттинис – Греция, 1992.
11. Исаак Сирин, прп. Слово 41. О молчании // Слова подвижнические. Сергиев Посад: Репринт, 1911.
12. Лыкошин А. С. Родители. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 52. Терра, 1992.
13. Сергиев Иоанн, прот. Моя жизнь во Христе. Полное собрание сочинений. Т. 4. Часть первая. СПб., 1893.
14. Сергиев Иоанн, прот. Моя жизнь во Христе. Полное собрание сочинений. Т. 5. Часть вторая. СПб., 1892.
15. Тихон Задонский, свт. Творения. Краткие нравоучительные слова. Слово первое. О испытании себе самого. Издание пятое. М.: Репринт, 1889.
16. Тихон Задонский, свт. Наставления о должности христианской родителей к детям и детей к родителям. Глава первая // Творения. Т. 1. М.: Репринт, 1889.
17. Тихон Задонский, свт. Письмо девятое: «Что слово сие значит: «Внимай себе» // Письма посланные. Творения. Указ. соч.
18. Феофан Затворник, свт. Толкование посланий святого апостола Павла к Филиппийцам и Солунянам, первого и второго. Послание к Филиппийцам. 2, 4. М.: Репринт, 1895.
19. Феофан Затворник, свт. Самоиспытание // Созерцание и размышление. М., 1998.
20. Шиманский Г. И. Христианская добродетель Целомудрия и чистоты. М., 1997.
21. Greive H., Mutius G. v. Erziehungs – und Bildungswesen. Judentum // Lexikon des Mittelalters. Band 3. Stuttgart – Weimar, 1999.
22. Masshof – Fischer Manfred. Eltern. Anthropologisch – ethisch. // Lexikon fuer Theologie und Kirche. Band 3. Freiburg – Basel – Rom – Wien.
23. The World Book Encyclopedia. Child. Volume 3. London – Sydney – Tunbridge Well – Chicago, 1992.
24. Walesa Czesław. Dziecko. Rozwój. Encyklopedia Katolicka. T. 4. Lublin, 1995.

Д.О. Донченко

*Преподаватель ГУО «Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка»*

РАЗВИТИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕМЬИ КАК ОСНОВНОГО ФАКТОРА ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЕНКА

Согласно официальной статистике, несмотря на некоторые снижения в росте, противоправное поведение несовершеннолетних остается актуальной проблемой для Республики Беларусь. Так, в 2012 году преступления совершили 2 610 несовершеннолетних [1]. Как правило, эта проблема является следствием снижения влияния семьи на детей и подростков, низким уровнем правовой культуры родителей и несовершеннолетних.

Обзор научно-педагогической и криминалистической литературы показывает, что многие правонарушения были совершены впервые, преступный или злой умысел первоначально отсутствовал, иногда подростки имели избыток свободного времени, не задумывались над тем, как организовать с пользой свой досуг. Много правонарушений и преступлений совершается детьми из благополучных семей. Также и сами несовершеннолетние, нередко становятся жертвами преступлений, насилия.

Несомненно, в учреждениях образования осуществляется определенная воспитательная и профилактическая работа по предупреждению противоправного поведения несовершеннолетних и их родителей, которая включает в себя, в основном, правовое просвещение обучающихся.

Тем не менее, проводимая работа не всегда приводит к эффективным результатам. На наш взгляд проблема заключается в том, что, в большинстве случаев, действия как педагогов, так и представителей государственных органов, ослабляют институт семьи, снижают его потенциал как основного фактора социализации детей.

Анализ результатов социально-педагогического мониторинга свидетельствует о том, что основная часть ответственности за профилактику правонарушений и преступлений подрастающего поколения и за совершение противоправных действий в большинстве случаев перекладывается на учреждения образования и инспекцию по делам несовершеннолетних, а не на родителей.

Привнесение демократических ценностей в наше общество, в том числе в воспитательный процесс, повлекло за собой внедрение новых направлений и идей. Среди них наибольшее значение приобрело распространение знаний о правах ребенка, в связи с принятием 15 ноября 1993 года Закона Республики Беларусь «О правах ребенка».

Несомненно, при внедрении каких-то новшеств необходимо учитывать не только зарубежный опыт, но и специфику страны, ее исторические и культурные традиции, поэтому мы считаем, что назрела необходимость, спустя время, пересмотреть некоторые идеи и педагогические позиции.

С 1995 года в Беларуси издавались тексты Конвенции о правах ребенка, Закона Республики Беларусь “О правах ребенка”, учебные пособия по вопросам социальной защиты детей, а во всех учреждениях образования, начиная с общеобразовательной школы и заканчивая педагогическими и юридическими учебными заведениями, институтами повышения квалификации специалистов образования, изучался специальный курс “Права ребенка”.

Думается, что распространение информации о правах ребенка и деятельность по защите прав детей являлось важной частью правового просвещения и формирования социально правовой компетентности несовершеннолетних, тем не менее, следует обратить внимание на то, что эта деятельность не стала такой эффективной как могла быть.

Во-первых, не было принято во внимание, что наиважнейшим институтом воспитания для ребенка, согласно мнению ученых различных стран является семья, и в первую очередь, проводниками всех наиболее важных ценностей должны быть родители.

Во-вторых, исходя из христианского вероучения на родителей возлагалась основная ответственность за воспитание своих детей. Традиционным для славянского христианского общества являлось оказание уважения старшим, учет опыта и мнения старшего поколения, оно всегда считалось весомым аргументом.

Также народная белорусская педагогика по своей сути являлась гуманной, учитывала потребности ребенка, в своем потенциале имела набор мягких способов воздействия на подрастающую личность, и в свое содержание включала привитие гуманных общечеловеческих ценностей, таких как, например, честность, доброта, щедрость, уважение к другим, взаимовыручка и т.д. Другими словами, информация о необходимости толерантного уважительного доброго отношения к другим наряду с почитанием старших традиционно доносилась до сознания подрастающего поколения.

Пропаганда информации о правах ребенка в Республике Беларусь предусматривалась через распространение информации через книги, буклеты, средства массовой информации и проведение занятий в учреждениях образования с помощью специальных спецкурсов.

На наш взгляд, пропаганда детям информации об их правах в учреждениях образования негативным образом сказывалась на восприятии этой информации родителями, так как дети не всегда критически и адекватно в силу возраста могли осознавать и применять эту информацию в жизни. Часто подобная информация противопоставлялась жизненному опыту, установкам и педагогическим усилиям родителей. Нарушался естественный механизм передачи ценностей от родителей детям, то есть усугублялась и без того трудная ситуация 1990-х, когда передача культурного наследия преемникам была довольно затруднена в силу проявившегося кризиса целевых установок.

Также свидетельством в перекосе пропаганды прав несовершеннолетних в ущерб обязанностям, говорят, например, данные опроса пилотажного исследования, проведенного среди учащихся школ города Витебска в возрасте от 14 до 18 лет (в период 2000-2001 гг.), целью которого было выявление уровня правовых знаний. Было обнаружено незнание респондентами своих обязанностей, непонимания и не предвидения последствий за совершаемые ими общественно опасные деяния. 63% опрошенных вообще не знали обязанностей, только 1% обозначили обязанности: трудиться, учиться, уважать старших, а главное соблюдать общегосударственные законы. Авторы исследования сделали выводы о том, что непонимание своих обязанностей влечет низкий уровень правовой культуры [2].

По-прежнему, в наше время, несмотря на многие принятые государством меры по укреплению семьи, акцент в существующей системе воспитания часто делается на учебные учреждения и иные государственные и общественные институты. При совершении противозаконного поступка несовершеннолетним нередко, в первую очередь, обвиняется учебное учреждение, следуют санкции. Однако, если бы в действительности возможности предотвратить совершение противоправных поступков принадлежали бы только учреждению образования либо инспектору ИДН (инспекции по делам несовершеннолетних), то после всех этих наказаний, ситуация должна была бы исправиться.

Тем не менее, ребенок, если он не находится на государственном обеспечении, проживает с родителями, которые в первую очередь несут, в соответствии с законодательством за него ответственность. И если они не в состоянии влиять на ребенка должным образом, то это их задача и ответственность обратиться за помощью к педагогам, другим структуры и организации и повышать свой педагогический уровень. Учреждение образования либо иное учреждение, структура должны информировать о тех услугах, которые они могут оказывать родителям в вопросах повышения и развития их воспитательного потенциала, сведения об этом должны доводиться многочисленными способами, но это выбор и ответственность родителей принять либо отвергнуть предлагаемую помощь. Многие родители живут по принципу «накормил, одел, обеспечил материально, дал деньги», на этом мои обязанности

закончились, но не умеют общаться с детьми, многократно воспроизводя неэффективные способы общения и контроля. В то же время многочисленные наработки и достижения педагогической и психологической науки остаются просто невостребованными и неиспользованными со стороны большей части родителей, что порождает многочисленные конфликты, напряженные, не приносящие удовлетворения отношения, и во многих случаях, к сожалению, приводит к совершению подростками противоправных действий.

Основная часть ответственности за профилактику правонарушений и преступлений подрастающего поколения и за совершение противоправных действий перекладывалась и перекладывается на учреждения образования и инспекцию по делам несовершеннолетних, а не на родителей.

Это показывает, что часто из системы правового воспитания и профилактики выпадает семья, как основной фактор, влияющий на формирование личности ребенка. Со стороны государственных органов проводится недостаточно эффективная работа по его укреплению и максимальному использованию педагогического потенциала семьи. В их деятельности отсутствует сосредоточенность на отдельном ребенке и его семье. Недостаёт объединения усилий учреждений, структур и ведомств для осуществления индивидуального подхода и решения конкретных проблем ребенка и его семьи, совместного создания определенной программы для каждого конкретного случая с постановкой цели, разработкой алгоритма шагов, отслеживанием конечного результата, выработки всех необходимых для этого средств.

Действия органов и структур системы профилактики и правового воспитания ставили и ставят семью в подчиненное положение и носят преимущественно односторонний характер. Родители, как институт семьи, осуществляющий контроль за поведением детей, поставлены на последнее место после государственных органов и общественных организаций.

Например, в случае совершения несовершеннолетним противоправного действия, нарушения социально-правовых норм, его поведение рассматривается в присутствии родителей на заседании комиссии по делам несовершеннолетних либо на заседании Совета по профилактике безнадзорности и правонарушений учреждения образования. Естественно, выясняются причины девиантного поведения, с несовершеннолетним и его родителями проводится профилактическая беседа, следуют порицания, предупреждения, иные санкции. В большинстве случаев, сами несовершеннолетние и их родители признают неправильность своих действий, дают обещания об исправлении. При этом родители, как и дети, достаточно часто являются только объектами воспитательных усилий: детям не дают шанс исправить ущерб, осознать, как по-другому можно моделировать свое поведение; родители выступают только как исполнители полученных рекомендаций.

Однако семья – это самый главный институт правовой социализации личности. Отношение родителей к социально-правовым нормам является, в большинстве случаев, значимым фактором в становлении законопослушной позиции детей. Поэтому родители должны быть вовлечены в сотрудничество по формированию социально-правовой компетентности несовершеннолетних.

Знакомство с информацией о правах ребенка, содержащейся в Законе Республики Беларусь «О правах ребенка», необходимо, на наш взгляд, не только для детей, но, в первую очередь для родителей. Педагоги должны помочь родителям:

- понять основные права и потребности детей, закрепленные законодательно;
- способы реализации прав и удовлетворения важных потребностей;
- значимость соблюдения прав детей для их полноценного развития и успешной социализации.

Мы считаем, что в настоящее время важным и необходимым в профилактической деятельности является решение следующих задач:

- сосредоточенность совместной деятельности заинтересованных структур и ведомств на решении проблемных ситуаций отдельных несовершеннолетних и их семей с целью укрепления воспитательного потенциала семьи;

— расширение и закрепление на законодательном уровне социально-педагогических средств, с помощью которых ребенку предоставляется возможность исправить ущерб своими практическими действиями. Это поможет в организации возможностей приобретения у несовершеннолетних положительного опыта взаимодействия с социально-правовой действительностью в сфере нравственно-правовых отношений, осознании последствий своих действий, и снижении вероятности вступления в конфликт с законом в дальнейшем.

Литература.

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь. Официальный сайт [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, статистические данные. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=10781>. – Дата доступа: 25.03.2013.

2. Моисеева, О.И. Проблемы правового образования несовершеннолетних / О.И. Моисеева // Правовая система Республики Беларусь: состояние, проблемы и перспективы развития: Материалы студенч. межвуз. научн. конф. / Под ред. Н.В. Сильченко. – Гродно: ГрГУ, 2001. – 244 с., С.153-155

Е.И. Зенько

старший преподаватель

ГУО «Минский областной институт развития образования»

СОЦИАЛЬНЫЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

В Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2011-2015 годы указывается, что с начала 90-х годов XX века демографическая ситуация в стране характеризуется устойчивой депопуляцией. Абсолютная убыль населения за 1993-2010 годы составила свыше 750 тыс. человек. В качестве главной причины депопуляции в Республике Беларусь называется низкий уровень рождаемости [1].

По последним статистическим данным в Беларуси доминируют однодетные семьи, их количество составляет около 68 процентов. В то же время трех и более детей в возрасте до 18 лет воспитывают немногим более 5 % всех семей с детьми [11]. Это значит, что уже в следующем поколении число семей может сократиться на треть. Распространение и закрепление стереотипа однодетной семьи и распространение малодетности в массовом сознании может привести к необратимости процессов воспроизводства населения.

Сложная демографическая ситуация в Беларуси связана также с отсутствием осознания населением ценности жизни, должного отношения к своему и чужому здоровью, окружающей среде. Высокий уровень заболеваемости и смертности обусловлен, в том числе, злоупотреблением алкоголем и табакокурением, другими вредными привычками и неправильным образом жизни. Имеет место неосмотрительное поведение подростков и молодежи, приводящее к различного рода аддикциям, психическим расстройствам, инфекциям, передающимся половым путем и, как следствие, к нарушению репродуктивного здоровья в будущем.

Кроме вышеобозначенных проблем, следует учитывать кризис института семьи. О его наличии свидетельствуют следующие факты и цифры: почти половина заключаемых браков распадается (в 2012 году на 1 тыс. браков в Беларуси приходилось 667 разводов); каждый пятый ребенок рождается у матерей, не состоящих в зарегистрированном браке (при этом более половины рождений вне зарегистрированных браков отмечается у матерей моложе 18 лет); в стране проживает более 25 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

родителей, из них 6,7 тыс. воспитываются в детских интернатных учреждениях; ежегодно органы опеки и попечительства выявляют и устраивают на воспитание около 4 тыс. детей, оставшихся без родительской опеки [11]. Кризис семьи проявляется также в снижении влияния отцов на воспитание детей, в недооценке обществом отцовства, ответственности мужчин за социализацию подрастающего поколения.

По мнению специалистов, минимизировать кризисные явления и улучшить демографическую ситуацию одними мерами социально-экономической поддержки семьи невозможно. Следует учитывать негативное влияние психологических и социокультурных факторов. Среди них – приоритет индивидуалистических ценностей над семейными, снижение потребности в детях, утрата многодетности как национальной традиции белорусов. В первую очередь, эти факторы действуют вследствие утраты обществом семейных ценностей, основанных на духовно-нравственных традициях христианства. К числу психологических причин кризиса семьи относится также неподготовленность молодых людей к вступлению в брак: отсутствие знаний в области семейных отношений; неосвоенность половых, социальных и семейных ролей, давление негативных социальных стереотипов; недостаточный уровень культуры межличностных отношений.

Важен и педагогический аспект проблемы. Во все времена во всех культурах и педагогических системах большое значение придавалось подготовке молодого поколения к семейной жизни. Решение этой задачи традиционно осуществлялось в родительской семье посредством включения детей в выполнение семейных обязанностей и наблюдения за поведением взрослых членов семьи [6]. В процессе жизнедеятельности ребенок с детства видел образец для подражания, усваивал родительские модели поведения и взаимоотношений в семье. Важную роль при этом играли обряды, ритуалы, традиции, принятые в народной культуре и передаваемые от поколения к поколению. Практически все обряды и ритуалы традиционной культуры выполняли функцию внешнего выражения и закрепления важнейших норм общественной морали и христианской нравственности, регулируя, в том числе, и семейные отношения.

К сожалению, в современном урбанистическом обществе семьей утрачены и широкие родственные связи, и преемственность поколений, и референтное социальное окружение, каковым являлась деревенская община. Традиции народной культуры уже не выполняют нормативных, регулирующих функций, а рассматриваются лишь с точки зрения их эстетической или исторической значимости. А с учетом таких распространенных характеристик современной семьи, как «однодетность» и «безотцовщина», можно с уверенностью утверждать, что, за редким исключением, она не в состоянии самостоятельно сформировать у ребенка готовность к будущей семейной жизни. Для решения этой задачи необходима поддержка со стороны государства, учреждений образования, общественных и религиозных организаций, средств массовой информации.

Важнейшую роль при подготовке молодежи к семейной жизни может и должна сыграть школа. Она имеет реальную возможность дать юношам и девушкам ответы на те жизненные вопросы, на которые они самостоятельно ответить не могут, помочь им получить достоверную информацию о тех знаниях, умениях и навыках, которые необходимы в будущей семейной жизни. Особенно это актуально для подростков и молодежи, находящихся в преддверии выбора не только своего профессионального пути, но и жизненной траектории в целом.

Проблеме подготовки учащейся молодежи к семейной жизни посвящены многочисленные психолого-педагогические исследования. При этом наблюдаются разные подходы с точки зрения определения целей и задач, особенностей содержания, предпочтительных форм и методов работы, выделения критериев ее эффективности. К примеру, классики отечественной педагогики А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинский цель и задачи этой подготовки видели, прежде всего, в совершенствовании нравственной культуры старшеклассников, в воспитании ответственного отношения к материнству и отцовству [5, 8]. Степень готовности к созданию семьи В.А. Сухомлинский определял

моральной зрелостью человека, способного нести ответственность не только за свою жизнь, но и жизнь окружающих людей [8].

В современных исследованиях также встречается понятие «готовность к семейной жизни». Оно понимается как отношение индивида к семье, характеризующееся наличием достаточно устойчивых мотивов заключения брака и необходимых для семейной жизни качеств личности, а также определенной совокупности знаний о семейной жизни, умений и навыков их применения на практике [3]. А.Н. Сизанов различает социально-нравственную, мотивационную, психологическую и педагогическую готовность к браку, формированию которой должна способствовать и семья, и школа [7]. Е.И. Зритнева утверждает, что главное в воспитании будущего семьянина – сформировать у учащейся молодежи психологическую готовность к созданию, сохранению и укреплению брачно-семейных отношений, то есть к выполнению родительских и супружеских ролей [3]. И.В. Гребенников считает, что подготовка подрастающего поколения к семейной жизни должна включать следующие аспекты: социальный, нравственно-этический, правовой, психологический, физиолого-гигиенический, педагогический, хозяйственно-экономический и т. д. [2]. Довольно часто упоминается нравственно-психологическая подготовленность личности к браку, означающая восприятие целого комплекса требований, обязанностей и социальных стандартов поведения, которыми регулируется семейная жизнь [4].

Изучая проблемы современной семьи, В. С. Торохтий вводит понятие "способность к браку", предполагающее несколько составляющих:

- способность заботиться о другом человеке, самоотверженно ему служить, активно делать добро;

- способность сочувствовать, сопереживать, сострадать, т. е. "входить" в эмоциональный мир партнера, понимать его радости и горести, переживания и неудачи, поражения и победы, находить духовное единство с другим человеком;

- способность к кооперации, сотрудничеству, межличностному общению, наличие навыков и умений в осуществлении многих видов труда, организация домашнего потребления и распределения;

- высокая этическая и психологическая культура, предполагающая умение быть терпимым и снисходительным, великодушным и добрым, принимать другого человека со всеми странностями и недостатками, подавлять собственный эгоизм [9, 10].

Очевидно, что все вышеназванные способности имеют нравственную основу и могут рассматриваться как производные от христианских добродетелей. В связи с этим стоит более подробно остановиться на духовно-нравственных нормах христианского брака, гарантирующих его прочность. Они, как известно, заключаются в следующем: брак совершается свободным избранием вступающих в него; он является пожизненным союзом мужа и жены; супруги должны хранить взаимную верность; добрачное целомудрие – условие христианского брака; продолжение рода – священная задача брачующихся; семья – малая церковь, главой которой является муж.

Таким образом, Православие способствует формированию высоконравственного облика семьянина, выступает за прочность браков, за любовь и преданность любимому человеку, терпимость и доверительность в семейных отношениях. Воля родителей, их одобрение и благословение на брак, являются, согласно христианской морали, решающим и значимым фактором в выборе будущего супруга и создании семьи [4].

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что обращение к духовно-нравственным христианским традициям семейного воспитания необходимо для подготовки учащихся к семейной жизни и сохранения такой важной формы жизнедеятельности человека, как семья.

Литература.

1. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011-2015 годы : утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011

г. № 357. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text. – Дата доступа: 03.01.2013.

2. Гребенников, И. В. Основы семейной жизни : учеб. пособие / И. В. Гребенников. – М. : Просвещение, 1991.

3. Зритнева, Е. И. Воспитание будущего семьянина в современной России : дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Е. И. Зритнева. – Ставрополь, 2006.

4. Колесниченко, Ю. И. Нравственная подготовка молодежи к семейной жизни в русской народной педагогике : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Ю. И. Колесниченко. – Пятигорск, 2004.

5. Макаренко, А. С. Методика организации воспитательного процесса / А. С. Макаренко // Собр. соч. : в 8 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 1. – С. 316-320.

6. Олифиревич, Н. И. Социально-психологические аспекты проблемы подготовки молодежи к семейной жизни / Н. И. Олифиревич, А. А. Аладьин, Т. Ф. Велента [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.for-real-man.info/psychology> – Дата доступа: 10.01.2013.

7. Сизанов, А. Н. Здоровье и семья: психологический портрет / А. Н. Сизанов.- Минск : Беларусь, 2008.

8. Сухомлинский, В. А. Избранные произведения : в 5 т. / В. А. Сухомлинский. – М. : Просвещение, 1989. – Т. 5.

9. Торохтий, В. С. Психология социальной работы с семьей : монография / В. С. Торохтий. – М. : Центр социальной педагогики, 1996.

10. Торохтий, В. С. Психологическое здоровье семьи : учебно-методическое пособие / В. С. Торохтий, О. Г. Прохорова. – М. : Каро, 2009.

11. Статистический обзор к Международному дню защиты детей [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2012. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/child.php>. – Дата доступа: 12.01.2013.

Н.С. Захарук

магистрантка

ГУО «Белорусский государственный педагогический университет имени М.Танка»

РОЛЬ РАННЕГО ОНТОГЕНЕЗА В СТАНОВЛЕНИИ МАТЕРИНСКОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННЫХ ДЕВУШЕК

В настоящее время происходит трансформация традиционных стереотипов брачно-семейных и детско-родительских отношений, что отмечается как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Создание семьи откладывается на более поздний возраст, причем все чаще молодые люди отдают предпочтение сожительству, нежели гражданскому браку, следовательно рождение первенца откладывается на более позднее время.

Несмотря на то, что в общественном сознании материнство представляет одну из наиболее значимых человеческих ценностей, и это обусловлено заботой о продолжении рода и будущем человечества, социум предъявляет женщине достаточно много требований: рожать и воспитывать детей, создавать благоприятную ситуацию для их физического и психосоциального развития и одновременно занимать активную жизненную позицию, стремясь к личностному и социальному росту. Мы согласны с В.С.Мухиной, которая пишет: «Каждая женщина как уникальная личность сама может определять свое отношение к материнству. Но если у женщины специфически осложненные особенности, если она живет во времени, когда, благодаря новым достижениям науки материнство вольно или невольно девальвируется, ей может быть чрезвычайно сложно обрести себя в материнстве. Материнство – культурный феномен, и его смысл и значение могут меняться вместе с культурой» [3]. Материнство, являясь базовым, жизненным предназначением женщины, её

важным состоянием, значительной социально-педагогической функцией, способно стать при таких условиях тяжким бременем. Современные женщины все чаще стоят перед выбором: карьера или ребенок? Функция воспроизводства отходит на второй план, так как зачастую ее реализация ведет к понижению как личностного, так и социального статуса женщины. Совмещение таких сложных и таких разных социальных ролей влияет на качественную характеристику любой из них. Многочисленные же психологические исследования (М.И. Лисиной, В.С.Мухиной, В.А.Рамих, А. Фрейд, Р. Шпиц, Э. Фромма, М. Эйнсуорт и др.) доказывают значимость именно качества материнского поведения и материнского отношения как для индивидуального развития ребенка, так и для онтогенеза женщины.

Накопленные на сегодняшний день исследования свидетельствуют о том, что семья является первичным и необходимым условием формирования материнства. Зарубежные исследователи подчеркивают неблагоприятное влияние нарушений межличностных взаимоотношений в родительской семье на развитие личности будущей матери. Известно, что большинство матерей, отказавшихся от своих детей, воспитывались в нестабильных семьях и с раннего детства имели негативный опыт межличностных взаимоотношений. Б. Стил, Д. Поллок описали грубое, пренебрежительное обращение с детьми в двух и трех поколениях семей [2]. Фрайберг отмечает, что глубокие внутренние конфликты, корнящиеся в детстве, мешают возникновению у матерей привязанности к ребенку. Не имеющие опыта подлинной близости с собственной матерью, пережившие в детстве амбивалентные отталкивающие - притягивающие отношения с нею, они и в своей жизни воплощают подобную модель отношений с другими. Для таких матерей характерен внутренний конфликт любви и ненависти, в основе которого лежит стремление к глубоким эмоциональным отношениям с другими и неспособность их выстроить, желание любви и неспособность любить [2].

Материнство, по словам Т. Флоренской, – предназначение женщины, и поэтому можно говорить о существовании духовной потребности, которая является главным источником стремления женщины стать матерью [6]. Д. Винникот пишет, что способность женщины «быть достаточно хорошей матерью» формируется на основе ее опыта взаимодействия с собственной матерью, в игре, во взаимодействии с маленькими детьми в детстве, а также в процессе собственной беременности и материнства. «Мать не может научиться тому, что от нее требуется, ни из книг, ни от патронажных сестер, ни от докторов. Ее наука – это собственный опыт младенчества. Кроме того, она наблюдает, как другие родители ухаживают за детьми, возможно, сама ухаживала за младшими сестрами или братьями, и – что очень важно – она многому научилась в раннем детстве, играя в «дочки-матери» [1, с. 47]. Д. Рафаэль-Лэф также считает, что женщина начинает становиться матерью с раннего детства. В Китае существует поговорка, что «девочка не станет хорошей матерью, если не будет любить своего будущего ребенка с детства». Как отмечают многие исследователи, самыми решающими считаются отношения с собственной матерью и семейная модель материнства (Бругман В.И., Филиппова Г.Г., Колпакова М.Ю., Захаров А.И., Северный А.А., Ениколопов С.Н. и др.).

Качество материнско-дочерних связей и его влияние на материнскую сферу женщины определяется, помимо привязанности, стилем их эмоционального общения, участием матери в эмоциональной жизни дочери, причем важным считается изменение такого участия со стороны матери в соответствии с возрастными изменениями эмоциональной сферы дочери. Достаточно устойчиво передается от матери к дочери адекватный стиль эмоционального сопровождения. Большое значение имеет удовлетворенность матери ее материнской ролью [5]. С. Фанти, М. Марконе как представители микropsихоанализа считают, что начало развития будущего отношения матери к ее ребенку закладывается еще внутриутробно на основе первых эмоциональных конфликтов матери с плодом и продолжается в младенчестве. Во время беременности у женщины актуализируется этот эмоциональный опыт, который влияет на содержание ее собственного материнства [4]. По данным многих исследователей, адекватность представлений матери о родах и послеродовом периоде, своих возможностях и

особенностях ребенка является существенным показателем успешного развития ее материнской сферы и дальнейшего благополучного отношения к ребенку (Г.В. Скобло, В.И. Брутман, А.Я. Варга, А.С. Спиваковская, Д. Рафаэль-Лефф, Р. М. Shereshefsky, L.J. Yarrow и др.). В связи с обозначенной социокультурной ситуацией чрезвычайно важным и актуальным становится вопрос подготовки подрастающих девочек и молодых женщин к выполнению материнских функций.

Таким образом, формирование материнства носит онтогенетический характер и проходит длительный путь становления, имеет тонкие механизмы регуляции, свои сензитивные периоды и запускающие стимулы. Следовательно, к рождению ребенка женщина приходит с определенной базой знаний, установок, системой отношений, личностных качеств, которые в совокупности определяют ее готовность к материнству.

Кроме того, важным условием выработки позитивного материнского поведения является система отношений в семье, особенно между матерью и дочерью. Качество этих взаимоотношений определяется уровнем реализации материнских функций, характерных для актуального материнства в данном возрасте. К основным функциям матери в период юношеского развития ребенка относятся следующие: рекреативная; регулятивная; воспитательная, состоящая из функции полоролевого воспитания и просвещения; функция общения. К дополнительным материнским функциям относятся: функция самоактуализации и самовоспитания матери (данная функция является условием реализации всех остальных функций материнства в этом возрасте); адаптация и свободное ориентирование матери в современных тенденциях молодежной субкультуры; помощь в подготовке адекватной адаптации ребенка к новому психофизиологическому состоянию и социальному статусу; принятие нового социального статуса ребенка.

Литература.

1. Винникотт, Д. В. Маленькие дети и их матери / Д. В. Винникотт. – М.: Класс, 1998. – С. 47
2. Колпакова, М. Ю. Особенности психологической работы с матерями-«отказницами» / М. Ю. Колпакова // Московский психотерапевтический журнал. – 1999. – №1. – С. 127 – 154.
3. Мухина, В. С. Психологические проблемы материнства / В. С. Мухина II Медико-психологические аспекты современной перинатологии: сб. материалов IV Всероссийского конгресса по пренатальной и перинатальной психологии. – М., 2003.
4. Фанти, С. Микropsихоанализ / С. Фанти. – М.: Дом Марии, 1993. – 352с.
5. Филиппов, Г. Г. Психология материнства и ранний онтогенез: учебное пособие / Г. Г. Филиппова. – М.: Жизнь и мысль, 1999. – 192 с.
6. Флоренская, Т.А. Диалог как метод психологии консультирования (Духовно-ориентированный подход) / Т.А. Флоренская // Психологический журнал. – 1994. – № 5. – С.44-56.

С.В. Кирпич

*кандидат технических наук, доцент,
доцент ГУО «Белорусский государственный университет»*

ОТЦОВСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ЛЮБВИ, ЖЕРТВЕННОСТИ: ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Отцовство – важнейший феномен в стабилизации и развитии семьи, в связи с чем функционирование вы рамках Международного фонда «Семья – Единение – Отечество» «Школы отцовства» – явление не только значимое, но и необходимое.

Первые занятия Школы показали, что существует потребность в изучении отцами своих функций, своего положения в семье и обществе, а также в пересмотре существующих отношений в семьях. Сегодняшние отцы нуждаются в восстановлении подлинных моделей отцовства, которые были утрачены ввиду различных причин, в том числе и не зависящих от отцов. Среди причин кризиса института семьи в современном обществе, который отмечают многие исследователи в сфере социологии и психологии, следует отметить главную их них – потерю духовно-нравственных ориентиров отцов, недопонимание истинного назначения и призвания отцов в отношении своей семьи.

Задача Школы – помочь всем слушателям (отцам, матерям, детям) преодолеть негативные, предвзятые и ошибочные установки в понимании и проявлении отцовства, способствовать утверждению подлинных семейных ценностей в семье и обществе.

Слушатели школы «Отцовство» обсуждают признаки кризиса отцовства, уникальность роли и места отца в семье, отцовство как наиважнейшую работу для мужчин, пришли к выводу о необходимости переосмысления своего опыта отцовства. Слушатели Школы имеют возможность поделиться друг с другом своим опытом в контексте отцовства. Вопросы ведущего (модератора) побуждают участников высказываться по ключевым вопросам проблематики отцовства («...рождение сына «сделало» меня отцом», «...прозрение пришло, когда моему ребёнку исполнилось 9 лет», «...надо оставаться отцом во всякое время и на всяком месте» и др.).

Так, например, тема занятия «Отцовство как защита и обеспечение семьи» предлагает обучающимся выработать системный взгляд на фактическое состояние семьи, провести анализ внешних и внутренних факторов семейного строительства, критически оценить свои качества, освоить некоторые целевые установки на формирование благоприятной и продуктивной атмосферы в семье, что позволит сделать очередной шаг на пути формирования подлинных моделей отцовства.

Актуальный призыв «Позвольте отцу занять достойное место в своей семье и обществе!» обращен прежде всего к отцам, которым надлежит полноценно выполнять свои роли и занять своё место в семье. Как это сделать? Ответы на эти вопросы можно попытаться найти на занятиях, которые проводятся в дружественной обстановке общения, в атмосфере уважения различных мнений, служения ближнему и молитвенного обращения к Господу о духовном водительстве во всех «отцовских» делах слушателей школы «Отцовство».

Организаторы и участники Школы надеются на то, что получаемые знания и опыт отцовствования, прежде всего духовные плоды отцовства (ответственность, любовь, служение), помогут обучающимся стать более компетентными людьми в деле семейного строительства, способными противостоять вызовам современного общества.

Е.В. Перепелица

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Каждый человек причастен к тайне жизни в силу своего появления на свет. Но далеко не каждый осознает, что жизнь является священным даром. Для Отца нашего Небесного – Того, Кто даровал нам жизнь, все мы – Его чада. Каждая жизнь от самых истоков своих уникальна и неповторима, несет в себе неизреченный образ Бога-Творца. Но мы уже настолько отпали от своего Творца, что сами себя наделяем правами «творения» новой жизни. Считая жизнь скоплением клеток или биомассой, мы полагаем оправданным и допустимым распоряжаться ею по своему усмотрению наравне с материальными ценностями. А потому – изобретаем

новые и все более совершенные способы воспроизводства жизни и их правовой регламентации.

Для нашей страны ответ на вопрос: быть или не быть следующим поколениям? слишком очевиден. «По данным итогов переписи 2009 г. численность населения Беларуси составляла 9503, 8 тысяч. За 1993 – 2010 годы абсолютная убыль населения составила свыше 750 тысяч человек» [1]. Основные причины устойчивой депопуляции усматриваются в низком уровне рождаемости, отсутствии осознания населением ценности жизни, должного отношения к своему и чужому здоровью, высоком уровне заболеваемости и смертности, утрате многодетности как национальной традиции. По официальным данным уровень рождаемости не обеспечивает простое замещение родительских поколений. При сохранении современного уровня рождаемости и смертности население Беларуси может сократиться вдвое уже через 50 лет. И тогда мы подойдем к «точке невозврата», а демографические процессы станут необратимыми.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь к основным национальным интересам в демографической сфере отнесены устойчивый рост численности белорусской нации на основе последовательного увеличения рождаемости, укрепление института семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, их воспитании [2]. Главным приоритетом государственной политики в демографической сфере считается всестороннее стимулирование рождаемости, обеспечивающее расширенное воспроизводство населения.

По каким-то причинам интересы демографической безопасности связываются с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. Интересами в демографической сфере объясняется и принятие Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [3], а именно, попечением о бездетных белорусских семьях, число которых составляет 150-200 тысяч [4]. Вспомогательные репродуктивные технологии, понимаемые как методы лечения бесплодия, имеют 16-летний опыт внедрения в отечественной медицине. Но до 2012 года они оставались вне рамок правового регулирования. Данный Закон определил правовые и организационные основы применения в нашей стране экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО), искусственной инсеминации и суррогатного материнства.

В декабре 2011 г. вопрос о соответствии Закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях» Конституции Республики Беларусь был рассмотрен Конституционным Судом Республики Беларусь (далее – Судом) в порядке обязательного предварительного контроля. В решении по этому вопросу Суд указал, что данный Закон направлен на реализацию гражданами репродуктивных прав, являющихся гарантией конституционного права на материнство и отцовство. Суд посчитал применение вспомогательных репродуктивных технологий допустимым и обеспечивающим равенство прав на материнство независимо от семейного положения [5]. Было подчеркнуто, что правовое регулирование суррогатного материнства направлено на охрану здоровья, защиту материнства, отцовства, согласуется со ст. 23 Конституции, допускающей ограничение прав и свобод личности только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Суд расценил, что при использовании данных технологий соблюден разумный баланс интересов человека и общества. В Законе «О вспомогательных репродуктивных технологиях» Суд не обнаружил положений, разрушающих личную, семейную и общественную нравственность. Было принято решение о том, что по содержанию норм, форме и порядку принятия данный Закон соответствует Конституции.

Уполномоченные государственные органы никогда не принимали во внимание позицию традиционных конфессий по вопросам нравственной и этической оценки применения вспомогательных репродуктивных технологий. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви сказано, что подобного рода технологии нравственно оправданны только в том случае, если их применение «не нарушает духовной целостности личности,

целостности семьи, не отличается принципиальным образом от естественного зачатия и происходит в контексте супружеских отношений» [6]. Но то, как данные технологии урегулированы действующим законодательством, находится в полном противоречии с христианскими ценностями. Речь идет о вмешательстве в глубоко интимную сферу супружеских отношений, в семейный образ жизни, в сферу взаимной ответственности и взаимных обязательств супругов. В качестве аргументации данного подхода звучит довод о светскости государства. Однако эта позиция законодателя не согласуется по крайней мере с таким принципом обеспечения демографической безопасности как «приоритет национальных демографических интересов при соблюдении общепризнанных принципов международного права, прав человека и *уважении религиозных, этнических ценностей и культурных устоев населения* (курсив наш: Е.П.) » [7].

Заметим, что негативные последствия применения генетических технологий остаются либо за рамками серьезного научного анализа, либо не предаются общественной огласке. Тогда как их положительный эффект преувеличивается. В СМИ приводятся данные: «благодаря успешной 16-летней работе белорусских центров вспомогательной репродукции родилось более 5000 детей» [8, с. 108]. Но все эти отдельные и исключительные случаи преодоления бесплодия куплены ценой многих загубленных жизней. Исчислено ли количество эмбрионов, изготовленных и уничтоженных в лабораториях за эти 16 лет? Ведется ли статистика этих трагических жертв?

Реальной демографической угрозой признана деградация института семьи, определяемая, прежде всего коэффициентом брачности и разводимости (в Беларуси распадается 44 процента заключаемых браков). Оправдано ли под предлогом защиты репродуктивных прав принимать такие нормы, практическая реализация которых связана с неизбежным ростом реальных и потенциальных демографических угроз? Речь идет о положениях, касающихся репродуктивных технологий, которые содержатся в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье, в Законе «О здравоохранении».

Как уже упоминалось, одной из причин демографического кризиса является отсутствие осознания населением ценности жизни. Но считая правомерными искусственное воспроизводство человека и инновационные технологии его опосредующие, мы обесцениваем жизнь на уровне права. Ст. 9 Закона о Вспомогательных репродуктивных технологиях устанавливает возможность донорства половых клеток и распоряжения половыми клетками на возмездной или безвозмездной основе. Согласно Положения о порядке создания и ведения единого регистра доноров половых клеток, утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 13 июня 2012 г. в единый регистр доноров половых клеток наряду с наименованием и количеством полученных половых клеток вносятся такие сведения о доноре, как его пол, возраст, рост, вес, цвет волос и глаз, расовая и национальная принадлежность, образование, профессия, группа крови и резус-фактор, перенесенные заболевания, особенности семейного и генетического анамнеза. Закон о Вспомогательных репродуктивных технологиях в ст. 11 определил возможность хранения донорских половых клеток посредством криоконсервации в течение 10 лет. Они могут быть использованы в целях оказания медицинской помощи пациенту, в отношении которого применяются репродуктивные технологии, а не востребуемые в результате их применения половые клетки – *в научно-исследовательских целях*. Наряду с этим Закон разрешает хранение и использование эмбрионов. В Инструкции о порядке хранения и условиях криоконсервации донорских половых клеток, половых клеток и эмбрионов, утвержденной Постановлением Минздрава 01. 06. 2012 № 54, сперматозоиды, яйцеклетки и эмбрионы названы *биологическим материалом*.

Таким образом, созданы предпосылки для искусственного воспроизводства жизни независимо от семьи и контекста супружеских отношений, вне понятий «материнство» и «отцовство», автономно от человеческого организма. Тем самым открывается простор для самых непредсказуемых манипуляций над так называемым биологическим материалом, включая его выбор по цвету глаз, волос и т.д. и последующую отбраковку, использование в

научно-исследовательских целях, уничтожение. Эта сфера полностью отдана на откуп организациям здравоохранения.

Возможным возражением всему сказанному является довод о непризнании нерожденного ребенка субъектом права. В соответствии с п. 2 ст. 16 Гражданского Кодекса Республики Беларусь правоспособность гражданина возникает в момент его рождения. В статье 1 Закона о репродуктивных технологиях эмбрион определяется как ранняя стадия развития живого организма. Однако на фоне демографического кризиса, который правильно было бы называть катастрофой, трактовка человека, существующая в национальной правовой доктрине и законодательстве, представляется недостаточно убедительной. Пока наша юридическая наука остается до такой степени секуляризированной, будут продолжаться опыты над живыми организмами, в том числе в целях совершенствования применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Особый цинизм связан с законодательным закреплением суррогатного материнства и его научной оценкой. Согласно ранее действующему законодательству материнство могло возникнуть исключительно из факта рождения ребенка его матерью. С легитимацией суррогатного материнства эти факты утратили взаимосвязь. Суррогатное материнство применяется на основе одноименной сделки. Материнство расчленено на две формы – генетическую и суррогатную, где вторая является «временной» и к материнству не имеет никакого отношения. Женщина, родившая ребенка на основании договора суррогатного материнства, не признается его матерью.

Национальное законодательство в области суррогатного материнства оценивается отечественными юристами как «достаточно прогрессивное и уникальное ввиду нотариальной формы удостоверения договора суррогатного материнства, а также установления презумпции материнства и отцовства генетических родителей» [9, с. 105]. Юристы считают соответствующее законодательство совершенным с позиции обеспечения имущественных и неимущественных прав, но совершенно не видят или не хотят видеть его нравственную ущербность, несостоятельность, ничтожность. Нельзя не сказать, до какой степени становится не по себе от юридической казуистики и правовой квалификации сделки суррогатного материнства как договора купли-продажи, аренды, подряда, оказания услуг.

«В Беларуси услуги репродуктивной медицины являются высококонкурентным товаром, занимающим хорошие позиции по соотношению «цена – качество» [8, с.106]. Специализированные компании, занимающиеся организацией услуг суррогатного материнства по принципу «все включено», создали базы суррогатных матерей из наших белорусских женщин, готовых вынашивать чужих детей за сравнительно невысокий гонорар. В Беларуси, где повышение рождаемости определено как важная государственная задача, услуги суррогатного материнства доступны в том числе и для иностранцев. Невысокая цена этих услуг (около 13 000 долларов, тогда как в России и США – 50 000 [10]), как и иных услуг репродуктивной медицины привлекает к нам так называемых «репродуктивных туристов».

Считается, что всякая наука должна приносить практические плоды. Но биомедицинские технологии – это не та сфера, где ученым может и должна предоставляться полная свобода научных разработок и их практического использования. Законодательное разрешение и стимулирование данных технологий представляет собой непоправимую стратегическую ошибку в демографической политике государства. Это не только не способствует увеличению численности населения, но, напротив, ведет к возрастанию существующих и появлению новых реальных и потенциальных демографических угроз, и, таким образом, приближает нас к той самой «точке невозврата». С использованием достижений генетики связаны тяжелые, пагубные и непредсказуемые по своим масштабам последствия, которые касаются института семьи, семейных ценностей и нравственного состояния общества в целом. Благими целями нельзя оправдать безнравственные и чудовищные средства, противные воле Творца.

Литература.

1. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011 - 2015 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2011 г., № 357: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.09.2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] // ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.
2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь, 2012 г., № 8, 1/13223.
3. О вспомогательных репродуктивных технологиях: Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г. № 341-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] // ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.
4. Репродуктивные технологии: что изменит закон? : [круглый стол] // Комсомольская правда в Белоруссии. – М.: 2012. – 18 янв. (№ 9). – С. 10 – 11. – С 11.
5. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»: Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 28 дек. 2011 г., № Р-673/2011 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 6/1132.
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / Юбил. Архиер. собор Рус. Православ. Церкви). – М., 2000. – 88 с.
7. О демографической безопасности: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2009 г., № 114-3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
8. Жабинская А.Б., Петровская Е.Е., Биоэтическое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий: религиозно-правовой аспект / А.Б. Жабинская, Е.Е. Петровская // Экологич. вестник. – 2011. – №1 (15) – С. 105 – 114.
9. Самойло, В.Г. Юридическая природа и условия заключения договора суррогатного материнства / В.Г. Самойло. – Минск : Право и экономика, 2011. – 67 с.
10. Суррогатное материнство в Белоруссии. Приглашаем женщин к сотрудничеству! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.medtravelbelarus.com/surrogacy.html>. – Дата доступа : 01.04.2013.

Л.И. Петровичева

кандидат филологических наук, доцент

доцент ГУО «Белорусский государственный технологический университет»

Е.Н.Богданович

кандидат филологических наук, старший преподаватель

ГУО «Белорусский государственный технологический университет»

КНИГА, НЕСУЩАЯ ДОБРО

На протяжении последних 20 лет через СМИ человеку активно внушается культ денег, что привело ко многим негативным последствиям. Человек, для которого главное в жизни – деньги не может быть счастлив. Следовательно, необходимо хотя бы подрастающее поколение «не упустить», а воспитать в вере в Бога, раскрыть ему настоящие христианские ценности. Поэтому сегодня мы все чаще можем видеть, что СМИ стали пропагандировать посредством чтения добро, любовь, нравственные качества. Этому должна способствовать в определенной степени литература для детей.

В Книге Притчей Соломоновых сказано: «Наставь юношу при начале пути его; он не уклонится от него, когда и состарится». Следовательно, книга, основанная на библейских принципах, — помощник родителям в духовно-нравственном воспитании ребенка.

Рассмотрим одну из таких сказок белорусского писателя Н. Кондратова «Золотой Талер» [1]. В сказке утверждается Божий свет, Добро, которое одерживает победу над «злом». Сюжет сказки прост: главный герой деревенский юноша Добрусь олицетворяет идею Добра. Бог дарует ему золотую монету, но многие люди хотят забрать ее у него. Однако в их руках она становится куском металла. Добрусь же с помощью монеты делает добро людям и приобретает внутреннюю силу. Юноше все удается, в том числе и вылечить больную принцессу. Молодые люди полюбили друг друга, поженились, а Добрусь стал мудрым правителем для своего народа.

Сказка показывает маленькому читателю *силу веры в Бога: насколько веруешь, настолько тебе и дается*. Ее сюжет рассчитан на думающего, наблюдательного, пытливого читателя. Автор подталкивает ребенка к размышлениям и вопросам, на примере разных ситуаций, с которыми сталкивается главный герой Добрусь, воспитывает читателя, раскрывая художественно-образными средствами христианские ценности, возвращая в ребенка доброту, любовь, милосердие.

Автор показывает на примере Добруся, что проявить веру в Бога, можно соблюдая его Слово.

Первое на что обращает автор внимание маленького читателя – это на тему *любви и заботы о родителях*. В Библии сказано: «Слушайся отца твоего: он родил тебя; и не пренебрегай матери твоей, когда она состарится» (Притчи 23: 22). Младший сын Добрусь не оставил без помощи в старости отца и мать, которые дали сыну главное – воспитали в вере в Бога. Поэтому именно Добрусю Бог дает Золотой Талер.

В сказке раскрывается также следующий воспитательный момент: *вести жизнь угодную Богу, делая добро другим людям*. Не случайно Золотой Талер в руках людей, которые видели в нем только материальную ценность, превращался в железо. Юноша же, обладая монетой, становится свидетелем чуда: «Добрусю пачуўся голас, які нашэптваў мілагучныя словы, а ў ягоных вучах загучала прыгожая мелодыя. Так нарадзілася першая песня Добруся» [1]. Люди слушали эти песни и менялись, становились более отзывчивыми и «спагадлівымі», сплоченными. Им легче работалось, веселее отдыхалось. За такую необычную монету Добрусю предлагали много денег, но он не продал ее. Он понял, что добрые дела, «доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота» (Притчи 22:1).

Автор стремится показать маленькому читателю, что нужно *любить добро и поступать правильно, что на этом пути неизбежно встречается противодействие, но если внутри тебя Бог, то он защитит тебя*. В сказке силы, противостоящие Добру – силы Зла в образе Коршуна не хотели, чтобы творилась воля Божья, и люди становились лучше. Коршун выхватил монету у юноши, но не смог удержать. Она стала горячей.

Тогда злые силы стали действовать через злого человека. Пан Злода угрожает юноше, что силой отберет монету. Добрусь знал, что с помощью Бога он делает добро людям, знал, что его поведение угодно Богу, поэтому не испугался и ответил: «БОГ не позволит». Такова была сила его веры в Бога. Здесь нужно отметить позицию автора. Редко можно встретить в произведениях для детей такое чистое духовное зерно, а также указание на то, что **все то, чему учит эта сказка, исходит не от человека, а от Создателя.**

Автор не дезориентирует читателя опасными представлениями о делении мира на злых и добрых волшебников. К великому сожалению, это характерно многим современным произведениям для детей. В сказке показывается, что есть Добро, Бог и есть зло. Маленький читатель воспитывается в вере в Бога, в твердой убежденности, что только у Бога можно найти защиту, к нему надо обращаться, ему молиться, в него верить. Это единственно верный путь. И тогда и внутри тебя победит Добро.

Автор эту мысль в произведении проводит неоднократно, рассматривает ситуации, когда силы обычного человека и зла неравны. Но показывает, что если *в сердце человека Бог*, он не победим.

Говорит автор детям и об *опасностях, и о том, что защита от них – вера в Бога*. В сказке показывается, что силы зла могут принимать не только негативные образы, но и, на первый взгляд, позитивные. Под маской пушистого котика, с которым остался жить Добрусь после смерти родителей, скрывалось «зло», принимающее разные личины, в том числе и Коршуна. Автор призывает читателя быть внимательным, осторожным, поскольку рядом могут быть люди, которые являются совсем не теми за кого себя выдают. Н. Кондратов не случайно выбрал образ котика-оборотня. Ведь последний кажется таким ласковым, красивым, милым, отзывчивым, благодарным, а на самом деле внутри него только зло. В жизни детям придется столкнуться с такими людьми, и они должны быть готовы к тому, чтобы распознать их раньше, чем они нанесут им вред. «Благоразумный видит беду и укрывается; а неопытные идут вперед и наказываются» (Притчи 22:3).

Кульминация сказки – сон Добруся, в котором он видит принцессу, которая заболела и просит его о помощи. Юноша взял монету и придумал колыбельную для принцессы. Добрусь чувствовал, что каждый раз, напевая песню, он наполнялся *внутренней силой*. Сказка показывает, что *бескорыстное искреннее желание помочь людям делает человека сильнее и радует Бога*. «Милосердный будет благословляем, потому что дает бедному от хлеба своего» (Притчи 22:9).

В последней части сказки юноша приходит во дворец, поет песню, но принцесса не выздоравливает. Во дворце Добрусь и маленький читатель сталкиваются со сложной ситуацией: с колдовством, с обманом. Первый советник короля, говорит Добрусь, что он заколдовал принцессу, и обещает «снять чары» взамен на монету. Юноша поверил ему. В результате остался обманутым колдуном. Последний обернулся коршуном и унес монету.

Но оружие Бога сильнее чар «злых» сил. В сказке показывается, что *Бог сурово наказывает тех, кто противится его воле и делает зло*. Бог поражает коршуна молнией, «...закружилась пер'е – усе што засталоса ад каршуна», а монета венулась в руки Добруся. Юноша полюбил и вылечил принцессу. Впоследствии стал мудрым правителем, но не перестал сочинять песни.

Интересна последняя фраза сказки: «Кажуць, калі ён памёр, у яго кішэні знайшлі кавалачак звычайнага жалеза». Добрусь сначала считал, что сила его в монете и поэтому носил ее всегда с собой. Но жизнь показала, что *сила его в вере в Бога, в мыслях поступках, добрых делах, угодных Богу и радующих Бога*.

В работе мы рассматриваем также и как издана сказка, как не только посредством сюжета, но и с помощью оформления книги духовно развивается ребенок. Произведение входит в сборник, выходящий в серии «Белорусская авторская сказка». Заставки и концовки всех сказок одинаковые (орнаментальные), каждая сказка оформлена только одной иллюстрацией. Известно, что иллюстрация в книге для детей является важной составляющей издания. Во многом именно через нее ребенок воспринимает содержание.

Специалисты по искусству книги отмечают, что жанр сказки определяет некоторые черты, которые должны присутствовать в иллюстрациях. Это особая яркость и полнокровность красок, точное разделение моральных ценностей, светлого и темного. Не должно быть неопределенности в оценке ситуаций, слишком детального анализа и размытости изображения [2].

На творческие установки художника влияют такие качества детской психологии, как антропоморфизм, единство восприятия сказочного и реального мира, конкретность восприятия.

В анализируемом произведении иллюстрация расположена на первом развороте, на всю полосу. Ее роль приоткрыть читателю дверь в сказку. Она призвана не только показать главных героев, ключевое событие, но и содержать эмоциональное начало. Художник выбрал следующий сюжет для единственной иллюстрации: на вспаханном поле сидит Добрусь и держит в руках Золотой Талер, над ним в небе вьется коршун.

Иллюстрация призвана оставить у читателя впечатление и сформировать образы главных героев, соответствующие по эмоциям, по содержанию сказке. Доминировать должен

радостный, легкий, чистый, певучий, а главное светлый и добрый мотив как само произведение.

Тем не менее, на наш взгляд, не все удалось художнику, главное «ускользает» от читателя. Речь идет о неправильной расстановке в иллюстрации смысловых акцентов (главного и второстепенного) с точки зрения идеи произведения, а также о том, что не учтены психологические особенности восприятия рисунка детьми.

Художником неверно использованы композиционные средства с точки зрения смысловой концепции: выделение главного и второстепенного планов, размеры героев и объектов, пропорции, цветовая гамма.

На иллюстрации первый план и, по-существу, композиционный центр занимает темно-коричневое поле. Размещение главного героя смещено от центра, его внутренний облик недостаточно раскрыт (не использованы возможности цвета). Золотой Талер изображен грязно-желтым, а не сияющим ярким как в тексте. Весь пейзаж погружен в туман, а доминирующим являются коричневый цвет в сочетании с темно-зеленым и серым. В тексте же сказки совсем другое описание, а главное идея иная. Читаем текст. Несмотря на то, что падение монеты на землю сопровождалось молнией, через минуту все вокруг было как обычно. На солнце серебрились легкие паутинки. Только где-то в *голубом* небе кружил коршун.

Задача художника – помочь увидеть сказку читателю, художественно интерпретировать ее смысл, а не исказить его.

Этого возможно достичь следующими средствами и приемами:

1) поменять смысловые (в том числе и с помощью цвета) акценты, разделить светлое и темное;

2) показать не только внешний, но и внутренний облик главного героя. Поддержать это решение изображением окружающего мира, пропущенного через призму теплого света. Использовать яркие, теплые цвета: желтый, голубой, чистый зеленый, коричнево-желтый;

3) изменить площадь, выделяемую под смысловые «пятна»: значительно уменьшить темно-коричневое пятно (поле), в то же время увеличить изображение Добруся, выдвинуть его на первый план, а также увеличить площадь неба, света, ярче показать монету (не приглушенным грязно-желтым, а ярким сияющим чистым желтым цветом);

4) использовать контраст: на залитом солнцем пейзаже показать серое пятно Коршуна. Образ серой хищной птицы – традиционно негативный в литературе и фольклоре. Наделить Коршуна не свойственными птице качествами, признаками. Здесь Коршун – это не птица, а обличье «зла».

Немного подробнее остановимся на цветовой гамме, ее роли в отражении идеи произведения и восприятии его содержания читателями. Искусствоведы отмечают, что всякое цветовое сочетание несет в себе какую-то **мысль**, чувство, «мотив» [3]. Иллюстрация к рассматриваемой сказке вызывает у читателя чувства угнетенности, безысходности, грусти, обреченности, а также страха перед нависшей угрозой в виде коршуна. Это и не случайно: так воздействуют выбранные художником цвета (темно-коричневый, бледно-серый, коричнево-зеленый). Заметим, что, к сожалению, рассмотренная цветовая гамма в оформлении изданий для детей приобрела характер тенденции.

В этом произведении иллюстрация должна быть наполнена светом Бога, радостью, надеждой. С помощью желтого и насыщенного голубого цвета можно вселить в маленького читателя уверенность в победе и торжестве Добра, Бога. Увеличив площадь неба и, используя язык цвета, можно подбодрить ребенка: кто такой Коршун по сравнению с необъятным ярким чистым голубым небом?

В заключении хотелось бы отметить, что, к сожалению, сегодня очень мало создается книг для детей, содержание которых направлено на развитие духовных качеств личности, приближающих ребенка к Богу. Следует говорить и о ином подходе к иллюстрированию книг. Нельзя не учитывать, что качественное продуманное оформление издания обладает сильным воспитательным и духовным потенциалом.

Литература.

1. Залаты Талер: казкі: для мал. і сярэд. шк. узросту / уклад. А. В. Спрычан; каляровыя ілюстрацыі. – Мінск: Маст. літ., 2012. – 210 с. – (Беларуская аўтарская казка).
2. Композиция изданий: особенности проектирования различных типов изданий: учебн. пособие / под ред. С. М. Болховитиновой. – М.: Изд-во МГУП, 2000. – 166 с.
3. Цвет в изобразительном искусстве: пособие для учителей. – 3-е изд./ Л. Н. Миронова. – Минск: Беларусь, 2005. – 151 с.: ил.

Т.В. Пыка

магистр философских наук

Природа не терпит совершенства или к чему приведут нас генетические изыскания XXI века

*Весомы и сильны среда и случай,
Но главное — таинственные гены,
И как образованием ни мучай,
От бочек не родятся Диогены*

Игорь Губерман

Гены, генетический код, геном, геновая инженерия, генетически модифицированные продукты, генетический паспорт... В последнее время эти слова мы слышим особенно часто. Можно сказать, они у всех на устах, они в моде, но отдаем ли мы себе отчет в том, что значат все эти слова и выражения, о чем свидетельствуют и как все это отражается или может отразиться на нашей повседневной жизни. Давайте вместе ступим за грань неизвестности.

Очень интересна и по-своему удивительна сама история появления понятия **ген**. Оно было предложено датским физиологом и генетиком растений Вильгельмом Иогансенom в 1909 году, три года спустя после введения в биологию англичанином Уильямом Бэтсоном термина «**генетика**». Между тем, сорока годами ранее, в далеком в 1868 году английский натуралист и путешественник, более известный как автор эволюционной теории Чарлз Дарвин предложил временную гипотезу «**пангенеза**». Согласно этой гипотезе все клетки организма отделяют от себя особые частицы – геммулы, а из них образуются половые клетки[2, с. 21].

Спустя 20 лет после этого голландский ботаник и генетик Гуго де Фриз выдвинул свою гипотезу внутриклеточного пангенеза и ввел термин «**панген**». Он обозначил им имеющиеся в клетках материальные частицы, отвечающие за отдельные наследственные свойства данного вида[2, с. 22].

Прошло ещё 20 лет, прежде чем В. Иогансен счел нужным воспользоваться только второй частью термина де Фриза – **ген**, чтобы определить «наследственный фактор». Однако он не связывал этот термин ни с какими гипотезами, но предпочел его вследствие его очевидной краткости и легкости для комбинирования с другими обозначениями. Термин **ген** получил распространение в значительной степени именно вследствие своих чисто знаковых, символических преимуществ[2, с. 22].

Обратимся к определению того, что сейчас все называют генами. Слово «ген» происходит от древнегреческого γένος, что значит род. Ген чаще всего определяется как структурная и функциональная единица наследственности живых организмов.

В толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово ген определяется следующим образом: «ген – материальный носитель наследственности, единица наследственного материала, определяющая формирование элементарного признака в живом организме»[6, с. 106].

Словарь микробиологии уточняет: «ген – единица наследственной информации, способная к воспроизведению и расположенная в определенном локусе хромосомы. Обеспечивает преемственность в поколениях того или иного признака или свойства организма» [9].

В Философском энциклопедическом словаре находим такую характеристику генов: «Гены – самостоятельные единицы, передающиеся несмешанными и неразделенными; они присутствуют во всех клетках. Наследственность основана на передаче генов новому поколению. Каждый ген действует совместно с гомологичным геном. Поэтому в совокупности гены образуют своего рода двойной набор» [7, с. 95].

Учебно-методическое пособие Белорусского государственного медицинского университета не просто определяет ген как «участок молекулы ДНК, кодирующий определенный полипептид» [3, с. 24], но и представляет читателю подробную характеристику свойств генов.

Остановимся на некоторых из них:

- Специфичность – уникальность каждого гена;
- Целостность – как функциональная единица ген неделим;
- Стабильность – гены относительно устойчивы;
- Лабильность – в то же время они могут изменяться, мутировать;
- Плейотропия – один ген отвечает за несколько признаков;
- Пенетрантность – частота проявления гена [3, с. 24-25].

Изучением генов занимается особая наука – генетика, родоначальником которой принято считать Грегора Менделя. Важной её частью является генетика человека. Она «изучает закономерности наследования нормальных и патологических признаков, их изменения под действием окружающей среды» [3, с. 55]. Сами же механизмы наследственной патологии, методы диагностики, лечения и профилактики наследственных болезней исследует медицинская генетика. Среди ее задач выделяют:

- Совершенствование методов диагностики наследственных болезней;
- Медико-генетическое консультирование;
- Создание банка генов;
- Разработка методов генной терапии на основе генной инженерии;
- Разработка методов защиты генофонда человека [3, с. 55].

Человек как объект генетических исследований с точки зрения самих медиков имеет определенные особенности и ряд сложностей, в частности, экспериментирование в отношении человека невозможно, люди обладают сложным хромосомным набором, имеют много групп сцепления, для них свойственно малое число потомков в семье и медленная смена поколений [3, с. 55]. А ведь именно гены определяют наследственные признаки, передающиеся от родителей потомству при размножении. Потому они становятся ключевым фактором рассмотрения при исследовании наследственных болезней. Сразу же уточним, что к числу наследственных болезней относятся лишь те, в основе которых лежат структурные изменения в генетическом материале. Одни из них клинически проявляются уже в первые дни после рождения, другие в юношеском, зрелом, а иногда и в пожилом возрасте [3, с. 56-64].

Сегодня число известных наследственных болезней измеряется тысячами, среди них, по меньшей мере, одна тысяча сопровождается умственной неполноценностью. На каждые 500-750 новорожденных приходится один ребенок с болезнью Дауна, высока частота рождения детей и с другими достаточно серьезными хромосомными заболеваниями, такими как синдром Патау (1:6000), синдром Эдвардса (1:7000), синдром «кошачьего крика» (1:45000) [3, с. 66-67].

Кроме того совсем не редки так называемые пороки развития – «стойкие морфологические изменения органа, системы или организма» [4, с. 429], известные ещё с глубокой древности. Частота их появления сегодня колеблется от 2,7% до 16,3% [4, с. 429-430].

В течение XX и начала XXI столетий отмечен значительный абсолютный и относительный рост числа наследственных болезней и аномалий развития. Причин этому много, как физических, так и нравственных, но именно сейчас развитие генетики и медико-генетической диагностики и консультирования может способствовать предотвращению этих болезней и облегчению страданий многих людей. На это правомерно указывает и Русская Православная Церковь в принятых в 2000 году «Основах социальной концепции». Однако кроме медицинской стороны этого вопроса Церковь делает акцент и на нравственном, ведь генетические нарушения нередко становятся итогом «порочного образа жизни, в результате которого страдают и потомки» [5, с. 64]. В этом случае генетические нарушения становятся уже следствием, а ведь успешное лечение заболевания невозможно без выявления и устранения его причины. В этом случае союз здоровья и нравственности, совместные усилия Церкви и Медицины – залог здоровья и процветания будущих поколений.

Церковь безусловно «приветствует усилия медиков, направленные на врачевание наследственных болезней» [5, с. 64], но обращает особенно внимание на то, что целью генетического вмешательства не должно быть только искусственное «усовершенствование» человеческого рода [5, с. 64]. Генная терапия активно развивается на протяжении последних десятилетий и ищет самые радикальные способы борьбы с генетической причиной заболевания. Наиболее перспективной в этой связи становится замена «мутантных генов, используя методы генной инженерии» [3, с. 69]. Суть этого способа заключается в искусственном введении в пострадавшую клетку новой генетической информации, призванной поправить ту, которая провоцирует болезнь, что, безусловно, связано с серьезной опасностью. Поэтому и Церковь, отметим, совершенно правомерно, настаивает на том, что «генная терапия может осуществляться только с согласия пациента или его законных представителей и исключительно по медицинским показаниям» [5, с. 64].

Это же касается и генной терапии половых клеток, поскольку она «связана с изменением генома (совокупности наследственных особенностей) в ряду поколений, что может повлечь непредсказуемые последствия в виде новых мутаций и дестабилизации равновесия между человеческим сообществом и окружающей средой» [5, с. 64-65].

Ещё более сложным и опасным представляется вопрос пренатальной (дородовой) диагностики, который позволяет выявить наследственные нарушения на самых ранних стадиях внутриутробного развития. Некоторые из таких методов вполне безопасны для плода и могут повторяться (например, УЗИ), другие могут вызывать осложнения или представлять угрозу для плода, однако их применение осуществляется только при наличии особых показаний [3, с. 62-63].

В медицине существует понятие «генетического риска», средняя (до 20%), повышенная (10%) и высокая (более 20%) степень которого становятся показаниями для аборта [3, с. 68]. Печальным в подобной ситуации становится то, что медики, которые борются в первую очередь за жизнь, а не за ее качество, нередко сами подталкивают будущих родителей на основании «риска» к прерыванию беременности, видимо, забывая слова данной ими врачебной клятвы: «проявлять высочайшее уважение к жизни человека, посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека» [10].

Русская Православная Церковь так отзывается на эту проблему: «Пренатальная диагностика может считаться нравственно оправданной, если она нацелена на лечение выявленных недугов на возможно ранних стадиях, а также на подготовку родителей к особому попечению о больном ребенке» [5, с. 65]. Это не просто слова, ведь правом на жизнь, заботу и любовь обладает каждый человек, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, убеждений, происхождения, социального положения или наличия у него тех или иных заболеваний. Не об этом ли говорит каждому из нас Всеобщая декларация прав человека, постулируя в 3 Статье: «Каждый человек имеет право на жизнь» [1, с. 7].

Генетика, генная терапия и инженерия сегодня имеют ярко выраженный двойственный характер, две стороны медали. По моему глубокому убеждению, «другая сторона» просто не

имеет права быть даже в теории ни для Медицины, ни для Церкви, ни для Общества. Все полученные новые знания и навыки, открытия и разработки должны быть использованы только на благо, а значит, для жизни.

Думаю, многие смотрели фильм бельгийского кинорежиссёра Жако Ван Дормала «Господин Никто» (Mr. Nobody). Главный герой этого фильма – 118-летний старик, последний смертный человек на Земле. Все прочее население планеты – вечно молодые клоны, ведь у каждого из них есть свинка со стволовыми клетками. Все остальное не имеет значения: они бессмертны. Им чужда любовь, они не понимают, что это такое, в то время как главный герой только и делает, что говорит о любви. Этот невообразимый контраст не покидает зрителя на протяжении всего фильма. И перед каждым из нас режиссер безмолвно ставит один и тот же вопрос: быть совершенным бессмертным и не знать любви или все-таки остаться несовершенным смертным, но испытывать её [8].

XXI век – век новых технологий, ожидаемых научных открытий и неожиданных прорывов. К чему приведет нас генетика: выявлению гена вечной молодости или гена бессмертия, может быть, гена счастья? Какие усилия и даже жертвы потребуются от всех нас для этого? И в конечном итоге, сможем ли мы разумно распорядиться этим даром?

На эти вопросы сегодня каждый вправе ответить для себя сам.

Литература.

1. Декларация прав и свобод человека и гражданина: Принята Верхов. Советом РСФСР 22 нояб. 1991 г.. – М.: ТОО «Иван», 1993. – 30 с.
2. Голубовский М. Д. Век генетики: эволюция идей и понятий. – СПб.: Борей Арт, 2000. – 262 с.
3. Медицинская биология и общая генетика для медицинского факультета иностранных учащихся: учеб.-метод. пособие/ В.Э. Бутвиловский [и др.]. – 3-е изд. – Минск: БГМУ, 2010. – 232 с.
4. Общая хирургия: учебник. В 2 т./ Г.П. Рычагов [и др.]; под ред. Г.П. Рычагова, П.В. Гарелика. – Минск: Выш. шк., 2009. – Т. 2. – 492 с.
5. Основы социальной концепции Русской православной церкви/ Юбил. Архиер. собор Русской православной церкви. – М.: Б.и., 2000. – 88 с.
6. Толковый словарь русского языка/ под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – 24-е изд. – М.: Азъ, 2003. – 940 с.
7. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост.: Е.Ф. Губский и др. – М.: Изд. дом «Инфра-М», 1999. – 574 с.
8. Михаил Попов. Премьера фильма «Господин Никто» (рус.). The Best Photos: Светские новости (14 апреля 2010). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thebestphotos.ru/14/04/2010/rossijskaya-prem-era-fil-ma-gospodin/>. – Дата доступа: 05.04.2013.
9. Словарь микробиологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_microbiology/. Дата доступа: 07.04.2013.
10. Федеральный закон 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html>. – Дата доступа: 06.04.2013.

Е.Н. Русанова

аспирантка НИУ «Белгородский государственный университет»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ: СОЦИАЛЬНЫЙ, ЮРИДИЧЕСКИЙ И НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ

В современном мире всё более утрачиваются родственные связи между людьми. Люди забывают своих предков, свою историю. Но пока что человечество не потеряло основную нить, связывающую его с предыдущими поколениями, - родителей. Но всё больше и больше люди отдаляются от них; в свою очередь и родители забывают о том, что они несут ответственность за своих детей. Так в чём же она выражается, эта ответственность?

Аспект первый: нравственный.

Прежде всего, родители дали своим детям жизнь. И с момента их появления на свет несут на себе огромную, ни с чем не сравнимую ответственность. Именно от родителей, от того, как они будут воспитывать своих детей, зависит, какими те вырастут, кем они будут: порядочными гражданами или преступниками, добрыми людьми или злыми, честными членами общества или обманщиками. Родителей можно сравнить со скульптором: скульптор лепит статую, родители – душу человеческую. Одно неверное движение – и статуя безнадежно испорчена, но можно ведь сделать другую. Некоторые считают, что можно так поступить и с человеком – можно выбросить его из своей жизни потому, что он не соответствует запросам и ожиданиям. Христианская мораль отдаёт ведущую роль в развитии человека именно родителям. Нет ни одного святого, чьи родители не были праведными, благочестивыми, богобоязненными людьми; исключение составляют лишь мученики первых лет христианства, чьи родители были язычниками, но в данном случае всё объясняется просто – свет христианства ещё не дошёл до них, но при этом во многих случаях кто-то из окружения мучеников был христианином, иногда – один из родителей, и именно эти люди повлияли в дальнейшем на судьбу этого мученика, на его дальнейший выбор.

Аспект второй: социальный.

Социальная ответственность родителей заключается в том, чтобы адаптировать ребёнка к дальнейшей жизни в обществе. Родители призваны материально обеспечить детей, создать в семье благоприятный нравственный и эмоциональный климат. Для грамотного воспитания детей родители должны иметь педагогическую культуру. Недопустимо, чтобы в семье царила атмосфера недовольства, недоверия, раздражения, агрессивности, ссор, драк, хронические конфликты. Если родители ведут явно аморальный или противоправный образ жизни; если в семье царит культ потребления, эгоистическая направленность либо пассивная социальная позиция, то, в результате, мы получим асоциальную личность, склонную к нарушению правопорядка, аморальному поведению, т. к. ребёнок считает всё, что видит в своей семье – абсолютной нормой, которой он будет придерживаться всю оставшуюся жизнь, а любые другие модели поведения станут для него «исключением из правил». Даже во внешне благополучных семьях родители допускают множество педагогических ошибок, влияющих на личность их ребёнка, например, авторитарность, стремление подчинить себе ребенка, непринятие в нем индивидуальности, навязывание готовых мнений и решений, строгая дисциплина, использование в качестве основной меры воспитания принуждения и физических наказаний, попустительство, чаще всего потворствующее: признания права ребенка на полную автономию, безнадзорность, низкая осведомленность о проблемах ребенка, его поведении на улице и в школе, бесконтрольность, гиперопека – защитный стиль отношений: оправдание и защита ребенка во всех ситуациях, ограждение от трудностей, удовлетворение всех нужд и потребностей ребенка, непоследовательность и противоречивость: воспитательные дела, инициативы никогда не доводятся до конца, сочетание крайности воспитания (повышенная требовательность и бесконтрольность, слабоволие, родительская беспомощность, репрессии (наказания, избиения) и безнадзорность, гиперопека и непонимание ребенка), гиперсоциальность: повышенная

принципиальность, правильность, бескомпромиссность требований, излишние запреты, морализирование, нетерпимость к слабостям и недостаткам, недостаточная отзывчивость: не учитываются возможности ребенка и его потребности, что лежит в основе стремления навязать ребенку непосильные цели, дела, режим (например, занятия музыкой, требование отличных оценок) и преобладания отрицательных реакций на поведение (замечания, ругань, предостережения, укоры и т. д.), положительные же реакции (похвалы, ласка, поддержка, одобрение) сведены к минимуму, инверсия родительских ролей: одностороннее женское влияние, самоустранение отца от воспитания. Между тем, родители обязаны дать ребёнку образование, заботиться о его здоровье, осуществлять контроль за своим ребёнком, профилактическую работу с ним, предотвращать антиобщественные действия и правонарушения, заботиться о безопасности жизни и здоровья ребёнка, воспитывать его, не допускать, чтобы ребёнок бродяжничал, попрошайничал, пропускал занятия в школе, употреблял психоактивные, токсические, наркотические вещества, спиртное, занимался табакокурением, участвовал в антиобщественных организациях. Родители должны интересоваться жизнью ребёнка, его успехами и неудачами. В настоящее время одной из проблем современного общества является отсутствие социальной ответственности и у молодых родителей, и у людей, которые уже давно создали семьи. Многие заводят детей, чтобы получить материнский капитал, а затем потратить его на личные нужды, забывая о том, что если люди завели ребёнка, нужно потом его ещё и воспитать. Пренебрежение родительскими обязанностями является главной причиной нарушений законных интересов и прав детей. Дети вправе рассчитывать на защиту и заботу, прежде всего, своих родителей, родных и близких. У безответственных родителей чаще всего виноваты двор, школа, общество, государство, сами себя они никогда не винят в том, что их ребёнок не смог стать полноценным членом общества. Именно из семьи ребенок выносит свои первичные моральные и жизненные принципы, родители формируют личность нового члена общества. Многие родители вряд ли задумываются о будущем своих многочисленных отпрысков. Некоторые в силу своей недалёкости, некоторые - в силу своей беспечности.

Аспект третий: юридический.

Согласно п. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Они обязаны заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обеспечивать им получение основного общего образования, а также защищать права и интересы своих детей. В соответствии с п. 1 ст. 18 Конвенции ООН о правах ребёнка ответственность за воспитание и развитие детей должна быть общей и обязательной для обоих родителей, где бы они ни находились. При передаче ребёнка на воспитание опекуну, попечителю, приёмным родителям в установленном законом порядке родители несут ответственность вместе с заменяющим лицом. Временная передача родителями своих детей на воспитание родственникам, посторонним лицам либо в одно из детских учреждений не освобождает родителей от ответственности за воспитание и развитие детей. Одновременно в ст. 65 СК РФ законодатель указал, как нельзя воспитывать детей, какие способы не должны применяться в процессе воспитания. Недопустимы пренебрежительное, жёсткое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатация детей, причинение вреда физическому или психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Ненадлежащее выполнение родительских обязанностей, безусловно, представляет угрозу для полноценного развития ребёнка, для безопасности общества в целом. Согласно ст. 38 Конституции РФ материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. В соответствии со ст. 43 родители или лица, заменяющие их, обеспечивают получение детьми основного общего образования. В ст. 65 Семейного кодекса РФ сказано, что при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Согласно ст. 69

родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если: уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов; отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома, либо из иного лечебного учреждения, воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения или из других аналогичных учреждений; злоупотребляют своими родительскими правами; жестоко обращаются с детьми; являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией; совершили умышленное преступление против жизни и здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруга. Родители несут уголовную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним (п. 3.1 ст. 156 УК); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (чч.2,3,4 ст. 150 УК); вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, т.е. в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством (чч.2 и 3 ст. 151 УК).

И, в заключение, можно с уверенностью сказать, что именно и только пример родительской семьи, её традиций, отношений, устоев – главная составляющая в развитии ребёнка.

В.П. Старжинский

*доктор философских наук, профессор
профессор ГУО «Белорусский национальный технический университет»*

Н.П. Скляр

Минский столичный союз предпринимателей и работодателей

АВТОРИТЕТ РОДИТЕЛЕЙ И ШКОЛЫ КАК ОСНОВА ПОСЛУШАНИЯ И ДИСЦИПЛИНЫ

Социально и нравственно положительные черты личности, которые делают человека достойным гражданином любого государства, закладываются с самого раннего детства всей системой воспитания и обучения – эти понятия всегда были и будут актуальны для обсуждения в любом обществе, в любую эпоху. Воспитывать такие ценности в новых поколениях всегда остается первейшей и персональной задачей как каждого родителя и педагога, так и школы в целом. И когда мы говорим о качестве образования, то следует выяснить, прежде всего, не то, что у ученика в голове, а то, что у него в душе. Другими словами, приоритетом образования всегда будут не знания сами по себе, а отношение ребенка к своему труду и другим людям – система ценностей. Если же считать наоборот, то получим, формализм и желание образовательной системы создать видимость благополучия.

Как ни банально это звучит, воспитание начинается с семьи и школы, которые закладывают систему моральных ценностей, нравственность и гражданственность, уважение к закону, трудолюбие и ответственность. Или напротив - не формируют положительную систему ценностей, а выпускают в большую жизнь беспредельщика – человека с негативной системой ценностей, потенциального нарушителя всевозможных норм и правил, для которого дисциплина и порядок противоестественны. Из этой жизни на грани фола выходит человек-несчастный, подверженный всевозможным порокам, начиная от алкоголизма, наркомании до преступности и суицида.

Однако «процесс свободного воспитания и образования» зашел так далеко, что его результаты при всем желании нельзя не заметить. Отсутствие в школе нормального, добросовестного отношения ученика к своей учебе, дисциплины труда красноречиво демонстрируют результаты централизованного тестирования и низкий уровень духовного

воспитания современной молодежи. Конечно, определенный процент учеников проявляют норму в системе ценностей, растут добросовестными, а значит благополучными гражданами нашей страны, однако их количество с каждым годом все уменьшается и им все более не комфортно быть в среде оголтелых хамов, циников и беспредельщиков, которые стараются свою патологию сделать нормой. И, к сожалению, «кое-где у нас порой» им это удастся, преодолевая сопротивление еще не сломленных, принципиальных учителей.

Что происходит с нашей школой. Готова ли современная школа не только давать знания в необходимом объеме и качестве, но и воспитывать достойных граждан своей страны. Вузовские преподаватели констатируют: студенты ныне с трудом осваивают те учебные проблемы, которые легко осваивали их родители. Они зачастую не в состоянии решать элементарные задачи, связанные с базовыми логическими навыками и не владеют тем, чему должна была научить школа. Школа в ее классическом понимании давно дает сбой – не выполняет своих основных функций – дать базовые навыки мышления, сформировать основы научной картины мира и одновременно – сформировать добросовестное отношение к труду. И не замечать этого, всячески камуфлировать, через новации в системе оценки, новых форм обучения, репетиторство и прочее натаскивание является в исторической перспективе преступлением перед обществом и государством. Мы сетуем на плохую экологию, воздух и питание, недостаточность методической подготовки учителей, недостаточность материального оснащения школ и множество других причин. Все это так. Но главное в том, что наша школа уже давно и тяжело болеет и главный диагноз, на наш взгляд, это отсутствие готовности у ученика учиться, и как следствие отсутствие должного порядка и дисциплины в учебном процессе – сердцевине школы. Естественно, что школа заразилась бездуховностью и отсутствием порядка от общества, в полной мере страдающего этими недугами.

Как распространяется эпидемия бездуховности. Культура и ее антиподы. Для объяснения проблем современной школы ее следует рассматривать в более общем культурном контексте, поскольку образование есть ни что иное, как усвоение культуры через культуротворчество. Для негативиста в качестве культуротворчества выступают понятия антикультура и контркультура. Контркультура – протестная культура, направленная против официальной, «правильной» культуры школы, формализма в образовании и феномена отчуждения, когда ученику глубоко безразлична школа в целом и некоторые ее представители в частности. Контркультура утверждает себя через представление официальной культуры и ее стандартов в негативно-гротескном свете, унижение лучших представителей школьной культуры, использование ненормативной лексики, выработку специального языка (сленга), кличек учителям и др. Контркультура превращает честного, трудолюбивого и ответственного ученика в «ботаника», учитель получает «погоняло-кликчу». Сленг из уголовной субкультуры проникает в официальную школьную культуру. «Приколоться» означает высмеять добродетель, а также оправдать списывание, обман, «развод учителя. Чтобы объяснить причины появления контркультуры следует обратиться к понятию близкому, но не совпадающему с ним – антикультуры. Антикультура – это культура в ее отрицательном смысле, которая возникает на основе чрезмерного внимания и нездорового интереса к негативным, теневым, ненормативным сторонам человеческой жизни – смерти, некрофилии, насилию, аномалиям, нигилизму и скверне. Рыночные отношения на телевидении и СМИ в целом привели к массовому тиражированию явлений антикультуры

Эпидемия антикультуры является негативной стороной современной массовой культуры и представляет собой вирус, поражающий не просто отдельного человека (его дух, сознание), а часть общества, его аутсайдеров. Антикультура как эпидемия воздействует, прежде всего, на молодежь как «неокрепшие» души не выдерживающие испытания на прочность и поддающиеся соблазнам.

Описываемое нами явление беспредела в разных сферах культуры и индивидуального поведения многолико и не последнюю роль в нем сыграл компьютер, последствия

информационного общества и развитие информационно-коммуникативных технологий – дефицит непосредственного вербального общения, иллюзия виртуальной свободы, развлекательный характер виртуального общения и др.

Однако все реформаторы, предлагающие средства для лечения недуга школы, боятся обнаружить то средство, которое реально может оказаться эффективным. Раздаются сетования об утраченных моральных ценностях, о низкой духовной культуре, но с удивительной настойчивостью отказываются говорить об элементарной дисциплине, по видимому, опасаясь прослыть ретроградами, душителями свободы.

Дисциплина в школе и семье, прежде всего. В школах большая часть учителей боится вводить дисциплинарные методы воспитания, будто бы оберегая достоинство детей от насилия. Дисциплина же в отличие от насилия держится на свободе личностного выбора как самодисциплины, подразумевает сознательные ограничения с целью повышения эффективности деятельности, которые не только рационализируют деятельность, но и приводят к формированию личности, ее самоорганизации. В случае возникновения каких-либо трудностей свободный человек, обладающий дисциплинированностью ума и духа, способен организовать свою деятельность таким образом, чтобы предвидеть результат своей организованности и обеспечить успех предпринятого начинания. В обществе же, в котором царит хаос, по недоразумению называемый свободой, невозможно предвидеть результат никаких начинаний, ибо поведение человека никак не поддается логическому прогнозированию по причине неорганизованности и спонтанности.

Между тем, общественный хаос и беспорядок, зарождается в семье в виде банального непослушания ребенка по отношению к родителям, подобно цунами возникающему далеко от берега, в океане в виде невинного завихрения. Разрушительных общественных последствий недисциплинированности и беспорядка можно было бы избежать, если бы родители с самого раннего возраста приучали ребенка слушаться их, стали бы для него образцом для подражания. Конечно, навык послушания у ребенка не может возникнуть сам по себе, ибо представляет собой главную задачу родителя как педагога и воспитателя, с которой большинство справиться не может. И причина неудачи заключается, прежде всего в том, что родители не берут на себя труд постоянного общения со своим ребенком. Вместо установления педагогического контакта, основанного на любви, постоянном общении и совместной деятельности, переживании общих радостей и неудач родители зачастую подбрасывают ребенку «мультяшную развлекаловку», закрывая путь к душе ребенка.

Некоторые родители занимают позицию спонтанного формирования положительных качеств личности по принципу «подрастет, поумнеет и станет послушным». К сожалению, автоматически, сами по себе, подобно сорнякам растут лишь ленность, безответственность, неорганизованность, непослушание. Позитивные моральные качества требуют труда души, больших нравственных усилий, и помочь ребенку в нравственном самосовершенствовании – святая задача родителя.

Ребенок, прошедший школу осмысленного семейного послушания может приобрести навыки, научиться быть свободным, потому что свобода – это отнюдь не спонтанное поведение по принципу «что хочу, то и делаю». Ребенок, поступающий подобным образом, становится заложником не всегда рациональных желаний и страстей, последствия реализации которых, как правило, не предсказуемы и деструктивны. Ребенок должен усвоить, что в обществе существует «табу», а в его сознании понятие «нельзя». Действительно свободным человек становится лишь тогда, когда приходит понимание ребенком отнюдь не простого обстоятельства, что жизнь в обществе себе подобных людей невозможна без порядка и различных ограничений, которые означают необходимость подчинения, вначале родителям, а затем собственным ограничениям и дисциплине. Однако эта задача подобна восхождению на Эверест, ибо главным препятствием на пути восхождения будут обиды, протест, чувство якобы попранной справедливости. При всем давлении (мягком насилии) родителей, необходимо соблюдать священное правило: ребенок в конечном итоге должен сохранить веру в то, что его родители предъявляют ему

обоснованные требования, которым они подчиняются сами, а также другие взрослые люди. В этой ситуации произвол или сиюминутные эмоциональные реакции на поведение детей не допустимы.

Что такое послушание. Послушание это первейшее условие и одновременно одна из главных целей воспитания в семье и коллективе. Педагогика определяет послушание как поведение человека, характеризующееся добровольным подчинением авторитету. В этом определении два ключевых смысла. Первый связан с необходимостью подчинения. Однако эта необходимость основывается не на насилии (хотя бы и легитимном). В качестве такой силы, заставляющей подчиняться, выступает обычно сила традиции, сила авторитета. И в этом состоит второй великий христианский смысл послушания. Основа семейного воспитания и состоит в формировании у ребенка уважения и почитания старших и прежде всего своих родителей – отца и матери. Добродетель послушания является одной из важнейших в христианстве. По словам Мейстера Экхарта: «Истинное и совершенное послушание — это добродетель превыше всех добродетелей, и никакое великое дело не может осуществиться или быть доведено до конца без этой добродетели».

Несомненно, что родители должны быть авторитетом для своих детей. К сожалению, в реальной жизни родители не всегда ведут себя ответственно перед своими отпрысками, либо не умеют строить семейную педагогику и поэтому не являются авторитетами и в результате плодят непослушание. Нередко педагогам приходится сталкиваться с искренним удивлением весьма правильных родителей непослушанию своих детей. И здесь хочется сказать лишь одно: готовность к послушанию у разных детей разная. И если вам не повезло, больше внимания и терпения уделяйте формированию этого качества у вашего ребенка, ибо семейное воспитание это искусство и чувство меры во всем. Следует обратиться также к мудрости народной педагогики, согласно которой послушание и его отсутствие, основная головная боль, которая может обернуться большой бедой в будущем. Вспомните, что говорили наши бабушки о своих внуках, обнимая его и делая так, чтобы он проникся важностью обсуждаемого: «Хороший мальчик, да вот только не всегда послушный». Несомненно, что почитание и уважение взрослых, культура и воспитанность ребенка говорит о его главной добродетели – послушании.

Если говорить о взрослых людях, то законопослушный гражданин - основа не только юридического благополучия, но и экономического процветания страны. С точки зрения коммуникативного общества, послушание выступает, как умение слышать другого, уважать себя и другого. Как уже говорилось, послушание у взрослых проявляется, прежде всего, в законопослушании. Однако более общий смысл послушания проявляется по отношению к культуре, вернее к ее нормативной стороне и прежде всего духовной культуре. Послушание в этом смысле – это соблюдение правил приличия, нравственных норм и правил духовного бытия, формирование внутренней дисциплины. Современный перекося в системе ценностей в сторону материального богатства и приводит к жизни и поступкам не по совести. Именно эта аномалия со всей очевидностью показывает, что богатая духовная жизнь – это возможность слышать голос совести, голос культуры, голос того как надо жить, чтобы быть человеком. Этот внутренний голос совести говорит о богатой духовной жизни и внутренней самодисциплине. А все наши беды – от невоспитанности и бескультуры.

Однако многие взрослые этого не понимают, не говоря уже о детях наших малых, детях неразумных. И опять на ум приходит народная педагогика, где говорится о любви к детям и о взаимной любви детей к родителям. Помните: «Люби как душу, колоти как грушу». Естественно, что современное прочтение этой пословицы означает любовь и наказание, кнут и пряник. Ну а любовь детей к родителям во многом иррациональна: «Сердце матери в детках, детей – в камне». Задача родителей своей любовью и воспитанием растопить этот детский сердечный камень. Да, что уж говорить о детках. Взрослый на вид «детина», также зачастую непослушен, и создает еще больше проблем родителям, при этом обосновывает свое непослушание правом на собственное счастье. Дескать, не мешайте мне быть счастливым, не учите меня жить, а лучше помогите материально. «Зачем ты заставляешь

меня вкалывать (на даче, заниматься спортом, музыкой). Мне это неприятно, тяжело, ты рабовладелец и диктатор и меня не любишь. Вот другие родители...». И родители сдаются и отступают, чего делать нельзя категорически (разве что временно, в тактических целях). В этой ситуации следует занять твердую позицию, что счастье – это отнюдь не удовлетворение физиологических потребностей. До счастья нужно дорасти, а дорога к нему – труд, послушание, самодисциплина и постоянная работа над собой.

Мы абсолютно уверены в том, что всякое нарушение дисциплины, распущенность, хамство и бескультурье, попирающие общечеловеческих норм поведения и правил приличия, пьянство и наркомания, уголовные преступления, аварии на дорогах и в семье (разводы и брошенные дети) всё это прорастает из непослушания. Непослушание – это не просто плохое поведение, а стиль жизни и образ мысли, когда становится возможным переступить черту совести, а затем черту закона. Нам кажется, что пора отменить этот общегосударственный праздник непослушания.

Ребенок и дисциплина. Послушание ребенка, как утверждают психологи, является первой ступенькой, за которой следует вторая – формирование уважения к порядку и дисциплине. Напомним еще раз, что послушание, формируется в процессе общения, и прежде всего формирования у ребенка навыков активного слушания. Некоторые педагоги утверждают, что непослушный ребенок – это, как правило, способная и креативная личность и наоборот. И если ребенка загонять в рамки послушания и дисциплины, то тем самым уменьшается его креативный потенциал. Однако, подобное утверждение опять-таки исходит из анархистского понимания свободы – отсутствия всяких рамок и ограничений. На наш взгляд, организация, порядок и дисциплина – конструктивный ключ к развитию таланта и креативности. В противном случае никакая талантливая личность не защищена от разрушения и деградации. В воспитании, как нигде необходимо чувство меры: абсолютное и беспрекословное послушание действительно может изуродовать личность, точно также, как и полная «свобода».

Масару Ибука – основатель фирмы "Сони", создатель организации "Обучение талантов", автор сенсационной книги "После трех уже поздно" – считает, что основное воспитание личности происходит до 3 лет. Вместе с тем у японского малыша существует период «вседозволенности» до 5 лет. До этого возраста японцы обращаются с ребенком, «как с королем», с 5 до 15 лет – «как с рабом», а после 15 – «как с равным». Считается, что пятнадцатилетний подросток – это уже взрослый человек, который осознает свои обязанности и безукоризненно подчиняется правилам и нормам общественной жизни. Естественно, что система японского воспитания основывается на японских традициях и менталитете, японском мировоззрении и образе жизни японской нации, в силу чего и не может быть перенесена безоговорочно на отечественную почву.

В нашей действительности процесс семейно-школьного воспитания выглядит по-иному.

Школа не может позволить себе относиться к ребенку от 5 до 15 лет по японскому сценарию как к «рабу», и поэтому основное педагогическое воздействие в плане формирования послушания должно принадлежать семье. Если в раннем детстве эти навыки послушания не сформированы надлежащим образом, то дисциплинированность становится главной проблемой для организации нормального учебного процесса.

Как утверждают специалисты по дошкольному образованию, современный ребенок не желает выполнять бессмысленных с его точки зрения действий, он не терпит никакого насилия и принуждения и не довольствуется вопросом почему (объяснения), а переходят на ценностно-смысловую сферу, задавая вопрос «зачем». Современные дети рождаются с более высоким уровнем интеллекта. Однако почему из более интеллектуальных детей выходят из школы гораздо менее интеллектуальные выпускники. Внимательный читатель знает ответ.

Исходя из подобных социокультурных новаций информационного общества, некоторые педагоги непослушность наших детей совершенно неоправданно переводят в разряд врожденных качеств. Эти педагоги утверждают, что дети обладают гипертрофированным инстинктом свободы, а потому в массе своей не послушны. Действительно анархистское

понимание свободы присуще, прежде всего, детям в силу их необразованности и неразвитости личностной сферы. И святая задача родителя привить ему цивилизованное чувство и понимание свободы, основанное на социокультурных рамках ограничений – послушанию и дисциплине. Осознанная свобода в отличие от подражания (импринтинг) отнюдь не является врожденным качеством, а напротив результат и одновременно необходимое условие образования (воспитания) личности. Концепция «свободного» воспитания проникла и детские дошкольные учреждения и в систему семейного воспитания. Как говорят некоторые педагоги, проще всего быть «добреньким», а не наказывать, заставлять, порицать, сознательно идти на педагогически оправданный конфликт, разрешение которого приводит к очищению детской души. Если этого не делать, то из ребенка вырастает «истеричный, своевольный не знающий укорота, замучивший себя и окружающих социопат, изнеженный, избалованный истерик» (М. Телегин). Воспитание как формирование культурных привычек превращается в «торможение инстинктов культурой» (К.Д. Ушинский)

Существующая школа нуждается в постоянном реформировании. Тем не менее, в этом реформировании инвариантом останется дисциплина поведения. В противном случае школа с ее классно-урочной системой кажется «свободному» ребенку каким то ужасным и несправедливым наказанием. Подчинение взрослым, «непонятной» дисциплине вызывают у него неосознанный протест и мешают нормально вписаться в новую жизнь-урок, как дисциплинарно организованную форму учебного процесса. Внутренний протест и отсутствие элементарных навыков самоорганизации приводят к тому, что такой ребенок не может сосредоточиться на уроке, переключаться с одного вида деятельности на другой, спокойно починяться требованиям взрослых. Дома его ожидают еще большие трудности из-за отсутствия навыков самоорганизации: он не умеет, а потом и не желает сосредоточиться на выполнении домашних заданий, подчинении своей жизни определенному ритму, необходимому для систематической учебы. В итоге у такого ребенка появляется отчуждение и непонимание не только с родителями, в этом случае чуждой ему становится сама школьная система. Недисциплинированный ребенок ищет близкую ему по менталитету субкультуру – анти- и контркультуру и сообщество аутсайдеров.

Таким образом, не сформированные навыки подчинения и дисциплины затем превращаются в хроническую аномалию социального поведения, и личностного несчастья. Подобный стиль жизни основывается на игнорировании простого правила - свобода без обязанностей, самодисциплины, самоорганизации превращается в свою противоположность несвободу и конфликты с обществом и самим собой и санкции различного уровня.

Жизнь недисциплинированного ребенка направлена на борьбу с неправильной школой и несправедливым миром, то есть деструктивна, в отличие от нормального поведения, где основные нравственные и волевые усилия направлены на достижение успехов в учебе, развитие способностей, личностный рост, которые без сознательной дисциплины или самодисциплины попросту не возможны. Поэтому решающая роль как в подготовке к школе, так и в дальнейшем, во время обучения ребенка, принадлежит родителям, задачей которых является совместное с учителями и школой воспитание и обучение своих детей, в том числе и по поддержанию дисциплины на всех этапах школьной жизни.

Авторитет родителей – основание их влияния, которое внутренне признается детьми и постепенно теряется при неверном поведении родителей. Авторитет родителей является базисом семейной педагогики и ведет к послушанию детей и воспитанию их счастливыми, успешными и гармоничными индивидами. Он не является константой и последовательно строится взаимными усилиями супругов и детей в семье. Зачастую авторитет родителей теряется, что приводит к значительным проблемам в воспитании порастающего поколения. Современная педагогика и теория воспитания вырабатывает общие принципы наработки, сохранения и упрочения авторитета родителей. Признаком отсутствия авторитета является ситуация, когда дети не уважают, не дружат, не слушают и слушаются своих родителей. При этом подобные качества дети проявляют не иногда, а в большинстве случаев. Авторитет

родителей держится, прежде всего, на авторитете одного из родителей (раньше отца), который конституируется правом принимать большинство решений, выбирать цели, устанавливать обязанности всех членов семьи. Хотя основные решения принимает один родитель, в повседневной жизни участвуют оба. Как правило, мать в большей мере вовлечена в повседневные дела детей, однако ее задача — подтверждение авторитета отца. Исследования показывают, что отцовский авторитет основывается на высокой требовательности к ребенку, которая приводит к формированию у ребенка высокой самооценки. Если же в семейном воспитании не проводится политика требовательности, то ребенок будет игнорировать отца, а впоследствии и мать. Требовательность должна сочетаться со справедливостью и обоснованностью требований и безусловной заботой и любовью. Родителям запрещается выяснять отношения перед детьми, а также срывать на них свое настроение. Родители формируют свой авторитет перед детьми, ведя достойный и ответственный образ жизни. Родители должны соблюдать единство требований и поддерживать авторитет друг друга. Детям следует прививать уважительное общение не только с родителями, но и со старшими: не кривляться, когда отвечаешь родителям или взрослым; не перебивать; вставать, когда разговариваешь со старшими, и др. Послушание воспитывается с детства, и если упустить время, то у подростка послушание сформировать практически нереально. Поскольку авторитет родителей формируется в процессе сочетания заботы и требовательности, то детей нужно приучать выполнять распоряжения родителей. В педагогике сформулированы определенные рекомендации по формированию послушания. При этом следует требовать к ребенку не доводить до утраты контакта с ним. Детей нужно научить сотрудничать, а не воевать с родителями. Это не означает исключение наказания из арсенала средств воспитания.

Однако ни в коем случае нельзя давать ребенку усомниться в вашей любви. При этом послушание и авторитет родителей не являются самоцелью, а лишь одним из средств и условий правильного воспитания и самовоспитания ребенка для обретения им счастливой и гармоничной жизни.

Естественно, что школьное воспитание должно быть продолжением семейного. В целях улучшения школьной дисциплины выносим на обсуждение читателей следующие мероприятия, которые, на наш взгляд, могли бы улучшить учебную дисциплину в школах, положительно сказываясь на учебном процессе и в целом на взаимоотношениях педагогов и учеников.

1. Законодательно установить, что при приеме ребенка в школу, независимо от возраста и класса, школа заключает с родителями (законными представителями несовершеннолетнего) договор, в котором оговариваются права и обязанности обеих сторон, ответственность и меры воздействия, с правом за грубые нарушения школьной дисциплины, исключать ученика из школы (досрочное прекращение образовательных отношений по инициативе учреждения образования) до конца учебного года.

2. Ввести в школах, на систематической основе, проведение уроков дисциплины, на которых подробно разъяснять, в зависимости от возраста, права и обязанности всех участников образовательного процесса, ответственность за нарушения школьной дисциплины, понятие о субординации, о соотношении свободы и необходимости и т.п. В старших классах давать разъяснение о трудовой, производственной и технологической, воинской, государственной дисциплине, о налоговом законодательстве и роли налогов в функционировании любого государства, дать понятия об административных и уголовных правонарушениях, ПДД и т. д. Показывать, что ни одна организация не может существовать и успешно работать, не имея дисциплинарных требований к своим работникам. Подготовить соответствующее методическое пособие.

3. Вернуть в школьный дневник и аттестат графу «Дисциплинированность и прилежание», а также соответствующую процедуру оценки этих качеств личности, характеристику деятельности и поведения ученика в школе и дома. Учитывать эту оценку

при поступлении в ВУЗ, исходя из аксиомы, что дисциплинированный школьник – это будущий успевающий студент и квалифицированный специалист.

4. Создать при школах в рамках педагогического совета, дисциплинарные комиссии с привлечением родителей, учителей, участкового милиционера, службу работы с малолетними правонарушителями, службу профилактики СПИД, алкоголизма и наркомании, службу профилактики ДТП ГАИ и др., на которых рассматривать поведение нарушителей школьной и общественной дисциплины с приглашением на заседания их родителей.

5. Разработать систему штрафов родителей, а также систему финансовых поощрений учеников за соответствующий стиль и результаты учебной деятельности и поведения. Необходимо, чтобы рыночные, финансово - экономические отношения не разрушали позитивную систему ценностей в школе, а, напротив ее укрепляли и мотивировали. Все штрафы идут в фонд школы для материального поощрения лучших учеников. Следует продумать другие источники финансирования.

6. Разработать систему школ для педагогически запущенных детей и детей систематически нарушающих дисциплину со специальной программой и режимом работы.

7. Пересмотреть школьные программы с целью снижения уровня абстрактности и оторванности от реальных проблем жизнедеятельности человека с привлечением современных информационно-коммуникативных технологий. Регламентировать пользование детьми в семье телевизором и компьютером.

И.И. Цыркун

магистр образования

*старший преподаватель БГПУ им. Танка,
тренер Центра перспективного детства БГУ*

МУЖЧИНА И ОТЕЦ: ГЕНДЕРНО-РОЛЕВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В проведенном нами исследовании выявлялись представления о мужчине, об отце, а также выяснялось, является ли роль отца значимой в контексте представлений о мужчине. В первой группе испытуемых были студенты БГУ и БГАТУ, которые обучались по программе «Школа осознанного родительства» в Центре перспективного детства БГУ, а также участвовали в мероприятии «Неделя семьи» (БГУ 22-26.04. 2013 года). Студенты (50 человек) холосты, детей не имеют. Во второй группе испытуемых (27 человек) были женщины педагоги и социальные работники 35-48 лет, имеющие детей разного возраста и пола и опыт семейной жизни.

Предполагается, что данные группы испытуемых по своим социально-психологическим характеристикам воспроизводят межпоколенные и гендерно-ролевые отношения в модели «взрослая женщина – молодой мужчина» («мать-сын»).

Для изучения гендерно-ролевых представлений о мужчине и об отце использовался ассоциативный эксперимент. На слова-стимулы «мужчина» и «отец» испытуемые записывали ассоциативные ответы (пять слов).

Сравнение результатов двух групп испытуемых позволяет уточнить, во-первых, характеристики мужчины и отца и определить их специфику и важность для студентов и взрослых женщин, а также, во-вторых, определить, с чем в большей степени отождествляются студенты: с «материнским» мнением взрослых женщин или с собственным представлением о мужчине и об отце.

Мужчина для молодежной мужской группы – это сила (15%), ум и мужество (по 10% соответственно), отец, опора (по 8% соответственно). Отец для этой группы – защитник (10%), друг, забота, опора, папа (по 6% соответственно).

Мужчина для женской старшей группы – сила, защитник (по 13% соответственно), надежность, опора (по 10% соответственно). Отец для этой группы – любовь (20%), забота (12%), защитник (10%), добытчик (8%).

Представления в двух группах совпадают по поводу мужчины по таким характеристикам, как сила и опора; по поводу отца – забота и защитник.

Для студентов представления о мужчине и об отце имеют такие общие характеристики, как опора и отец, папа. В женской группе представления о мужчине и об отце имеют такую общую характеристику, как защитник.

И в студенческой, и в женской группе представления о мужчине и об отце представлены в виде метафор (сила, опора), социально-психологических ролей (добытчик, защитник, друг), психологических качеств личности (ум, мужество, любовь).

Таким образом, в изученной нами женской группе отсутствует включение роли отца в представление о мужчине. И в то же время, студенты включают роль отца в представление о мужчине, а в представление об отце – личностное обращение «папа».

Е.Н. Шевелева

*магистр социальных наук Манчестерского университета
младший научный сотрудник центра проблем развития образования БГУ*

РОДИТЕЛИ КАК СУБЪЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НРАВСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Зачем человеку родители или в чем заключается конечная цель воспитания? Если говорить очень кратко, – напитать ребенка в ранние годы любовью, заботой, знаниями, поставить на путь праведный и отпустить в мир. Привить ему добрые начатки, помочь открыть для себя Бога и убрать поддерживающую руку, заменив ее на молитвенное воздыхание, когда взрослое чадо будет само исследовать эту жизнь.

Сколько вложит родитель в свое дитя на тех порах, когда оно нуждается в опоре и поддержке, столько и получит в старости заботы и внимания. Не бывает трудов без плодов.

Сегодня эта борьба за путь и душу ребенка стала такой острой, что некоторые родители в отчаянии могут опустить руки: ни государство, ни школа, ни институт не заинтересованы в спасении детской души, да что говорить о спасении, в элементарном человеческом воспитании, которое отличает человека от животного. Родитель сейчас один, и если бы не Бог, можно было бы сдаваться, т.к. один - в поле не воин.

Однако и в семье идут процессы, которые искажают нравственное и духовное зрение родителей, заставляют их своими руками вредить своим неоперившимся детям.

«Бичи» нашего времени – это инверсия (или искажение) супружеских ролей и неполные семьи.

Первая (**инверсия супружеских ролей**) началась уже давно, после революции, вместе с лозунгом «восстание женщин после кухонного рабства» и «долой гнет домашнего быта». Советская женщина «прошла огонь, и воду, и медные трубы» и стала главой в семье. Она почти прекратила свое извечно женское дело (рожать, воспитывать, заботиться) и стала вести мужской образ жизни. Добиваться амбициозных целей, находить себе занятия исключительно вне дома и быта, зарабатывать, сама себя обеспечивать и образовываться во многих сферах жизни. На конец 2010 г. процент белорусских девушек, имеющих высшее и среднее специальное образование, был соответственно 59% и 53% против 41% и 47% парней. По статистическим данным фонда народонаселения ООН, который очень «переживает» за гендерное равенство наших женщин, в аспирантуре на сегодня обучаются 58% женщин, в

докторантуре – 46% женщин. Другими словами, белорусские женщины умнее и образованнее мужчин..

В связи с этим не мог не «подвинуться» возраст вступления в брак и рождения первого ребенка. Если еще в 2005 г. средний возраст первородящей женщины составлял 23 года, то сегодня первый ребенок рождается в 25-26 лет. Связь между образовательными амбициями женщины и созданием семьи нетрудно проследить. Чем дольше женщина учится, тем более отдаляет она семейную жизнь. Обучение дает разные перспективы, от престижной работы до научной карьеры. Оно требует времени, усилий, затрат и здоровья – всего того, что требует, в идеале, семья и дети. Поэтому все чаще перед женщиной встает выбор: или-или.

А современность диктует ей уже новое требование: обогнать мужчину, захватить его права, а он – может, и не нужен... Что остается мужчине? Или спиваться или искать себе, страшно сказать, *партнеров* по несчастью.

Создавая семью, современная сильная женщина и мужчина, которому нет смысла становиться таковым (по закону компенсации), сталкиваются с таким фактом, что в семье супругам нужны совершенно иные качества, нежели они демонстрировали в социуме. Женщина вдруг понимает, что ее независимость, интеллект и предприимчивость дома не востребованы, здесь нужно нечто совсем другое: терпение, смирение, хозяйственные умения, мягкость. Мужчине открывается, что ему просто необходимо когда-то взять на себя решение сложных вопросов, самому дисциплинировать себя, защитить свою семью.

Как сложно людям, ориентированным на другие ценности, ломать себя. Какой стимул, какая мудрость, какая вера должны быть у человека, который понимает, что ему жизненно необходимо взять «курс» в другую сторону. Только откуда этому взяться, если наши родительские - прародительские семьи функционировали точно так же? Мама тянет воз, папа – на диване. Проще «перевоспитать» того, из-за кого, как нам кажется, все проблемы и идут. Поэтому сегодня женщина и зарабатывает, и дома «вкалывает», и детей воспитывает, и это дает ей право считать себя сильной и значимой, и пусть мужчина только заикнется о главенстве, тогда посмотрим, у кого больше ответственности и кто больше делает.

Что выносят дети из таких семей? Там, где мама и папа соревнуются в карьерных и родительских достижениях, дети быстро невротизируются. У них отмечается большее количество страхов; они, как правило, не уверены в себе; плохо представляют свое место и роль в жизни; чаще нарушаются отношения с противоположным полом; снижена самооценка, и т.п., т.д. Известный детский психоневролог Захаров А.И. еще в советское время доказал своими исследованиями, что нет «лучшего» метода сбить ребенку естественное полоролевое поведение, чем запечатленная в детстве картинка властной, жесткой, амбициозной матери и равнодушного, затурканного, безвольного отца (что сейчас и наблюдается повсеместно). Впоследствии мальчик идет «протоптанной» тропой, повторяя нерешительное, неуверенное поведение отца, ищет себе супругу, с которой было бы понятно, как себя вести (списанную с предприимчивой и активнейшей мамы), а найти сейчас себе такую – не проблема. Вот так растет и умножается семейное неблагополучие.

Тем не менее, семьи, где женщина и поныне рождает и воспитывает, а муж кормит и защищает, кажутся архаичными, недалекими и отсталыми. «Мало от жизни надо, - говорят про них. - Вокруг такие возможности для роста, карьеры, обучения, а они в прошлом веке остались...» Но надо сказать, что именно такие семьи дают обществу здоровых нравственно и психически людей, со здоровыми понятиями о предназначении и поведении мужчины и женщины.

Говоря про неполные семьи, сегодня становится актуальным делить их на изначально неполные (вне брака) и вторично неполные (после развода). Если в 2000 году вне брака рождался каждый 12 ребенок, то сегодня каждый 5 ребенок в Беларуси не имеет полноценную семью! В этой ужасной тенденции тоже видится одно из последствий так называемой *гендерной* революции, когда женщина «может себе позволить как угодно распоряжаться своим телом, репродуктивной функцией, рожать для себя, для других, за деньги, с донором, пр...». Дети, воспитываемые одной матерью, не знающие своих отцов,

своих корней (особенно если ситуация зачатия была далека от желаемой) в своем самоощущении уходят недалеко от сирот – *без роду без племени...*

Если женщина, как правило, профессионально состоявшаяся, в возрасте, рождает «для себя», чтобы спастись от грядущего одиночества, (что тоже сегодня становится «трендом»), то нетрудно предвидеть, какие «ягодки и цветочки» ожидают пару «мать – взрослый ребенок», когда последнему надо будет отделиться и пойти своим путем. Будет ли у него свой путь – уже вопрос. Ведь рождался-то для себя, для *моего* пути, *моего* спокойствия, *моего* удовольствия. Построить счастливую семью ребенку, рожденному «для мамы», очень тяжело. Мать может воспринять этот шаг как предательство. А если свадьба, все-таки, состоится – по данным наших белорусских исследователей городского центра социальной помощи семье и детям, наличие одинокой тещи или свекрови в 60%! случаях увеличивает риск развода у молодой семьи.

Что касается вторично неполных семей (после развода), то в 2012 году на 1000 браков приходилось 875 разводов (по материалам Статистического комитета РБ). Это означает, что даже не половина семей разводится, а 87 %.

Да, в жизни случается всякое. Особенно теперь, когда люди запросто жонглируют такими понятиями, как долг, верность, честность, ответственность. Семья становится понятием формальным. Только для ребенка ничего не изменилось: развод родителей он воспринимает как землетрясение, удар в спину, разрушение своего маленького мира. Взрослые люди с болью вспоминают, какой мукой было узнать, что теперь «папа не будет жить с нами, не любит нас». Неполная семья после развода, помимо сильных душевных мук всех участников этого травмирующего события, дает еще большие неровности в воспитании детей. Упомянем общие искажения в ролевом поведении (мальчики, воспитанные только мамами, демонстрируют женоподобное поведение и реакции; девочки в этой ситуации пробивные, ожесточенные, не настроенные на создание семьи), искажения в представлениях о противоположном поле, несознательно транслируемые мамами (все мужчины – предатели, рано или поздно «пойдут налево», женщина должна страдать и т.п.), отсюда сложности в построении романтических, а далее и супружеских отношениях, нереальные ожидания и требования, провоцирование супруга на повтор родительской ситуации, как единственно привычной и понятной. Список велик, представители «гендерного равенства», ратующие за право женщин вести какой угодно образ жизни, его, наверное, или не читали, или давно страдают от его последствий, а чтобы не страдать в одиночку, решили навязать и другим.

Как видим, проблемы тесно взаимосвязаны между собой. Вырастая в неполной семье, девочка учится негативно или иллюзорно (неадекватно) относиться к мужскому полу, рассчитывать только на себя, быть этакой «амазонкой» по отношению к мужчине. И выходя за него замуж, по общей инициативе формируется искаженное ролевое поведение: мама ведет себя как «плохой папа», папа ведет себя как «неправильная мама». Почему «плохой и неправильная»? Потому что как бы не старалась мама, ей никогда не стать мужчиной и отцом для своих детей, и наоборот. Все в семье подспудно ощущают эту неправильность.

Где выход? Загнать женщину в терем? Запретить ей учиться и соблазнительно одеваться? Организованно отправить всех мужчин в армию, чтобы они возмужали? Конечно, это было бы неплохо, но мы понимаем, что это нереально. Реально – учить со школы, с института детей основам будущей семейной жизни, сделать этот предмет обязательным, важнее факультативов по математике и кружков по английскому и карате. Реально – вводить цензуру на мерзкую аудио-видео-печатную информацию, которая разлагает души подрастающих детей. Реально – организовывать родительские сообщества и движения, которые могли бы защитить интересы и право наших детей на счастливое, чистое, целомудренное детство. Не будем отчаиваться и забывать, что мы не одни, с нами Бог.

Б. Яковлева

*методист управления воспитательной и идеологической работы
НМУ «Национальный институт образования»
Министерства образования Республики Беларусь*

НРАВСТВЕННО ЭТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩЕГО СЕМЬЯНИНА

Согласно Концепции и Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодёжи в Республике Беларусь нравственное, этическое и эстетическое воспитание подрастающего поколения в нашей стране базируется на ценностях государственной идеологии и является неотъемлемой частью культуры личности молодого человека. Сегодня необходима более масштабная работа по нравственно-этическому воспитанию, эстетическому развитию личности, которая должна осуществляться совместными усилиями государственных, общественных структур и семьи. Решение задачи сохранения нравственного здоровья детей и учащейся молодёжи является приоритетным направлением воспитательной работы во всех без исключения учреждениях образования.

Вопросы взаимодействия учреждения образования с семьёй в нравственно-этическом и эстетическом воспитании молодого поколения сегодня приобретают всё большее значение. На основе современных воспитательных технологий необходимо активизировать работу по формированию культуры семейных отношений, пропаганде семейных ценностей и авторитета семьи в обществе. Организация совместного семейного досуга становится ещё более значимой и способствует формированию социальной активности молодых людей. Целесообразно сотрудничество педагогов, учащихся и родителей реализовывать в формах познавательной деятельности (общественные смотры знаний, творческие отчёты по предметам, дни открытых уроков, праздники знаний и творчества, турниры знатоков); в формах трудовой деятельности (оформление кабинета, сбор макулатуры, посадка памятной аллеи в связи со знаменательным событием в жизни детей и родителей и др.); в формах досуга (совместные праздники, подготовка концертов, спектаклей, соревнования, конкурсы, КВН, домашние клубы выходного дня, родительские школы по интересам). Очень важно постоянно осуществлять мониторинг запросов учащихся и их родителей, а также возможностей членов педагогического коллектива в организации этой деятельности.

Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь (НИО) обеспечивает научно-методическое сопровождение образовательного процесса. За последние 5 лет по основным направлениям воспитания было издано около 40 пособий, получили гриф и рекомендованы для использования в учреждениях общего среднего и дополнительного образования детей и молодёжи 14 программ для факультативных занятий (которые размещены на сайте НИО www.adu.by). При организации работы по взаимодействию семьи и школы педагогам и родителям можно рекомендовать, разработанное авторами Н.К. Катович, Т.П.Елисеевой, пособие «Формы и методы взаимодействия семьи и школы». В издании представлен интересный методический материал о современных формах и методах работы с различными категориями семей, методах коррекции семейного воспитания. В пособии В.В. Мартыновой и А.Н. Ходосок «Социально-педагогическая работа с семьёй», формулируются актуальные проблемы современной семьи, определяются приоритетные направления социально-педагогической работы с семьёй в контексте государственной семейной политики Республики Беларусь. В пособии И.А. Фурманова «Психолого-педагогическая профилактика семейного неблагополучия» представлены материалы, описывающие особенности психического развития и поведения ребенка, воспитывающегося в условиях семейного неблагополучия, даны психолого-педагогические рекомендации по преодолению личностных и поведенческих затруднений у детей. В пособие А.А. Аладына [и др.] «Подготовка учащихся к семейной жизни» включена учебная программа факультативных занятий для X(XI) классов

учреждений общего среднего образования «Подготовка учащихся к семейной жизни» авторов А.А. Аладына, Л.И. Смагиной, А.С. Чернявской, Т.П. Елисеевой. Описываются подходы и требования к организации факультативных занятий по данной программе, активные формы и методы работы. Пособие содержит конспекты занятий по всем предлагаемым темам, богатый дидактический и раздаточный материал, позволяющий на качественно высоком уровне проводить работу с учащимися. В пособии В.В. Мартыновой [и др.] «Воспитание в семейной группе социально-педагогического учреждения» определяются особенности организации процесса воспитания в семейных группах социально-педагогических учреждений, подготовки воспитанников к самостоятельной жизни; предлагается ряд программ и циклов занятий для детей, а также программы подготовки воспитателей к работе в семейных группах. Все издания адресованы педагогам социально-педагогических учреждений, учреждений общего среднего образования, специалистам органов охраны детства, родителям-воспитателям детских деревень (городков) и будут полезны родителям учащихся. Наработки педагогов-практиков и учёных в области воспитания публикуются в различных средствах массовой информации, научно-практических и научно-методических журналах «Выхаванне і дадатковая адукацыя» (имеется рубрика по семейному воспитанию), «Веснік адукацыі», «Педагогическая наука и образование» и др.. На страницах изданий представлены новые подходы к воспитанию обучающихся, инновационные формы и методы идеологической и воспитательной работы, и др.

В работе по нравственно-этическому и эстетическому воспитанию учащихся могут использоваться такие формы работы, как конкурсно-игровые и дискуссионные мероприятия (творческие конкурсы-проекты, лекции-рассуждения, проблемные лаборатории, устные журналы, нравственно-этические воспитательные часы, часы общения и др.), проектные и исследовательские методы. Среди проектов столичных учащихся: «Уроки-презентации», «Голоса школьников», «Вкусные вопросы», «Формула сада», «Цвети мой край», «Зелёный мир дома» (гимназия № 29) «Поговорим о любви» (гимназия № 22) и др. В воспитательной работе с учащимися необходимо широкое использование деловых игр, тренингов по обучению умениям нравственного выбора, по развитию способности эффективно разрешать конфликтные ситуации.

Уникальный опыт создания музея «Славные женщины, матери...» и использования музейной педагогики в образовательном процессе создан в ГУО «Гимназия г. Калинковичи» Гомельской области. Музей состоит из двух залов: Первый зал «Роль женщины в социально-экономическом развитии района» состоит из экспозиций, представляющих материал о женщинах, внесших наибольший вклад в развитие региона и являющих собой типичный образ женщины Беларуси. Второй зал музея посвящен быту женщины региона и Беларуси. В 2012 году в музее открыта новая экспозиция «Жить во чтобы-то ни стало» – о женщинах нелегкой судьбы, не потерявших силу духа и интерес к жизни настоящей Женщины. А также экспозиция «Женщины – почетные гости нашего музея» – целью которой является демонстрация обобщённого образа женщины белоруски – на основе раскрытия ярких образов личностей женщин из разных регионов Беларуси. В музее собран материал о 153 ярких, неординарных женщинах, внесших особый вклад в социально-экономическое развитие не только г. Калинковичи и Калинковичского района, Гомельской области, но и республики в целом. Музей является базой для воспитания любви, уважения к женщине, к матери; источником усиления значимости и роли женщины в общественной и государственной жизни. Накопленные материалы о женщинах-героинях вызывают стремление к активной жизненной позиции, к бескорыстному служению людям, вносят позитив в гендерные отношения.

Необходимо с помощью родителей и педагогов максимально вовлечь учащихся в работу клубов, кружков различной направленности, соответствующих их интересам и склонностям. Популярностью у современной молодежи пользуются кружки компьютерной грамотности, дизайна, спортивные и туристические секции, клубы общественно-политической

направленности, где знание этикета, умение общаться имеет немаловажное значение. Целесообразно организовать работу групп «Милосердия», постов «Забота». Например, известен опыт работы отряда «Милосердие» гимназии № 35 г. Минска; опыт проведения факультативных занятий «Правила в моей жизни», «Учимся жить в мире и согласии» (автор Чернявская А.С.), «Основы современного этикета» (авторы Савицкая Ю.В., Савицкая А. В., Рогалевиц Н. Н.). Интересен и значим опыт работы в данном направлении во многих учреждениях образования нашей республики.

Учителю необходимы для работы не только программа и пособие для педагога, но и пособие для учащегося. Этим интересен сегодня учебно-методический комплекс (УМК) «Основы современного этикета» для учреждений общего среднего и профессионального образования, получивший гриф в 2010 году. В структуру УМК входят: программа для факультативных занятий, пособие для учащихся, пособие для учителя с подробной разработкой каждого занятия. Ряд тем посвящены семейному этикету.

Авторы УМК Ю.В. Савицкая и А. В. Савицкая, стали инициаторами проекта «Этикет: стиль жизни общества» по внедрению УМК в образовательный процесс учреждений образования нашей республики. Участниками Проекта стали педагоги и учащиеся учреждений образования: гимназий № 15, 29; 35, СШ № 108 г. Минска, Минского профессионально-технического колледжа строителей и коммунального хозяйства, Марьиногорского аграрно-технического колледжа, которые проявили заинтересованность и включились в работу по внедрению этого УМК. В ноябре 2011 в НИО прошёл Республиканский семинар по организации воспитательной работы «Педагогическое взаимодействие учреждения образования с семьёй» для заместителей директоров по воспитательной работе учреждений общего среднего образования. В апреле 2012 года лучшие работы педагогов всех регионов нашей республики по данной тематике были представлены на традиционной Республиканской выставке научно-методической литературы и педагогического опыта.

Авторы УМК инициировали создание в декабре 2012 года в городе Минске Местного фонда развития культуры и образования человека. НИО, Минский городской институт развития образования (МГИРО) приняли участие в реализации проекта «Этикет стиль жизни общества», и обсудили итоги прошедших 2-х лет по изучению современного этикета с педагогами, которые уже провели в учреждениях образования факультативные занятия и с теми, кто собирается это сделать. На конференции «Культура и этикет», организованной Фондом, совместно с Профсоюзами работников агропромышленного комплекса в феврале 2013 года, авторы УМК услышали интересные предложения по созданию электронного приложения к УМК. Педагоги практики высказали пожелания использовать УМК для проведения общешкольных воспитательных мероприятий и классных воспитательных часов в образовательном процессе школ, гимназий, лицеев и колледжей нашей республики. Работа по совершенствованию УМК продолжается.

Ребенок, подросток, юноша (девушка) должны не только думать, но и действовать по совести, в соответствии со своим мировоззрением. Такой "школой действия" служат все формы общественной работы, все виды производительного труда, все типы разнообразной индивидуально-предпринимательской деятельности. Интересен опыт работы гимназии № 29 г. Минска по организации интегрированных мероприятий с участием детей, педагогов и родителей традиционных ярмарок кулинарных и кондитерских изделий, приготовленных руками самих учащихся; выставок и конкурсов изделий и поделок талантливых учеников, победителей многих отечественных и международных олимпиад. С большим интересом участвуют ученики и педагоги гимназии в шоу-программе «Кулинарный поединок». В этих видах деятельности у школьника воспитываются умения подчинять свои интересы и свою волю решениям других и убеждать других в своей правоте, отстаивать в деле свои взгляды, ставить цели и решать их и этому, в полной мере, будет способствовать умение учащихся общаться, а полученные навыки пригодятся в семейной жизни.

Учреждения образования нашей республики стремятся к созданию конкретных условий для реализации склонностей и способностей молодых людей с учетом их интересов, потребностей в разнообразных сферах человеческой деятельности и общении; к формированию и развитию потребности в духовной жизни, в нравственно здоровом образе жизни, способности жить счастливой жизнью с семьей, близкими людьми, поддерживать благоприятный климат в коллективе, к созданию и реализации необходимых условий для возрождения у молодежи духовно-нравственной составляющей как социально значимой для реформирования Республики Беларусь. Однако ответственность родителей в решении задачи сохранения нравственного здоровья детей и молодежи велика.

Раздел IV. Жизнь в системе моральных императивов современности

М.А. Можейко

*доктор философских наук, профессор,
проректор ГУО «Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла»
Белорусского государственного университета*

ЖИЗНЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ДУХОВНОГО ТВОРЧЕСТВА

Проблема ценностных оснований личности и ее осмысление в современном контексте

XXI век не только распахнул перед человечеством дверь в новое тысячелетие, но и унаследовал многие проблемы века минувшего. Одной из важнейших таких проблем является проблема комплексного образования и воспитания. Если в сфере информационных технологий достигнуты воистину впечатляющие успехи, то гуманитарная, духовная наполненность образования по своей продвинутости зачастую не соответствует его информационному обеспечению.

На рубеже XX-XXI веков предельно остро встал вопрос мировоззренческого обеспечения образовательного процесса, то есть формирования в ходе образования не только эрудированного носителя знаний, но личности в полном смысле этого слова, то есть цельного в моральном и духовном отношении человека.

Острота этой проблемы во многом связана с тем обстоятельством, что многие идеологические системы, предложенные человечеству культурой XX века, потерпели своего рода аксиологическое фиаско. Согласно метафорическому определению современного философа Фредерика Джеймисона, культура XX века характеризуется феноменом своего рода «обратной апокалиптичности» (an inveted millenarianism): традиционное для человека «ожидание и предчувствие будущего ... заместились ощущениями конца того или этого: конец идеологии, искусства или социального класса; “кризис” ленинизма, социальной демократии или буржуазного “общества всеобщего благоденствия” и т.д.». – Особенно остро этот «конец идеологии» дал о себе знать на так называемом постсоветском культурном пространстве, где ценностное доминирование одной определенной идеологии было практически тотальным и потому уход со сцены этой идеологии на какое-то время создал в некоторых культурных зонах аксиологический вакуум. Неслучайно средства массовой информации практически всех государств постсоветского региона так много говорят о необходимости формирования новой общенациональной идеи, новой системы ценностей и т.п.

Однако, и для западной культурной традиции эта проблема столь же актуальна. Согласно Жану-Франсуа Лиотару, в современной культуре «все прежние центры притяжения, образуемые национальными государствами, партиями, профессиями, институтами и историческими традициями, теряют свою силу». Как пишет этот мыслитель, «сегодня мы можем наблюдать своеобразный упадок того доверия, которое западный человек на протяжении последних двух столетий питал к принципу всеобщего прогресса человечества», и, в целом, «...не существует позитивной ориентации, которая могла бы открыть перед ним какую-то новую перспективу».

Таким образом, по Ж.-Ф.Лиотару, «эклетицизм является нулевой степенью общей культуры: по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в McDonald's, на обед – в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и носят одежду в стиле ретро в Гонконге». – Иными словами, коллаж и мозаика превращаются в постмодернизме из частного приема художественной техники (типа «мерцизма» К.Швиттерса в рамках дадаизма) в универсальный принцип построения культуры. Примечательна в этом отношении фотография на обложке изданной в 1998 году монографии

З.Сардара «Постмодернизм и другие», изображающая женщину в парандже с американской сигаретой [см. 1].

Сосуществование в едином пространстве не только семантически несоединимых и ценностно взаимоисключающих друг друга сколов различных культурных традиций порождает – в качестве своего рода аннигиляционного эффекта – невозможность того, что К.Лемерт образно назвал «единым зеркалом мира». – По оценке французского философа Мишеля Фуко, современность оказывается «эпохой комментариев которой мы принадлежим», а современная культура – своего рода «ничейной землей», то есть таким культурным пространством, где равно приемлемы любые интерпретационные стратегии и оценки, где открывается возможность истолковать происходящее и так, и этак, – по принципу исономии, то есть «не более так, чем иначе». По оценке Р.Рорти, из актуализирующихся в постмодернистском обществе систем ценностей «ни одна ... не обладает привилегиями перед другими в смысле лучшего выражения человеческой природы. Ни одна ... не является более гуманной, чем другая», – они просто равновозможны. И даже простой консенсус оказывается в этом контексте, по оценке французского мыслителя Жоржа Батая, «подозрительной ценностью».

Следует, однако, отметить, что после событий в Соединенных Штатах 11 сентября 2002 года, – событий, поставивших человечество перед лицом ситуации, заставившей вспомнить об вполне недвусмысленной определенности фундаментальных и непреходящих ценностях, – на Западе также заговорили о «пределах» постмодернистского ценностного плюрализма, об опасности отказа культуры от стабильных систем ценностей и шкал оценок.

Но если это верно (и болезненно) применительно к обществу в целом, то тем более остро это ощущается применительно к отдельной личности, оказывающейся в ситуации отсутствия духовных идеалов и неопределенности нравственных норм. – В социально-психологическом плане обрисованная культурная ситуация во многом означает своего рода разрушение условий возможности целостного восприятия человеком себя как самотождественной личности.

Так, современными английскими и американскими психологами – причем не только теоретиками, но и практиками – зафиксирован факт так называемого «кризиса идентификации», когда человек, особенно молодой, оказывается неспособным четко зафиксировать свою позицию по отношению к аксиологическим системам, а следовательно, не может зафиксировать самотождественность своего сознания и себя как личности (А.Джироукс, С.Ланкшир, П.Мак-Ларен, М.Петерс и др.).

Иными словами, «кризис идентификации» как социальный феномен теснейшим образом связан с кризисом «судьбы» как психологического феномена, основанного на целостном восприятии человеком своей жизни как идентичной самой себе.

Если воспользоваться выражением А.П.Чехова, то для культуры классики индивидуальная судьба представляла собой «сюжет для небольшого рассказа» – сюжет, при всей своей непритязательности, вполне определенный и неповторимый как в событийном, так и в аксиологическом планах. И за определенностью биографии стояла определенность личности, рефлексивно осознающей свое отношение к условиям жизни и опирающейся в своем поведении на определенную систему ценностей.

Ханна Арендт, отталкиваясь от того факта, что в античной архаике под «героем» понимался свободный участник Троянской войны, о котором мог бы быть рассказан рассказ (история), также отмечает: «то, что каждая индивидуальная жизнь между рождением и смертью может в конце концов быть рассказана как история с началом и концом, есть ... доисторическое условие истории (history), великой истории (story) без начала и конца».

Но что же понимается под рассказом в культуре постмодерна? (А это тем более важно, что современная культура оценивается в постмодернизме именно как культура нарративная, то есть культура «нарративов» или «рассказов», «повествований».)

В постмодернизме рассказ не рассматривается с точки зрения презентации в нем исходного объективно наличного смысла, повествование о событии не возводится к

исходному, глубинному, якобы объективно наличному смыслу этого события, – смысл рассказа, напротив, понимается как обретаемый в процессе рассказывания, т.е., по формулировке М.Постера, «мыслится как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения и возникающий в акте сугубо субъективного усилия».

Собственно, по формулировке Ф.Джеймисона, сама процедура рассказа фактически «творит реальность», одновременно постулируя ее относительность, т.е. свой отказ от какой бы то ни было претензии на адекватность. Иными словами, нарратив – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному.

Что же означает данная культурная установка для такой формы рассказа, как рассказ о себе, и о такой форме истории, как история жизни – биография и автобиография?

Для культуры постмодерна индивидуальная судьба – это уже не «сюжет для небольшого рассказа», но поле плюрального варьирования релятивных версий нарративной биографии: тексты Р.Музиля «О книгах Роберта Музиля», Р.Барта «Ролан Барт о Ролане Барте», Антониони «Антониони об Антониони» и мн. др.

По оценке современных мета-теоретиков постмодернизма (Х.Уайт, К.Меррей, М.Саруп и др.), типовым способом самоидентификации для субъекта эпохи постмодерна становится способ нарративный: важным оказывается не то, что имело место быть, а то, что человек рассказывает об этом, причем рассказов может быть сколь угодно много и они могут быть диаметрально противоположными как по смыслу, так и по высказываемым в них оценкам.

Современные исследователи-психологи (А.Джироукс, С.Ланкшир, П.Мак-Ларен, М.Петерс и др.) констатируют – с опорой на серьезные клинические исследования, – что конструирование своей «истории» (истории своей жизни) как рассказа ставит под вопрос безусловность аутоидентификации, которая ранее воспринималась как данное. – Ни одна из повествовательных версий истории жизни не является более предпочтительной, нежели любая другая, оценочные аспекты биографии не имеют онтологически-событийного обеспечения и потому, в сущности, весьма произвольны.

Таким образом, индивидуальная биография превращается из «судьбы» в относительный и вариативный «рассказ». Как было показано Р.Бартом во «Фрагментах любовного дискурса», даже максимально значимый с точки зрения идентификации личности элемент этой биографии – история любви – также относится к феноменам нарративного ряда: в конечном итоге, «любовь есть рассказ... Это моя собственная легенда, ... которую я сам для себя декламирую. Собственно, влюбленный даже определяется Р.Бартом в этом контексте как тот, кто ориентирован на использование в своих дискурсивных практиках определенных вербальных клише (собственно, содержание всей книги, посвященной аналитике последних, и разворачивается после оборванной двоеточием финальной фразы Введения – «So, it is a lover who speaks and who says: ».) – В конечном итоге, «history of love» – превращается в организованную по правилам языкового, нарративного порядка, а потому релятивную «story of love» и, наконец, просто в «love story».

В конечном итоге, важнейшим принципом организации нарративно версифицированной биографии оказывается всё тот же принцип исономии (не более так, чем иначе): ни одна из повествовательных версий истории жизни не является более предпочтительной, нежели любая другая.

На основе этого Дж.Уард (автор термина «кризис идентификации») констатирует применительно к современной культуре «кризис судьбы» как психологического феномена, основанного на целостном восприятии субъектом своей жизни как идентичной самой себе, онтологически конституированной биографии.

Констатируя «кризис идентификации» как феномен, универсально характеризующий психологическую сферу эпохи постмодерна, философия постмодернизма формирует специальную программу «воскрешения субъекта» на основе своего рода «неоклассицизма», программа формирования которого предполагает или «возврат утраченных значений» (М.Готдинер, Дж.Уард).

В самом деле, в тезаурусе культурной традиции существуют ценности, чей позитивный потенциал апробирован веками и не девальвируется с течением времени.

Православная духовность и ценностные ориентации личности

Два последних тысячелетия в эволюции европейской культурной традиции прошли под знаком христианской веры. Практически во всех своих проявлениях европейская культура может рассматриваться как глубоко и фундаментально детерминированная христианскими ценностями.

Идеалы и ценности христианства оказали как аксиологическое, так и содержательное влияние на развиваемые в контексте этой культуры: мораль (практически все кодексы которой генетически восходят к библейскому декалогу); искусство (включая и тематику, и образный строй); философию (от базисной для европейской традиции универсальной идеи трансцендентализма и до предельно конкретной специфики артикуляции схоластикой онтологической и гносеологической проблематики, оказавшей влияние на все последующее историко-философское развитие Европы); доминирующие системы ценностей (переосмысление таких фундаментальных для человеческого бытия универсалий, как добро, справедливость, свобода, любовь и счастье) и культурные идеалы, а также осознание этой культурой себя как векторно ориентированной в будущее, что остро артикулирует в ее контексте феномена Надежды.

Но особое значение для развития культуры западного образца имеет то обстоятельство, что религиозная традиция, на которой эта культура основана, является традицией теистической.

Православие представляет собою яркое воплощение теизма, основываясь на Тринитарном догмате о бытии всеблагого, всеведущего и всемогущего Бога. Фундаментальной характеристикой православия является его принципиальная диалогичность: православная вера задает особо напряженную артикуляцию эмоционально-психологической компоненты религиозного сознания.

В соответствии с этим, православие как религия личного Бога предлагает и особую интерпретацию личности, понимающей человека в качестве неповторимой и уникальной субъективности, выступающей как особая ценность.

В рамках теистической веры индивидуальное *я* уже изначально находится в сакральном диалоге с Божественным *Я*, для которого оказываются значимыми тончайшие нюансы душевного состояния верующего. И если в религиях нетеистического типа максимальную позицию значимости занимает внешний ритуал, отправление культа (греко-римская религия, синтоизм и др.), то в теистических традициях на эту позицию выдвигается именно вера, степень ее глубины и искренности – «сердечная вера» в православии.

Тем самым в православной традиции самыми значимыми становятся именно личностные, неформализуемо интимные, душевные состояния верующего, ибо даже при скрупулезном соблюдении культовых требований можно оказаться грешником, согрешив «в душе своей» или лелея в ней «червеца сомнения», и, напротив, погрешности во внешней стороне отправления культа могут искупаться истовостью веры.

В образе Иисуса Христа характерный для теизма вектор личностной артикуляции персонифицированного Бога находит свое максимальное проявление: Абсолют обретает не просто персонифицированный облик, но подлинно экзистенциальные человеческие черты, оказываясь открытым не только для диалогического Откровения, но и для страдания, а значит, – сострадания и милосердия, инспирируя фундаментальный переход европейской культуры от «религии страха» (по терминологии Э.Фромма) к «религии любви».

Православная традиция акцентирует феномен искупительной жертвы Христа как выходящий за пределы оценочной этики акт милосердия и спасения человечества, несмотря на его греховность. В соответствии с этим нравственная максима достойного «несения своего креста» апплицируется на парадигмы человеческого поведения: семантическая

фигура мученика, аксиологически значимый статус страдания («сердца болезнующего») и аскезы в христианской этике), что задает глубокий и глубинный *психологизм христианской культуры*.

Этот психологизм фундирован базисной для православной традиции идеей диалогизма со-бытия человека с Богом, максимально реализующегося в феномене Откровения и предполагающего остро личное эмоциональное переживание любви к Богу. На этой основе формируется мировоззренческая парадигма не чувственного и не бес-чувственного, но со-чувственного отношения к миру. Типичным примером может служить в этом отношении позиция Максима Исповедника, ярко контрастирующая с западноевропейскими нравственными программами, основанными на постулате бесстрастной атараксии (стоицизм и т.п.).

Подобное ценностное основание задает православной (как и христианской в целом) традиции отчетливо проявляющуюся ориентацию на рефлексивные формы сознания: интенции на осознание собственной греховности, оценочное осмысление собственной веры и т.п..

В рамках европейской культуры оформляются (особенно после «Исповеди» Августина) не только идеалы, но и технологии глубинной интроспекции и скрупулезной морально-психологической рефлексии, — задается традиция программная культивации рафинированного интеллектуального самоанализа, который, собственно, во многом делает Европу Европой.

Вместе с тем, православный Символ веры, основанный на идее вочеловечивания Бога, задает в культуре человекосоразмерную парадигму божественного служения, понятого не в качестве дискретного героико-экстатического подвига, но в качестве неизменного достоинства и перманентно повседневного милосердия в отношении к ближнему (не экстремум, но норма: с любовью, но не со страстью), делая акцент не на человечестве, но на человеке: «...Жаждал, и вы напоили меня... Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне» (Мф, 25, 35–40).

Особое значение и особый статус обретает в этом контексте образ Иисуса Христа. — В обозначенной системе отсчета он являет собою в контексте европейской традиции культурный символ высшего порядка, центрирующий европейскую культуру в смысловом отношении: с одной стороны, фундируя характерную для Европы систему ценностей, с другой — задавая в контексте европейской культуры поведенческие сценарии, во многом альтернативные исходным западным поведенческим программам.

В числе таких программ могут быть названы следующие:

- активизм, уравновешенный христианской идеей препоручения себя в руки Божьи и делегирование Христу как Спасителю решения собственной судьбы,
- индивидуализм, смягченный нормативной максимой любви к ближнему,
- рационализм, тотальное доминирование которого снимается концепцией Откровения,
- и
- волюнтаризм, которому противопоставляется нравственная ценность смирения.

Даже сами исконно присущие западной традиции логико-вербальная ориентация, когнитивный и праксеологический оптимизм и интеллектуализм переосмысливаются и преисполняются новым значением благодаря пониманию Иисуса Христа как воплощенного Слова (Иоанн, 1, 14).

В образе Иисуса Христа, акцентирующем не громовую мощь, но тихий глас Божий, в качестве основы и истока не только вселенского могущества, но и подлинной свободы выступает не внешняя (физическая или социальная) сила, но душевный покой (мир) и самообладание — парадигма силы духа, фундирующая собою в качестве своеобразной сакральной программной ценности всю европейскую культуру.

Именно посредством образа Иисуса Христа православие сохраняет в контексте европейского целерационального технологизма и интеллектуализма артикуляцию любви как верховной ценности человеческой жизни. Например, нетипичная для Европы, но все же

присутствующая в ее тезаурусе нравственная максима, сформулированная Людвигом ван Бетховеном: «Перед великим умом я склоняю голову, перед великим сердцем – преклоняю колени», могла появиться в европейской культуре именно и только благодаря наличию в ней христианской традиции.

**Творчество себя:
православная духовность и идеалы самовоспитания**

Одним из важнейших аспектов православного вероучения, существенно важным применительно к вопросам воспитания, является концепция соотношения индивидуальной личности и социального контекста.

Если на Востоке автономия понимается мыслится как дистанцирование от социального контекста в условиях растворенности человека в природных (космических) циклах, то применительно к Европе, где отношение к природе конституируется в парадигме природопользования, феномен автономии, в тенденции, конституируется в экстремальном своем варианте, – автономия как тотальное противостояние среде.

Христианство, в целом, существенно сдвигает культурные акценты. Православная сотериология центрирована фигурой Иисуса Христа как Спасителя (ср. с идеей Машиаха в иудаизме, которая, будучи эксплицитно выраженной, тем не менее, не фундирует собою иудаизм: «если ты садишь дерево и услышал о приходе Машиаха, закончи работу свою, а потом иди встречать Машиаха»). – Безусловно сохраняющая свой статус идея всеобщего единения (в духовном аспекте) дополняется и уравнивается идеей автономии в плане отношения к наличному социальному контексту. Интерпретация последнего в свете презумпции Второго Пришествия предполагает перенесение аксиологических акцентов (при осмыслении феномена социальной темпоральности) с настоящего к будущему. Подобное перенесение аксиологических акцентов с настоящего в будущее (идея второго пришествия и царствия Божьего на земле) задает в христианстве парадигму *дистанцирования от социального контекста* как воплощения несправедливости и источника страданий: «не имеем здесь постоянного града, но взыскуем грядущего» (Посл. к евр., 13, 13–14). – Нравственная автономия личности от внешних условий бытия становится одной из базовых ценностей европейской культуры.

Не менее значимо и то обстоятельство, что в общем контексте доминирования универсально-логического типа культурных программ в европейском культурном пространстве православие задает острую артикуляцию значимости личного прецедента Поступка.

Формирование собственной готовности к этому Поступку, развитие способности к нему требует от человека особого – беспристрастно-критичного и творческого – отношения к себе, предполагающего кропотливый процесс формирования в себе тех нравственных и духовных качеств, которые необходимы для выполнения долга. – Воспитание выступает в этом контексте как самовоспитание, а творчество – как «творчество себя», то есть творчество, направленное не на внешний предмет, но на собственный духовный мир, и предполагающее нравственное его очищение и культивацию позитивных духовных начал. И православная традиция демонстрирует высокие примеры подобного «умного деланья», творчества себя (например, в исихазме).

Таким образом, важнейшим аспектом православной культуры является ее интенция на формирование личности особого типа, а именно – личности, ориентированной в социальном плане на сохранение самотождественности и духовной автономии в социально-политических и духовно-идеологических контекстах, и, вместе с тем, индивидуальную ответственность за судьбы мира.

Литература.

1. Sardar Z. Postmodernism & Others. The New Imperialism of Western Culture. – L. – Chicago, 1998.

М.В. Казмирук

*магистрантка ГУО «Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла»
Белорусского государственного университета*

ПРИМИРЕНИЕ ТЕОРИЙ КРЕАЦИОНИЗМА И ГЕНЕРАЦИОНИЗМА У СВТ. ГРИГОРИЯ НИССКОГО

Креационизм – учение о непосредственном творении Богом каждой человеческой души из ничего, имеет чисто библейские истоки. Одним из первых теорию креационизма выдвинул Ириней Лионский.

Преимущество теории креационизма заключается прежде всего в сохранении представления о душе как бестелесной, неделимой и неразрушимой субстанции, имеющей иное по сравнению с телом высшее происхождение. Однако сторонники этой теории сталкиваются со значительными трудностями, во-первых, при согласовании его с завершённым характером творческой деятельности Бога, поскольку предположение, что Бог постоянно продолжает творить души из ничего, видимо, противоречит словам Священного Писания о том, что Бог в седьмой день почил от дел Своих (Быт 2:2-3) [3]. Предлагались разные способы избежать этой трудности, в частности, указывалось, что, творя души, Бог не творит принципиально нового, поскольку индивидуальные души принадлежат к тому же самому роду, что и первая душа. Ещё больше затруднений вызывает объяснение механизма передачи первородного греха, поскольку души, сотворенные из ничего, должны появляться на свет абсолютно безгрешными, подобно душе Адама. Поэтому сторонникам теории креационизма приходится прибегать к различным гипотезам, самая распространенная из которых — это гипотеза «порочности человеческого зачатия», передающего грех не только от родителей к детям, но и от тела душе, что унижает достоинство христианского брака [4 с.

453-455]. Непосредственное творение Богом души каждого человека ставит Бога как бы в положение должника, который всякий раз обязан сотворить душу в момент зачатия тела человека, в каких бы обстоятельствах и какими бы мотивами оно ни было обусловлено.

Генерационизм (традудационизм, традукционизм) – учение о передаче души вместе с телом от родителей, также известное из философской традиции, было подробно обосновано Тертуллианом, который отвергал платоновский спиритуализм и придерживался стоического учения о телесности души [1].

Преимущества теории генерационизма заключаются в том, что с ее помощью сохраняется верность буквальному пониманию завершённости Божественной творческой деятельности в «седьмой день» творения (Быт. 2:2-3); легко обосновывается распространение и передача первородного греха от первых людей. Последнее обстоятельство привлекало многих приверженцев среди западных православных богословов во время пелагианских споров (перв. пол. V в.). К недостаткам теории генерационизма следует отнести его несовместимость с представлением о бестелесной, неделимой и неразрушимой природе человеческой души, а также принижение достоинства души как созданной по образу и подобию Божию. Кроме того, определенная трудность возникает при решении вопроса о происхождении души Иисуса Христа, которая должна предсуществовать в своих предках.

Особняком стоит теория св. Григория Нисского, которая по своей сути не является ни генерационизмом, ни креационизмом в чистом виде. Смысл этой теории понятен при обращении к учению святителя о творении первого человека.

В деле творения Григорий Нисский разделяет два акта: творение идеального человека, или целой совокупности человеческого рода, и создание реального Адама, конкретного человека. Даная концепция базируется на Божьем Всеведении, из чего следует, что Бог знал «от вечности», в каком количестве будет человеческий род: «сразу обнял своим творческим могуществом все человечество, наделив его чертами своего образа» [5, с. 211]. Тогда же в этом первом творческом акте они и получили дары богоподобия.

Исходя из того же всеведения, Бог предвидел грехопадение: Он не ввел сразу всех людей из своего потенциального состояния, а лишь Адама, поставив в зависимость от него происхождение всего остального человечества, по способу взаимного преемства. По сути, Адам является первым представителем рода, который заключает в себе всю совокупность отдельных людей, его потомства. Адам не сотворен первым, он первым только «явлен», первый вступает в земную жизнь; и последующие люди не сотворены, а только явлены в земном мире [5, с. 213]. Поэтому происхождение тела и души человека неразрывно связано и является одновременным: в Адаме заложены «семена» всех последующих жизней. Поэтому в определенное Богом время, зародыши, находившиеся в организме родителей, в акте зачатия являются основанием для новых людей, постепенно развивающихся [5, с. 212]. Однако при зачатии родители не сообщают детям свои субстанции: не обладают творческой силой производить из себя новые существа. От них отделяется то, что еще раньше, было создано Богом как нечто отличное от их собственного существа. Хотя и было заложено в них как зародыш нового человека, наделенный уже свойствами Божьими [5, с. 214].

Данная концепция, разработанная св. Григорием, объединяет гипотезу творения души с гипотезой её рождения, таким образом, сближаются точки зрения Оригена и Тертуллиана, несмотря на противоположность воззрений этих мыслителей. Его учение строится на креационизме и именно с этой точки зрения объясняется происхождение духовных субстанций от Бога. К генерационизму св. Григорий переходит при рассмотрении догматической стороны вопроса, т.к. генерационизм легко обосновывает переход первородного греха от Адама всему человечеству: Адам носил в себе все полноту человеческого рода в тот момент когда совершился акт грехопадения, поэтому все люди согреши вместе с ним. [5, с. 215]

Литература.

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – 4-е изд. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. – 2535 с.
2. Brady, C. Soul, Human. Patristic and Medieval Writers / C. Brady // New Catholic encyclopedia: 15 vol. – 2nd ed. - Washington: Catholic University of America, 2002. – vol. 14. – P. 339-345.
3. Давыденко, В. Ф. Святоотеческое учение о происхождении души человека / В. Ф. Давыденко // Вера и разум. – 1907. – № 1. – С. 335-355.
4. Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие: в 2 т. / Митр. (Булгаков). – М.: Паломник, 1999 / – Т. 1. – 674 с.
5. Мартынов, А. Учение св. Григория еп. Нисского о природе человека / А. Мартынов – Москва: типография М. Г. Молчанинова, 1886. – 387 с.

В.А. Латышева

кандидат исторических наук, доцент

доцент ГУО «Белорусский государственный университет»

ЭВТАНАЗИЯ – ДОРОГА К УБИЙСТВУ (ПУТЬ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ)

Развитие современной науки и медицины в частности ставят перед специалистами и обществом ряд задач, среди которых особое место занимают моральные, правовые, этические и духовные оценки генезиса социума и знаний о нём. Одним из неоднозначных явлений современности является эвтаназия. В большинстве стран мира она запрещена, в некоторых осуществляется легально. Однако следует заметить, что современное общество так и не выработало однозначной оценки к данному феномену. Споры об эвтаназии не утихают на протяжении не одного десятка лет.

Пожалуй, самым печальным периодом в истории использования широкой практики эвтаназии можно назвать первую половину XX века. Именно тогда она получает своё звучание в рамках реализации евгенистических идей. Напомним, что под евгеникой понимают учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств. Сам термин, как широко известно, впервые в научный оборот был введён Ф. Гальтоном в 1883 году благодаря публикации его книги «Исследование человеческих способностей и их развития». Тогда же евгенистические идеи получили своё распространение на территории Западной Европы, стран Скандинавии, в США. Не исключением была и Российская империя, в состав которой входили и белорусские земли. Евгеника являлась предметом дискуссий и в Советском Союзе на протяжении всех 1920-х годов. Однако следует заметить, что, несмотря на поддержку только так называемой «позитивной» евгеники, уже к началу 1930-х в советской медицинской среде ей была дана однозначная негативная оценка. Это не отменяло индивидуальных позиций некоторых медицинских работников, однако о широкой и открытой практике использования евгеники не могло идти и речи.

В то же время совершенно другая ситуация набирала свои темпы сначала в Веймарской республике, а потом в нацистской Германии. Публично идею эвтаназии, созревающую в немецкой интеллектуальной среде, озвучил в 1929 году А. Гитлер. С трибуны съезда национал-социалистической партии он предложил «очищать» немецкую нацию одним из «соответствующих» способов – физически уничтожать рождающихся в стране наиболее слабых младенцев. Однако открытое осуществление этого чудовищного плана в немецком обществе было невозможным даже после прихода нацистской партии к власти. Первоначально «селекционный» отбор пытался быть налаженным путём принудительной стерилизации женщин по расовому и национальному признаку, а так же тех, кто вёл асоциальный образ жизни либо страдал психическими расстройствами. Таким образом с 1933 по 1945 годы производился искусственный отбор потомства с целью не допустить рождения «недочеловеков».

Но пришедшим к власти нацистам этого казалось недостаточным. Параллельно пропагандистская машина готовила почву для физического уничтожения «балластных существ»: обществу навязывались идеи существования в нём такой категории как «лишние едоки», нагнеталась обстановка экономической угрозы индивидуальному бюджету каждой семьи со стороны растущего числа нетрудоспособных граждан и тому подобное.

К 1935 году категория «недостойных жить» с точки зрения нацистов значительно расширилась: в неё вошли все возрастные группы людей с различными ограничениями, в том числе и психическими. В 1938 году внимание общества попытались привлечь и экономической «оценкой» жизни душевнобольного. Нацисты призывали задуматься: содержание больного человека обходилось налогоплательщикам немалой суммой – около 60.000 рйехсмарок. Кроме того изуверская политика прикрывалась гуманными идеалами – проявить жалость к безнадежно больному предлагалось путём его медикаментозного умерщвления, т. е. осуществить практику эвтаназии. Показательно, что этот посыл активно стал использоваться немецкой пропагандой только после развязывания Второй мировой войны, именно тогда, когда внимание общественности было приковано более к внешней, чем внутренней политике государства.

В целом подготовка к тотальному уничтожению «недостойных жить» граждан шла параллельно с подготовкой к началу Второй мировой войны. Известно, что с августа 1939 года медицинскому персоналу родильных домов в Германии вменялось в обязанность доводить до администрации сведения о новорождённых с увечьями; родители были обязаны зарегистрировать больного ребёнка до 3-х лет в соответствующих структурах. В октябре 1939 года А. Гитлером был подписан соответствующий «Указ об эвтаназии». Он гласил: «Настоящим указом рейхслейтеру Боухлеру и доктору медицинских наук Бранду приказывается расширить власть некоторых терапевтов, чьи имена должны быть уточнены,

учитывая их содействие смерти неизлечимо больных пациентов после истощающего обследования их состояния» [1].

Пожалуй одним из самых трагичных продолжений вектора нацистской политики преследования немецких граждан стала программы умерщвления «Т-4» («Акция Тиргартенштрассе 4»). Она была направлена на масштабное физическое уничтожение людей с различными ограничениями. В 2006 году психиатр из ГДР, доктор М. Кранах следующим образом охарактеризовал её преступные цели: «Это была не эвтаназия в ее строгом медицинском смысле, это было не «убийство из сострадания». Оно осуществлялось особо жестоким и бесчеловечным образом без каких-либо намеков на сострадание или чувства собственного достоинства, ...неумеренная жестокость, безнравственность и жажда убийства» [2].

Однако если 24 августа 1941 года под давлением немецких общественности и церковнослужителей эта программа в Германии была приостановлена, то будучи распространенной нацистами на оккупированные территории Советского Союза, она активно продолжалась, в частности на территории Беларуси вплоть до лета 1944 года.

На ужасающих примерах история доказала несостоятельность идей искусственного отбора потомства: процент душевнобольных был восстановлен в немецком обществе уже к концу 1940-х гг.

Сегодня необходимо помнить о том, что легализовав право на убийство, общество заставляет руками одного человека убивать другого, тем самым снижает цену человеческой жизни и расписывается в собственном нежелании сделать нелёгкую жизнь больных людей достойной.

Литература.

1. Кранах, М. Уничтожение психически больных в нацистской Германии в 1939 – 1945 годах / Доклад на Международной научно-практической конференции «Психическое здоровье в гражданском обществе», Калининград, 31 мая – 3 июня 2006 г. // Независимый психиатрический журнал // <http://www.npar.ru/journal/2006/3/killing.htm>. Дата доступа: 20.10.2009.
2. Хаендорф, Г. Убийства под знаком эвтаназии при нацистском режиме // Новости медицины и фармации. – 2010. – № 329.

Н.С. Семенов

кандидат философских наук, доцент

доцент ГУО «Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета

ОБ ИСТИНЕ СЕБЯ САМОГО

Иногда задаешься вопросом: кто же обманывается относительно тебя, другие или ты сам? Или и ты сам, и другие? Но где тогда искать истину самого себя? У кого спросить?

Если истина тебя самого находится вовне, то она тебе внеположна. Если же она скрыта внутри тебя, то получается, что ты раздвоен на ложное и истинное «я», причём странным образом ложное более реально, ибо являет, а не скрывает себя. Но если истина тебя и не внутри, и не вовне, то где же? – Пожалуй, тут стоит обратиться к категории со-причастности. Истина тебя самого в сопричастности, небу ли, земле, стихии ли огня или воды, Богу или сообществу людей. Следуя этому, мы можем сказать: истина тебя самого таится в твоей сопричастности. Однако что же такое сама сопричастность?

Со-при-частность; это слово говорит нам о некоей собирательности и цельности (целое), но также и о частичности. Здесь присутствует как пассивное, так и активное действие. Мы ощущаем в нем и чувство радости (которое говорит о некоей достигнутой полноте бытия).

Можно усмотреть в нем отсылку к триединому роду существования: существование при чем-то, существование с кем-то (разделенное с кем-то) и существование в чем-то (единое существование). Сопричастность включает в себя как минимум три вида отношений: отношение принадлежности, отношение участия, отношение единения. Я принадлежу чему-то, участвую в чем-то и разделяю общую судьбу чего-то. В этом и через это обретается истина себя самого. Следовательно, анализ сопричастности обретает особую значимость, он чрезвычайно важен и для понимания человека вообще, и вот этого конкретного человека. Поэтому вопрос о сопричастности – ключевой для установления истины самого себя. Ни к чему не причастный не просто лишается всякой ответственности в этом мире и не может принимать участия в принятии решений (а это главный вид свободы); он теряет свое лицо, он теряет истину самого себя.

Однако христианство в этом вопросе обладает исключительной особенностью, поскольку здесь речь идет не о сопричастности чему-либо, но сопричастности Кому-то: жизни, крестным мукам и самой Личности Иисуса. Без этой сопричастности христианин не обладает истиной себя самого; да и вообще, христианин ли он? И теперь возникает вопрос о формах этой сопричастности – и об этической ее стороне.

Есть соблазн сказать, что эти формы могут быть любыми, лишь бы содержание было адекватным. Но это не так. Жизнь воцерковленная – вот что ограничивает их разнообразие и эклектизм разного рода их сочетаний. Именно поэтому разбираемая нами сопричастность не может быть сведена даже к моральному совершенству, к этическому в его социальном или философском понимании. Следовательно, этическая сторона христианской сопричастности – особая; она связана не, к примеру, с автономной этикой Канта, этикой долга, но она не относится и к разнотности гетерономной этики. Скорее мы должны сказать, что это кенотическая этика, этика жертвенной любви, которая выражает себя свободно и ничем не обусловлена, то есть ни внешним, ни внутренним.

А что же, вообще говоря, такое эта истина себя самого? Вероятно, это духовный закон нашего бытия, делающий жизнь стоящей того, чтобы ее прожить. В противном случае жить вовсе не обязательно. Таким образом, истина себя самого имеет прямое отношение к проблеме смысла жизни.

Иногда – и это важные моменты нашей жизни – человек чувствует: что-то решающее зреет в его душе. Но не может вырваться на волю. Какие же путы его сдерживают? – Да, субъективность, и да, объективность. Чистая объективность, думаю, для нас недостижима – либо является пределом отчужденности. Но и чистая субъективность тоже – либо является пределом произвола. Между предельной отчужденностью и предельным произволом – сопричастность, спасающая и от того, и от другого. И она же, полагаю, позволяет ответить на три важнейших вопроса: что мы ценим (и должны ценить) в людях, кого мы любим и кто является нашим врагом.

Р.Г. Пашко

кандидат философских наук

заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин

ЧУО «Институт предпринимательской деятельности»;

А.С. Карапетян

студентка 3 курса

ФЕНОМЕН ТРАНСГУМАНИЗМА И ПРОБЛЕМА ПЕРСПЕКТИВ ЕГО РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ

В последнее десятилетие в Беларуси не раз широко обсуждались актуальные вопросы взаимодействия науки, религии и общества. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко

неоднократно подчеркивал огромное значение инноваций в науке для прогрессивного развития Республики Беларусь и нового поколения, которому «... жить в новом времени — полном кардинальных изменений и тревожных вызовов». Глава государства уверен в том, что новое поколение найдет свое место в определении будущего облика Беларуси, молодежь готова превратить вызовы современности в возможности и в успех страны [4].

Трансгуманизм, как представляется, является одним из тех вызовов XXI века, на который предстоит ответить молодому поколению. Идеи трансгуманизма незаметно и одновременно стремительно быстро внедряются в массовое сознание. Проникновение в молодежную среду идей трансгуманизма происходит на уровне индивидуального сознания, можно сказать, капиллярным способом через средства современного искусства, кино, литературу, масс-медиа, современные информационные технологии, компьютерные игры, образование и т.д. В результате анкетирования удалось выявить, в основном, критическое отношение белорусской молодежи к идеям трансгуманизма. Вместе с тем довольно большой процент из числа опрошенных студентов, — 44,8% — разделяют ценности трансгуманистов и их интерпретацию идеи вечной жизни на земле.

Пришло время изучать это явление как серьезную философско-этическую и социальную проблему. Потребность в философско-этическом анализе вызвана как ростом знаний и технологических возможностей, так и возросшей ролью субъекта — потребителя всех обещанных благ со стороны трансгуманистических обществ, движений и ассоциаций. Наблюдается необходимость в этическом анализе, моральной оценке и, возможно, конкретных рекомендациях по разрешению возможных конфликтных ситуаций в будущем. Следует подчеркнуть междисциплинарный характер данной проблемы, а также недостаточное количество специальных исследований по этой проблеме в отечественной гуманитарной науке. Труды и идеи родоначальников трансгуманизма и их последователей широко представлены в Интернет-ресурсах, в кинофильмах известных режиссеров (М. Саломон, П. Андерсон, М. Бэй, Дж. Мостоу и др.), произведениях фантастов-писателей, к примеру, Алекса Коша (А.Г. Барановского). Проблемы трансгуманизма рассматриваются на международных научных форумах, конференциях, семинарах (к примеру, на Международной научной конференции Института философии Национальной академии наук Беларуси «Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем», организованной в рамках международного Дня философии в ноябре 2012 года). Однако, несмотря на многочисленные научные труды, следует отметить недостаточную изученность проблемы трансгуманизма прежде всего в современной отечественной философии и этике.

Трансгуманизм — сложное и многогранное явление, которое, на наш взгляд, относится к «открытым» философско-этическим проблемам. Проблему трансгуманизма невозможно постичь без обращения к темам антропологии, гуманизма, философии техники, этики науки, современным проблемам биоэтики, космизма, коэволюции и др. В данный момент трансгуманизм представлен Всемирной трансгуманистической ассоциацией (World transhumanism association) в США и своим аналогом в России — Российским трансгуманистическим движением (РТД), но официально эти организации независимы друг от друга. В 2011 году в России появилась новая трансгуманистическая организация: «Стратегическое общественное движение «Россия 2045», которую поддерживает ряд учёных и других известных деятелей. Учитывая то, что движение стремительно набирает обороты в мире и на постсоветском пространстве, проблема трансгуманизма является актуальной для Республики Беларусь. «Глобальный водоворот новых идей, технологий и изобретений затягивает в себя и Беларусь», — констатировал в своем ежегодном Послании к белорусскому народу и Национальному собранию Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко [5]. И с этим трудно не согласиться. Изучение проблемы трансгуманизма будет способствовать развитию инновационных исследований в области духовно-культурного развития Республики Беларусь, а также биоэтики, философии техники и вопросов национальной безопасности [3].

Попытка дать объективную оценку теоретическим идеям трансгуманизма приводит к тому, что данное учение следует в первую очередь рассматривать как очередной проект преодоления внутренних границ человеческой природы. Еще мыслители Древней Греции выражали эстетическое восхищение совершенством человеческих форм, а приверженцы идей трансгуманизма полагают, что «современный человек лишь начальная стадия» и что в будущем люди будут сильнее и выносливее, не будут обременены болезнями и старением. Сторонники трансгуманизма ставят задачу совершенствования не только человека, но и окружающей его природы с помощью генной инженерии, кибернетики и нанотехнологий. Но идеи трансгуманизма не могут не вызвать ряд замечаний. Если богатые люди способны использовать достижения новых технологий в целях самосовершенствования, то бедные будут лишены такой возможности. Такое положение вещей не освобождает бедных от обязанностей платить государственные налоги, часть которых направлена на развитие новых технологий. Следовательно, они будут спонсировать то, чем не смогут воспользоваться.

Трансгуманисты используют понятие «аблеизм» – (от англ. «able» – способный, талантливый). Представители аблеизма выделяют у человека определенные способности как наиболее существенные, отсутствие или недостаток которых у других людей рассматривают как изъян. По их мнению, люди с ограниченными возможностями не соответствуют требованиям, предъявляемым к ним обществом. Однако следует иметь в виду, что в современном обществе некоторые свойства человеческого организма, которые в действительности являются нормальными, объявляются отклонением от нормы, требующим медицинского вмешательства. Особой формой аблеизма выступает агеизм, сторонники которого ставят перед собой цель сохранения человеческого организма таким образом, чтобы он функционировал как в юности. Успехи науки и техники позволяют говорить о модели человеческого здоровья, во многом совпадающей с философией трансгуманизма. Согласно этой модели, организм современного человека нельзя назвать «здоровым», поскольку его возможности резко ограничены, и он нуждается в усовершенствовании с помощью новых технологий. Представители трансгуманизма рассматривают «здоровье» как максимальное улучшение возможностей организма. «Болезнь», с их точки зрения – это любой неусовершенствованный организм. Таким образом, «медицина усовершенствования» представляет собой новую область, в рамках которой предлагаются средства от болезней с помощью хирургии, фармацевтики, и т.п. Игнорируя аблеизм, нельзя достичь равенства между индивидами, социальными группами и отдельными странами.

В будущем, когда усовершенствования человеческого организма станут более эффективны и доступны, можно небезосновательно прогнозировать, что акции трансгуманистов резко возрастут. Однако разница между теми, кто имеет возможность к совершенствованию, и теми, кто не имеет таковой, будет еще более глубокой (например, между жителями развитых и развивающихся стран, нежели между представителями социальных групп внутри отдельно взятой страны). Миллионы людей, которые отказались от совершенствования, окажутся в положении «больных» не потому что их организмы изменились, а в силу того, что у других людей будут иные способы борьбы с болезнями. И таким образом, эти люди окажутся в дискриминационном положении.

Существуют ли какие-нибудь этические стандарты, по которым трансгуманисты оценивают «улучшение положения человечества»? Трансгуманизм совместим с множеством этических систем, и трансгуманисты придерживаются различных взглядов. Тем не менее, с некоторыми идеями согласно большинство трансгуманистов. Они считают, что можно говорить об улучшении положения человечества, если улучшилось положение отдельных людей. Только сам человек может судить, что хорошо для него. Поэтому трансгуманисты являются сторонниками личной свободы, в особенности морального права для тех, кто этого хочет, использовать технологию для расширения своих умственных и физических возможностей и увеличения контроля над собственной жизнью. То есть, с такой точки зрения, улучшение в положении человечества будет изменением, которое увеличивает возможности отдельных людей, осознано изменять себя и свою жизнь в соответствии со

своими информированными желаниями. Согласно Н. Бострому, трансгуманизм представляет собой радикально новый подход к размышлению о будущем, основанный на предположении, что человеческий вид является не концом нашей эволюции, а, скорее, ее началом. Он определяет трансгуманизм как: 1) изучение результатов, перспектив и потенциальных опасностей использования науки, технологий, и других способов преодоления фундаментальных пределов человеческих возможностей; 2) рациональное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы преодолеть старение и значительно усилить умственные, психологические и физические возможности человека [1, 2].

Трансгуманизм чаще всего описывают как продолжение гуманизма, от которого он частично происходит. По мнению гуманистов, суть людей состоит в том, что лишь отдельные индивиды имеют значение. Человек может быть не идеальным, но он может улучшить положение вещей. Трансгуманисты согласны с этим, но также они уделяют особую значимость тому, кем мы потенциально можем стать, при этом можно использовать технологические способы, которые позволят нам выйти за пределы того, что большинство считает человеческим. Как считают трансгуманисты, благодаря ускоряющемуся научно-техническому прогрессу человек выходит на новый этап в своем развитии, например, в создании искусственного разума. Молекулярная нанотехнология обладает достаточным потенциалом, чтобы создать изобилие ресурсов для каждого человека и предоставить ему полный контроль над биохимическими процессами в организме, позволив избавиться от болезней. Посредством воздействия на центры удовольствия в мозгу человек сможет испытывать больший спектр эмоций, бесконечное счастье и неограниченные по интенсивности радостные переживания каждый день. Трансгуманисты видят и темную сторону будущего развития, признавая, что некоторые из таких технологий способны нанести человеческой жизни большой вред, само выживание нашего вида может оказаться под вопросом. Эти возможности всерьез рассматривает растущее число ученых, философов, социальных мыслителей и христианских богословов.

В православном антропологическом учении человек также рассматривается «с точки зрения вечности», а смерть человека в онтологическом и религиозно-нравственном отношении определяется как его «последний враг». Однако, в отличие от трансгуманизма, христианство во главу угла ставит спасение человека, его отношение к Богу. Жизнь утверждается через непрерывное самоопределение личности человека, его свободный нравственный выбор, духовное делание, подчиненное основополагающему принципу «*тμενентō μοι*», – приготовлению к смерти ради вечной жизни. Биологическая смерть человека – это момент духовного суда. Вечная жизнь и телесное воскресение рассматриваются в эсхатологической перспективе, в метаистории. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси поясняет понимание проблемы совершенного человека с точки зрения христианства. Он разоблачает своеобразное обновленное пелагианство, которое проявляется в желании современного человека обладать чувством своего совершенства и самодовольства. Митрополит Филарет напоминает об изначальной греховности человека и необходимости совершенствования человека, в процессе постоянной борьбы со страстями. Человек должен поддерживать в себе неуклонное стремление к благу, настойчиво отвергая зло. В этом и состоит понимание образа совершенства человека, каким его передает апостол Павел и христианское богословие (Флп. 3: 13-15) [6, с. 22, 24-25].

В заключение следует отметить, что следует критически подходить к последствиям победы идей трансгуманизма для человечества и окружающей среды, к попытке трансгуманистов построить новый «рай» для людей будущего, превзойти традиционные ценности человеческой жизни. Мировоззренческая парадигма трансгуманизма амбивалентна по отношению к существующим философско-этическим принципам и моделям поведения человека. Паразитируя на мечтах и чаяниях людей, идеология трансгуманизма несет в себе

разрушительные парадигмальные установки для всего человечества, а также угрозы духовно-культурному развитию Республики Беларусь и традиционным ценностям белорусского народа, особенно для развития молодежи, потенциально предрасположенной к новым стратегиям жизни и поведения. Таким образом, человек, его развитие и совершенствование, а также готовность молодого поколения достойно ответить на вызовы современной эпохи и строить свое будущее, основываясь на духовно-культурных традициях, – вот, что действительно сообщает импульс для творчества, интеллектуального прогресса и духовного роста, ведет к новым достижениям.

Литература.

1. Bostrom, N. How long before super intelligence? // Режим доступа: <http://www.nickbostrom.com/super-intelligence.html>. – Дата доступа: 07.08.2012.16:35.
2. Bostrom, N. Observational selection effects and probability // Режим доступа: <http://www.anthropic-principle.com/preprints.html>. – Дата доступа: 10.09.2012. 17:35.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск, 2011.
4. Лукашенко, А.Г. Белорусский путь: патриотизм, интеллект, прогресс: Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 08.05.2012 г. / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 10 мая 2012.
5. Лукашенко, А.Г. Обновление страны – путь к успеху и процветанию: Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 19.04.2013 г. / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 20 апреля 2013.
6. Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Богословие добрососедства / Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет. – Киев: Дух і літера, 2002. – 211 с.

Т. Тарасевич

*научный сотрудник Центра проблем развития образования
ГУО «Белорусский государственный университет»*

БИОЭТИКА:

ОТ ОНТОЛОГИИ ВЛАСТИ К ОНТОЛОГИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Алквист: *Есть у Наны молитвенник?*

Елена: *Есть, толстый такой.*

Алквист: *А есть в нем молитвы на разные случаи? От грозы? От болезни?*

Елена: *И от соблазна, от наводнения...*

Алквист: *А от прогресса нет?*

Елена: *Кажется, нет.*

Алквист: *Жаль.*

Карел Чапек

«Универсальные роботы Россома»

Развитие новых биомедицинских технологий порождает беспокойство по поводу этической приемлемости ничем не сдерживаемого технико–технологического прогресса. Биоэтика была вызвана к жизни прежде всего беспрецедентным прогрессом биомедицины, который сделал возможным многое из того, что еще совсем недавно было трудно себе вообразить. Сегодня достижения биомедицины чрезвычайно быстро превращаются в технологии, позволяющие успешно бороться с тяжелыми недугами, намного увеличивать продолжительность жизни.

В то же время свершения человеческого разума в области науки и техники заставляют людей задуматься, поскольку новые технологии далеко не всегда и вовсе не автоматически несут благо человеку. И не только задуматься, но и делать выбор: слишком часто приходится тратить силы и средства на преодоление весьма серьезных негативных последствий их применения. Иными словами, мир новых биомедицинских технологий требует от человечества вновь обратиться к проблеме различения добра и зла. Будут ли технологии служить человеку или сделают его своим заложником? Стремительный рост и использование биотехнологий, применение их в медицине при отсутствии ценностного содержания и духовного измерения бытия заставляет признать второе.

Прошедший век оставил нам в наследство и биоэтику. Что же произошло в XX веке, и чем было вызвано ее появление? Биоэтику называют порождением западной цивилизации, этикой глобализации, наукой с беспредельными амбициями и весьма ограниченным содержанием, этикой юридического типа, ибо именно юриспруденция была взята за основу языка этой этики. Чтобы выявить истоки этого явления, нам придется обратиться к более ранним эпохам и культурам.

Два последних столетия человеческой истории определял прогресс техногенной цивилизации, которая активно завоевывала себе все новые пространства. Этот тип общественного развития возник в европейском регионе и его называют западная цивилизация. Но учитывая, что он реализуется в разных вариантах как на западе, так и на востоке, лучше использовать для него термин техногенная цивилизация, поскольку её важнейшим признаком является ускоренный научно-технический прогресс. Ей предшествовал исторически более ранний тип цивилизационного развития – традиционное общество. Это древние государства, средневековый славянский, арабский мир, культура византийско-русского типа, – образцы традиционных обществ. Этот тип сохраняется и после становления техногенных цивилизаций.

В техногенной цивилизации главным фактором изменений становится развитие техники и технологии. Возникает развитие, основанное

- на ускоренном изменении предметной среды;
- на ускоряющихся трансформациях социальных связей людей;
- на изменениях типов общения;
- на радикальных трансформациях видов деятельности, целей и ценностей.

Возникновение техногенной цивилизации было подготовлено рядом мутаций традиционных культур. Наиболее значимыми из них были идеи, возникшие в эпоху Ренессанса и Просвещения. Ренессанс подарил миру гуманизм, антропоцентризм, индивидуализм, сформировал образ человека как активного существа, которое находится в деятельном отношении к миру, начав десакрализацию культурного пространства.

Человек Ренессанса – это человек деятельный, но отнюдь не самопознающий. Покаяние для него уже невозможно. Просвещение развило эти идеи, дополнив их верой в прогресс через разум и исключив из истории и культуры, а затем и из Вселенной Бога. Постепенно сложилась своего рода «культурная матрица» данного типа цивилизации, которая диктует понимание того, что есть человек, природа, в том числе и человеческая, человеческая деятельность, мир, власть и господство и т.п.

Мы остановимся, в контексте нашей темы на рассмотрении одного компонента «культурной матрицы» техногенного общества – особом понимании власти, силы и господства над природой, социальными обстоятельствами и над самим человеком.

Пафос преобразования мира породил особое отношение к идеям господства силы и власти. В традиционных культурах они понимались, прежде всего, как непосредственная власть одного человека над другим, но не как обладание и подавление, а как забота и ответственность. Традиционные культуры не знали автономии личности и идеи прав человека. Человеческая личность не была эмансипирована от Церкви, яд нехристианского гуманизма и либерализма не отравил тогда еще человечества, призрачные идеалы «человека и гражданина» не искалечили людей. Всякий стремился быть рабом Божиим и чувствовал в

этом рабстве Богу истинную свободу, которую не могут дать никакие революции и конституции.

В техногенном мире можно обнаружить немало ситуаций, в которых господство осуществляется как сила непосредственного принуждения одного человека другим. Кроме того, отношения личной зависимости подчиняются новым социальным связям, их сущность определяется всеобщим обменом результатами деятельности, приобретающими форму товара. Власть и господство в этой системе отношений предполагают владение и присвоение товаров (вещей, человеческих способностей, информации, органов и репродуктивных функций человека, абортированных детей как товарных ценностей, имеющих денежный эквивалент). В результате в культуре техногенной цивилизации происходит своеобразное смещение акцентов в понимании предметов господства, силы и власти – от человека к произведенной им вещи. А производить можно все, вплоть до самого человека. В свою очередь, эти новые смыслы легко соединились с идеалом деятельностно-преобразующего предназначения человека.

Итак, в этой системе ценностей само положение человека оказалось двояким – с одной стороны, он понимается как активное существо, деятельного которого направлена вовне, на преобразование и переделку внешнего мира, в первую очередь природы. Но с другой стороны, природа самого человека, рассматриваемая как совокупность функций и процессов, становится предметом властного освоения и преобразования. Вектор власти расширяет сферу своего действия. Сделав круг человек–природа–общество–культура–предмет–товар, он вернулся к человеку.

Ценности техногенной культуры задают принципиально иной вектор человеческой активности. Преобразующая деятельность рассматривается здесь как главное предназначение человека. Причем активный идеал властного отношения к природе распространяется и на сферу социальных отношений, и на сферу собственной биологической природы, и на сферу морали, рассматриваемых в качестве особых объектов, которые может и должен целенаправленно преобразовывать человек. Таким образом, осуществление господства власти становится базисным основанием, можно сказать, условием бытия человека, а власть – своего рода категорией онтологии.

Появление биоэтики, вместе со всей совокупностью научных открытий и технических возможностей с ней связанных свидетельствует не только о необычайно возросшей власти человеческого рода над своим «воспроизводством» и «устроением», но и о качественном скачке в онтологическом статусе человека.

Возможность расшифровки и изменения генетического кода, так называемая «зародышевая терапия», клонирование – эти открытия пролагают путь к исполнению тайных желаний, по определению священника Владимира Зелинского, которые называются «вековыми мечтами человечества», – переписать человека набело вместо того несовершенного, как бы вкривь исписанного черновика, доставшегося нам после грехопадения (3). При этом, чем могущественнее тот набело «переписанный» человек предстанет в собирательном виде, тем более зависимым, уязвимым и управляемым окажется он в качестве отдельной человеческой особи.

Перед лицом новых перспектив, открываемых генетической манипуляцией, человек вынужден переосмыслить свое положение в мире, дать ему новое определение, вновь испытать свою совесть с точки зрения той невероятной власти по отношению к жизни, которая все в большей мере оказывается в его руках. «Что есть человек», который вот-вот получит власть пересоздавать и перекраивать себя изнутри? После отчуждения производства, техники, культуры мы сегодня имеем беспрецедентный в истории феномен отчуждения человеческой природы и человеческой жизни. Человек становится заложником самого себя и технологий им созданных. Мир с возрастающей настойчивостью говорит о «проблемах», возникающих от сознания и использования этой власти.

Решение биоэтических, как и вообще этических проблем должно осуществляться соответствующей антропологией или даже космологией. Если имеется общепринятое

основание для понимания человека и мира, разумеется, легко прийти к согласию в рассмотрении и решении проблем биоэтики и к столь же согласованным действиям. А если такой общей опоры не существует, то, конечно же, в каждом случае будут появляться собственные устои, зачастую противоречащие друг другу.

Биоэтика, пытаясь постичь и исследовать главные направления развития, созданные скачкообразным ростом биологии и медицинской технологии, разрабатывается почти исключительно на безличном основании. Она пытается рассматривать общие тенденции, а не личности и не межличностные отношения. Она сосредотачивается на исследовании новых неожиданных вопросов и пытается разрешить их на мировом уровне с помощью самых общих принципов.

Священник Владимир Зелинский в статье «Благодарение жизни: от биоэтики к Премудрости» раскрывает суть этих процессов: «Биоэтика как наука возникла в западном мире и в какой-то мере впитала его юридические, моральные, социальные установки. Она ориентирована на тот мир, в котором чудовища хотя и не сходят с телеэкранов, не ходят, как правило, открыто по улицам и не часто побеждают на выборах. Правила, однако, всегда могут меняться и либеральная культура, воспитанная на гуманистической логике, проводящей четкую границу между допустимым (убийством зародыша) и недопустимым (убийством уже сложившегося ребенка), не всегда ощущает, сколь хрупкой может быть эта граница, и что допустимое всегда стремится выйти за нее и далеко расширить свои пределы.

Так безобидная философская идея случайности, отнесенная ко всякому существованию, легко может послужить своего рода подземным ходом, прорытым под границей, охраняемой сегодня законом, и общественной нравственностью, и войти в «стадо свиней», вооружившись генной терапией. И поэтому сегодня идеи «неслучайности», то есть Промысла Божьего о каждом человеке, становятся единственной нравственной и интеллектуальной силой, способной защитить жизнь от мягкого тоталитаризма, бесшумно выползающего из кожи либерального общества. Основным принципом... должен стать принцип, согласно которому власть над жизнью и смертью одного человеческого существа никогда не должна находиться во власти другого. Даже если это существо состоит только из одной клетки» (3,393-394)

В Православной Церкви вопросы биоэтики естественным образом ставятся в план христианской этики. Не нужно забывать, что с самого начала в нравственном учении Церкви рассматривались и такие биоэтические вопросы, как аборт и эвтаназия. Это означает, что вопросы биоэтики должны изучаться на том же основании и в той же перспективе, в какой и вопросы этики. Именно в этом контексте мы сможем говорить о христианской биоэтике. Следовательно, отличие биоэтики от церковной этики вовсе не означает автономности и независимости взгляда первой от последней, но только принципиальное различие в их методах решения проблем. То есть подход к вопросам биоэтики, как, впрочем, и этики, должен строиться на основе христианской антропологии и космологии. Необходимо рассматривать эти проблемы в свете обожения человека во Христе и обновлении мира. Решение всех проблем, связанных с тем, что называется жизнью, проистекает из общего церковного видения, а не вырабатывается особым комитетом специалистов.

Православие, подступая к биоэтике, изначально отказывается от редукции творения жизни к ряду схем и проблем, от заключения их в какие-то рациональные формулы, чтобы затем, следуя логике этих формул, сформулировать для них наиболее нравственно приемлемые и достойные решения. Когда мы используем выражение «дар жизни», вошедшее в наш обиход, то мы осознаем, что этот дар не принадлежит нам, мы не можем им манипулировать, превращать его в капитал или товар. Мы не творим жизнь, она только передается через нас как наследие Божие, источник ее лежит не в нас, но в отцовстве Того, Кого Писание называет «Начальником жизни» (Деян.3, 15). Осознание этого требует совершенно иной онтологии – онтологии ответственности. Какой ответ о своей жизни и о своей смерти мы дадим бытию и Богу – этот вопрос стоит перед каждым человеком. Но в контексте современных биомедицинских технологий он приобретает новое звучание. Как

всякое человеческое изобретение, эти технологии и практическое их применение должны все время оцениваться в свете Священного Предания.

По своей сути христианская этика есть функция Церкви, поклоняющейся и служащей Богу. Отсюда следует, что дело практической этики есть общее, церковное дело, и ответственность за него лежит на каждом из нас. Подобно тому, как каждый христианин призван быть богословом, принося самого себя и весь мир Богу в молитве, так призван он быть делателем на ниве этики и нравственного богословия. Как пишет протопресвитер Иоанн Брек: «Следя за возникающими этическими дилеммами, обсуждая их в семье, в приходском окружении и на работе, занимая позицию – личную и общественную, – отражающую наше осмысление Евангелия и заповедей Божиих, мы сможем честно и с пользой послужить многим преданным своему делу медикам, которые в свою очередь призваны служить нам. Мы сможем помочь им своим духовным руководством и навыком различения – тем, чего сами они ищут. Вот путь восстановления медицинской этики в подобающем ей достоинстве богословской дисциплины, которая работает во славу Христа и ради духовного здоровья членов Его Тела» (1,29).

Если существует православный подход к биоэтике, то он отнюдь не заключается в каком-то горделивом обособлении и противопоставлении себя иным религиозным или философским подходам. Он заключается в словах Христа, который говорит о том, что происходит с нами в данный момент: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин.5, 24). В этой перспективе Царство Божие – не просто объект нашего упования, а предлежащая реальность, которая открывается в Святом Крещении и поддерживается Покаянием и Причащением Тела и Крови Господа.

Эта «евхаристическая премудрость» должна стать истоком, движущим началом христианского мышления наших дней как альтернатива тому познанию с его стремлением к власти, которое пытается овладеть и манипулировать жизнью. Сегодня это манипулирование грозит нам новым тоталитаризмом, который может быть побежден лишь возвращением к истоку и смыслу Творения, к Евхаристии жизни, то есть вниманием всего нашего существа к той Любви, которая открыла себя в Боговоплощении. Поскольку, как в свое время писал архиепископ Иларин (Троицкий), ныне священномученик: «Идеал Православия есть не прогресс, а Преображение».

Литература.

1. Иоанн Брек, протопресвитер. Священный дар жизни. М., «Паломник», 2004.
2. Киприан Керн, архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. М., «Паломник», 1996.
3. Сгречча Э., Тамбоне В. Биоэтика. Учебник. М., Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002.
4. Силуянова И. Истины и идолы. М., Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003.
5. Степин В.С. Ценностные основы и исторические перспективы техногенной цивилизации. // Социология №3, 2000.

РЕЗОЛЮЦИЯ
XIX Международных Кирилло-Методиевских чтений
(Минск, 22-24 мая 2013 года)

В современном европейском обществе, в котором, с одной стороны, происходит бурное развитие биомедицинских технологий, а с другой – все более наращивается секулярная риторика, традиционные, укорененные в христианском вероучении представления о человеке подвергаются существенной трансформации. Если ранее все правовые и нравственные нормы, в границах которых развивалось общество, находились в зависимости от библейского учения о человеке как образе и подобии Божию, то сегодня вопрос о высшей моральной санкции остается открытым. Общество стихийно нащупывает новые идеалы, которые нередко строятся на основе прагматизма.

В сложившейся ситуации ряд религиозных конфессий посчитали необходимым сделать сообщения, в которых они сформулировали свое отношение к основным социальным проблемам современности. К последним относятся и проблемы биоэтики. Русская Православная Церковь высказалась на эту тему в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых на Архиерейском соборе в 2000 году (раздел XII). В указанном документе замечается, что новые технологии помимо новых возможностей в делании добра содержат в себе и новые угрозы.

В этом контексте рассмотрев такие проблемы биоэтики, как аборт, контрацепция, ЭКО и другие техники вспомоществования зачатию, суррогатное материнство и донорство половых клеток, эксперименты над геномом человека и клонирование, трансплантация органов и тканей, эвтаназия, гомосексуализм и смена пола и др., участники Чтений приняли следующую резолюцию.

1. Аборт недопустим, он является убийством, поскольку эмбрион есть человек, на определенной стадии своего развития, обладающий духовной и биологической уникальностью и неповторимостью. Возможным исключением из данного правила являются случаи, когда беременность несовместима с жизнью матери.

2. Отношение к контрацепции лишено крайностей. Осуждается те ее виды, которые являются абортивными (способствуют умерщвлению оплодотворенной яйцеклетки), а также те, которые наносят тяжкий вред здоровью, в том числе репродуктивному. Вопрос о допустимости тех видов контрацепции, которые не содержат указанных рисков, должен решаться индивидуально.

3. Церковь считает возможным применение некоторых современных методов ЭКО, при условии, что в процедуре участвуют только супруги (донорство во всех видах исключено), исключено уничтожение «избыточных» эмбрионов, супруги полностью осведомлены относительно рисков как для здоровья матери, так и возможных патологий беременности.

4. Суррогатное материнство исключено во всех вариантах. Особенно резкой отрицательной оценки заслуживают те случаи, где речь идет о коммерческой сделке, в результате которой суррогатная мать фактически торгует своим телом и его половыми функциями, а также продает рожденного ею ребенка. Использование донорских половых клеток является также недопустимым, поскольку разрушает цельность брачного союза, вводя в него третьих лиц.

5. Церковь приветствует те возможности, которые открываются перед человечеством в лечении генетических заболеваний, в том числе и в пренатальный период. Однако вызывают

серьезные опасения, что диагностика этих заболеваний нередко используется не для лечения или коррекции болезней, а выдается за показания для абортa. Проблемными являются и некоторые попытки «усовершенствовать» геном человека, которые не только представляют собой скрытые эксперименты над человеком, но и чреваты непредвиденными последствиями.

6. Православная Церковь позитивно относится к тем возможностям спасения жизни и здоровья, которые становятся доступными для человечества благодаря новейшим достижениям трансплантологии. Однако в случае пересадки органа от живого донора должны быть полностью соблюдены принципы свободы (информированности, непринужденности), риски для жизни донора не должны превышать определенных границ, орган должен передаваться на безвозмездной основе.

7. Эвтаназия (преднамеренное умерщвление) человека с целью освобождения его от «бессмысленного существования» недопустима и должна рассматриваться как убийство. Вместе с тем, следует отличать эвтаназию от ситуаций, в которых противоестественно продлевают страдания человека и не дают ему умереть, используя медикаменты и технику.

8. Гомосексуализм является грехом, а не «альтернативной» нормой. Церковь против «однополой браков» и усыновления гомосексуалистами детей. Операции по смене пола Церковью осуждаются.

Таким образом, разрешение проблем биоэтики требует определения понятия нормы (должного), что непосредственно ставит вопрос о нравственных императивах современности. Христианское вероучение дает возможность разрешить эти проблемы, выстраивая четкую систему моральных ценностей и определяя приоритеты нравственного долженствования.

Научное издание

**Жизнь человека – дар Божий.
Биоэтические проблемы современности
в свете христианского вероучения**

Сборник докладов
XIX Международных
Кирилло-Мефодиевских чтений
(24 мая 2013 г.)

Ответственный за выпуск В. Кузьмин

Подписано к печати 19.12.2014.
Формат 60×84^{1/8}. Бумага офсетная.
Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,8. Уч.-изд. л. 15,2.
Тираж 99 экз. Заказ 51.

ООО «Ковчег»
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 1/381 от 01.07.2014.
Пр. Независимости, 68-19, 220072 г. Минск.
Тел./факс: (017) 284 04 33
e-mail: kovcheg_info@tut.by